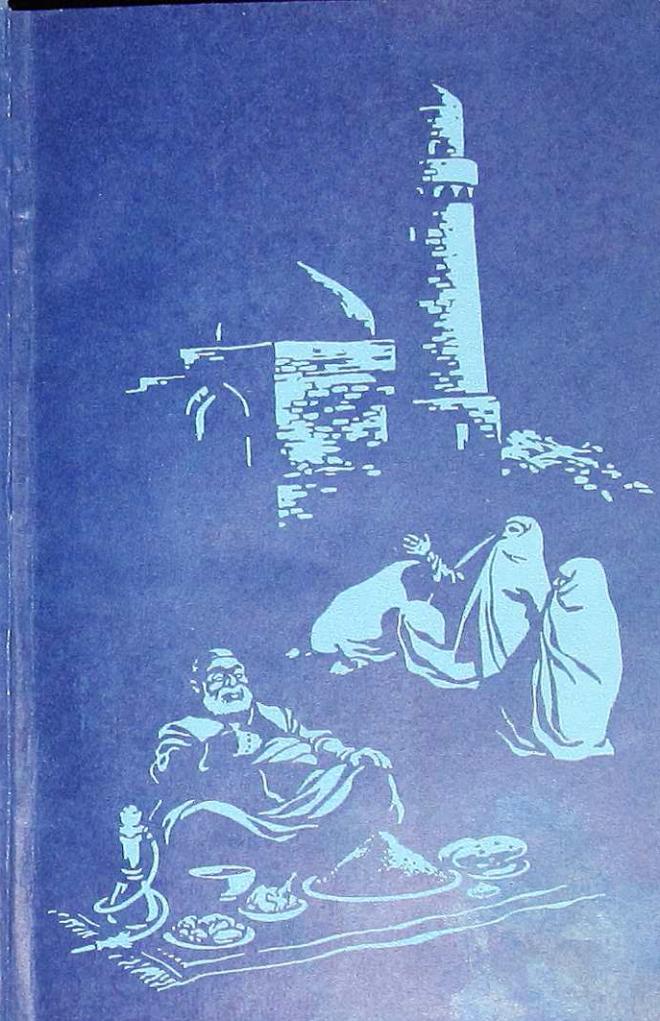


САБИР

СОЛЛЮКСОВ ПРЕДАТЕЛЬ





⑪

Мирза-Алекбер Таир-заде (Сабир)

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

БОЛЬШАЯ
СЕРИЯ

С А Б И Р
САТИРЫ и ЛИРИКА
(ХОП · ХОП · НАМЭ)



САБИР

Переводы П. Панченко

Под редакцией

Н. Брауна и А. Шарифа

Вступительная статья, подготовка текста
и примечания А. Шарифа

Среди выдающихся представителей азербайджанской дореволюционной литературы особое место как поэт-сатирик, поэт-гражданин, революционный поэт занимает Мирза-Алекбер Танр-заде, известный под псевдонимом Сабир.

Сабир как поэт-сатирик сложился в период русской революции 1905 года и, примкнув к революционно-демократическому течению в азербайджанской литературе, стал одним из передовых его деятелей.

В главе этого литературного движения стоял Джалил Мамед Кули-заде (1869—1932), основатель и редактор сатирического журнала «Молла-Насреддин», который начал издаваться в Тифлисе с весны 1906 года и после некоторого перерыва возобновился изданием уже в советское время (1921—1931) в Баку.

В годы революционного подъема и последовавшей затем реакции в России журнал «Молла-Насреддин», сплотивший вокруг себя лучших представителей тогдашней азербайджанской интеллигенции, смело выступала против царского полицейско-колониального режима, против азербайджанских помещиков и капиталистов, против религиозных фанатиков и мракобесов, против буржуазных националистов — панисламистов и пантюрюристов.

С революционно-демократических позиций освещал журнал положение полуколониальных народов бывшей царской империи, рисовал безрадостную жизнь и революционную борьбу трудящихся масс Азербайджана и всего Ближнего Востока против агрессии империалистических держав, часто касаясь и весьма отдаленных мусульманских стран Азии и Африки.

Азербайджанский народ выдвинул в эти годы своих лучших сынов, которые подняли знамя борьбы «за избучные права человека, за демократию»¹ и своей борьбой против средневекового застоя, про-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 19, стр. 66.

тия невежества и косности, против национального гнёта и классовой эксплуатации оказывали действенную помощь пролетариату в его борьбе за торжество великих идей социализма.

В числе этих славных сынов свободолюбивого азербайджанского народа был и Сабир, великий поэт и боец за освобождение не только своего народа, но и всех угнетенных народов Ближнего Востока.

I

Мирза-Алекбер Таир-заде родился в городе Шемахе 19(31) мая 1862 года.

Окружавшая будущего поэта среда отличалась особенно глубоким религиозным фанатизмом.

Первоначальное образование Сабир получил у моллы, который преподавал ему вместе с кораном также персидский и арабский языки; однако вскоре (в 1874 году) в Шемахе открыл школу известный уже тогда поэт и педагог Сейд-Азим Ширвани, преподававший по новому в то время — звуковому методу. В его школе наряду с общеобразовательными предметами преподавались азербайджанский, русский и французский языки.

Сабиру посчастливилось попасть в эту школу, но больше двух лет ему не удалось пробыть в ней: отец взял его к себе в лавку — помогать в торговых делах. Однако будущий поэт не был расположен к торговле и все свое время посвящал чтению книг, которые ему случайно удавалось доставать. Одновременно он записывал в свою карманныю книжку стихи, любовь к которым развивал в нем его учитель Сейд-Азим.

Сейд-Азим Ширвани (1835—1888) принадлежит к числу наиболее даровитых и прогрессивных азербайджанских поэтов второй половины XIX века. Получив всестороннее образование на восточных языках, посетив культурные центры Ближнего Востока, он накопил большие знания и опыт и считался одним из наиболее просвещенных людей своего времени. В его богатом поэтическом наследии мы находим, наряду с замечательными по красоте чеканности лирическими газелями, остро-сатирическими стихотворениями, затрагивающими социальные темы, и памфлеты, направленные против духовенства.

Под влиянием Сейд-Азима Ширвани начал свои поэтические опыты Сабир. Еще в ученические годы он написал несколько небольших стихотворений и сделал отдельные переводы из Саади.

До 23-летнего возраста Сабир безвыездно жил в родном городе Шемахе. К этому времени он был уже в числе признанных поэтов своего города.

В 1885 году Сабир отправился в город Мешхед (Хорасан) и в течение нескольких лет странствовал по Ирану и Средней Азии.

Внезапная смерть отца вынудила его вернуться в Шемаху, чтобы позаботиться о семье, оставшейся без кормильца. Тяжелые материальные условия Сабира еще более осложнились после женитьбы (в 1892 году), и он вынужден был на некоторое время вовсе отказаться от поэзии.

В 1901 году, по окончании медицинской школы в Тегеране, вернулся в Шемаху поэт Аббас Сикхат (1874—1918), сыгравший большую роль в формировании поэтического таланта Сабира.

Аббас Сикхат, прекрасно знавший классическую литературу Востока, владевший русским и французским языками и знакомый с лучшими образцами западноевропейской и русской литературы, за короткое время сплотил вокруг себя передовые культурные силы города. Немногочисленная шемахинская интеллигенция часто собиралась у Аббас Сикхата для литературных бесед. Сикхат знакомил своих собеседников с произведениями европейских и русских поэтов, которых он переводил на родной язык.

Нараставшие революционные события пятого года захватили Сабира, и в его творчестве появились первые стихи на гражданские темы.

К числу этих стихотворений относится «К согражданам мусульманам и армянам», написанное по поводу кровавых армяно-азербайджанских столкновений, спровоцированных в 1905 году царским правительством при прямой поддержке азербайджанских и армянских помещиков и капиталистов. В этом стихотворении Сабир призывал два братских народа к прекращению вражды и к дружбе.

Но это было только началом становления поэта-революционера. Толчок к пробуждению подлинного поэтического дарования Сабира был дан сатирическим журналом «Молла-Насреддин».

Когда Сабир стал сотрудником этого журнала, ему было уже за сорок лет, но в течение последующих пяти лет жизни Сабир успел ступить на непроторенное, упущенное годы.

Нелегко было Сабиру в этой новой сфере деятельности поэта-журналиста, участника боевого органа революционной демократии.

Журнал «Молла-Насреддин» был обявлен духовенством еретическим; моллы повсюду в мечетях объявляли глауми и вероотступническими всем, кто осмеливался «осквернить» свои руки прикосновением к этому «кортрую творению»; издатели и сотрудники журнала были объявлены вне религии ислама.

Какое же впечатление могло произвести на шемахинских «правоверных» участие в таком еретическом журнале их соотечественника,

газели, оды, лирические стихи и шутки которого они всегда слушали так охотно?

Сабир был вынужден с самого начала скрываться под псевдонимом «Хоп-Хон» (Уод) и впоследствии, когда он был раскрыт, часто его менять или помещать свою сатиры без подписи.

Но очень скоро тактика Сабира была разгадана, его участие в журнале было установлено, автор бичующих строк был разгадан. Его сатиры узнавались по меткости, целеустремленности, остроте.

Правоверные шемахинские фанатики не могли вынести такого «зазора», и Сабир был подвергнут бойкоту. Мещансское общество стало преследовать поэта, дерзнувшего поднять руку на освященные веками обычни и адыты.

Вот что писал поэт в одном из своих писем этого периода:
«В прошлом году я решился было оказать услугу своим землякам, но в ответ на это я получил, вместо награды, один оскорбления, от которых много страдал. Сила и терпение у меня вконец исчерпали. Подобно Юсифу¹ я очутился в пленах у своих братьев; один направляет меня пощечиной; другой, когда я бросаюсь к нему с открытыми объятиями, опускает свой кулак на мою голову; когда, отвернувшись от него, я обращаюсь к третьему, тот отталкивает меня в грудь, бьет по зубам; когда отхожу от этого, еще один бьет меня в спину, и я падаю ничком...»

Положение невыносимое. Жизнь моя похожа на жуткую драму. Оставаться в Шемахе больше нет сил!»

Упоминаемая в начале письма «услуга своим землякам» выражалась в том, что поэт задумал открыть, подобно своему старому учителю Сейд-Азиму, школу, назвав ее «Школой надежды», но за неимением желающих учиться в школе вероотступника, она закрылась.

Это было самое тяжелое время в жизни поэта.

В течение трех лет великий сатирик, имя которого гремело по всему Ближнему Востоку, сатиры которого заучивались наизусть, распевались трудящимися Азербайджана, звучали на тавризских баррикадах, влечи тяжелое существование, но от этого его талант не погас, его энергия не иссякала, его воля к борьбе не сломилась. Наоборот, то были годы наивысшего расцвета его таланта.

После долгих мучений, лишь осенью 1910 года Сабиру удалось, сдав экзамен на авансе учителя, получить место преподавателя в одном из рабочих районов города Баку (в Балаханах).

¹ Намек на библейского Иосифа Прекрасного, которого из зависти хотели погубить его братья.

Здесь, уже находясь на вершине своего творческого расцвета, Сабир впервые получил возможность непосредственного и повседневного общения с передовыми промышленными рабочими, ближе присмотрелся к их быту, труду и борьбе. И это еще более приблизило Сабира к революционному пролетариату, расширило его кругозор, усилило его ненависть к эксплуататорскому миру.

Но смерть уже подстерегла ослабевшего от постоянной нужды и лишений, от неравной борьбы и неотступных преследований поэта. Обострявшая болезнь печени вынудила Сабира оставить работу в Баку, где он, кроме преподавания в школе, исполнял еще обязанности почного корректора в одной из азербайджанских газет, и в начале 1911 года вернуться в Шемаху.

При материальной помощи и поддержке друзей и редакции журнала «Молла-Насреддин» Сабир отправился в Тифлис на лечение, но, отказавшись от тяжелой и рискованной операции, он скоро опять возвратился на родину, в город Шемаху, где и скончался 12(25) июля 1911 года.

II

Обладая недюжинным поэтическим талантом, впитав в себя веками слагавшиеся традиции классических поэтов Азербайджана, начиная с автора бессмертной «Хамса» (Пятерицы) Низами Гянджеви и кончая поэтами-лириками конца XIX столетия, Сабир до известного периода ограничивался лирическими газелями в стиле классической поэзии Востока.

В этот первый период своего творческого развития Сабир написал целый ряд любовных и религиозно-философских стихотворений и газелей, мало уступающих по своим формальным поэтическим качествам творениям такого общепризнанного мастера стиха, каким был его учитель Сейд-Азим Ширвани.

Из этого наследия Сабира дошло до нас очень немного произведений,— всего с десяток газелей и несколько мелких стихотворений,— но и в этих образцах раннего творчества Сабира чувствуется горячее сердце, наблюдательный глаз, пытливый ум, находчивость и острота умса, ставшие столь характерными для последующего периода его творческого развития.

И в то же время чувствуется, что этот талант скован поэтическими традициями, формами, условиями, тематической ограниченностью, рвется из рамок узкого восточного классицизма, ждет своего освобождения.

Освобождения пришлось ждать недолго.

В мрачный мир средневекового застоя, в мир, державший поэта в пленах, проник слабый-слабый, едва уловимый луч света: на Кавказе появились азербайджанские газеты, и поэт, жаждавший воздуха, света, свободы, поэт, впервые от своего молодого друга Аббас Сиахата услышавший новое слово о высоком назначении поэзии, о ее общественной роли, — устремился навстречу этому лучу; он вышел из тесных лавок и замкнутых домов Шемахи на более широкую арену, получила возможность говорить на поэтическом языке с широкой публикой, с читателями газет, которые начали появляться в Тифлисе и Баку.

Сабир печатает в 1903 году оду, восхваляющую силу печатного слова. В 1905 году появляется его «Обращение к согражданам мусульманам и армянам». В этом стихотворении Сабир раскрывал весь ужас кровавой брани, искусственно разожженной между азербайджанским и армянским народами, и призываю к миру и братству.

Однако действительный расцвет сабировского таланта начинается с того момента, когда он написал свое первое сатирическое стихотворение, с момента, точно отмеченного в журнале «Молла-Насреддин» мае 1906 года.

Ни появление журнала «Молла-Насреддин», ни перевоплощение тихого и безобидного песнопевца в страстного поэта-бунтаря, поэта-новатора не были, конечно, случайностью. В. И. Ленин в ряде своих статей дал исчерпывающую характеристику того периода развития общественной мысли Востока, когда появился журнал «Молла-Насреддин», открывший собою новую эру в истории развития азербайджанской общественной мысли и азербайджанской литературы.

Из материалов, обнаруженных нами в комплекте легальной бальшевистской газеты «Кавказский рабочий листок», которая издавалась под руководством И. В. Сталина в конце 1905 года в Тифлисе, выясняется, что Джалил Мамед-Кули-заде, начавший с апреля 1906 года издание своего знаменитого журнала, принимал участие в этой газете, где напечатаны два его фельетона. Это обстоятельство показывает, что в период революции 1905 года будущий редактор журнала «Молла-Насреддин» близко стоял к партии большевиков и от нее получал революционную зарядку, у нее учился правильно ориентироваться в сложной революционной обстановке.

Под влиянием этого демократического, революционного журнала по-новому зазвучали стихи Сабира.

Едкая, уничтожающая сатира была тем огнем, которого нехватало в его прежней поэзии; она оживила его творчество, она открыла перед ним широчайшие теоретические возможности и сделала его любимым поэтом народных масс не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока.

Первые сатиры Сабира направлены против невежества и религиозного фанатизма, то есть против тех пороков консервативного, феодально-патриархального общества, от которых больше всего страдал сам поэт.

В этих сатирах Сабир разоблачал старые школы — мдрессы, в которых головы молодежи забивались ненужным хламом схоластической науки, методы воспитания в мещанско-патриархальной семье, где ребенок предоставленный самому себе, проводил дни на улице и рос бездельником, лодырем и грубином; беспощадно громил он отправленных ядом фанатизма бакалейщиков, всех этих краснобородых мешади и гаджи, выступавших против всего нового, осуждавших малейшее движение вперед к культуре, к прогрессу; поэт оплакивал тяжелую судьбу азербайджанки, осужденной на бесправное существование в доме деспота-отца, а затем у старика-мужа, многоженца, грубоего развратника; он выступал против суеверий и предрассудков, отравлявших сознание людей.

Прекрасное знание жизни, обычая и нравов патриархального общества давало Сабиру возможность безошибочно быть по самому болезненному месту законыевших в невежестве правоверных мусульман, прокрививших свои пороки напускной святостью.

Обращает ли поэт слова увещания и ласки к невинному бездомному мальчику, бредущему «с сердцем, плачущим навзыд», жалуется ли устами несчастной девочки, проданной родителями какому-нибудь старому мешади; воспроизводит ли он диалог двух фанатиков, предавших проклятие передовую молодежь, — везде чувствуется непримиримая ненависть поэта к старому миру, отрицание всего уклада патриархальной жизни, порабощающей личность, подавляющей всякую попытку мыслить.

Разоблачая темные силы феодально-патриархального общества, Сабир в то же время с радостью отмечал и рост нового, светлого, передового, — того, чему принадлежало будущее.

Сабир обычно пользовался особой формой сатирической поэзии — иносказаниями и, защищая борцов за культуру и прогресс от нападок молл и фанатиков, «порицал» этих борцов за то, что они хотят нарушить спокойный сон народа, хотят открыть ему глаза на мир, в то время как сон так приятен, а пробуждение связано с такими огорчениями.

Будучи национальным в лучшем смысле этого слова, народным поэтом-патротом, Сабир в целом ряде своих сатир гневно обрушился на космополитствующих буржуазных националистов, которые,

В мрачный мир средневекового застоя, в мир, державший поэта в плену, проник слабый-слабый, едва уловимый луч света: на Кавказе появились азербайджанские газеты, и поэт, жаждавший воздуха, света, свободы, поэт, впервые от своего молодого друга Аббас Сиахата услышавший новое слово о высоком назначении поэзии, о ее общественной роли, — устремился навстречу этому лучу; он вышел из тесных лавок и замкнутых домов Шемахи на более широкую арену, получила возможность говорить на поэтическом языке с широкой публикой, с читателями газет, которые начали появляться в Тифлисе и Баку.

Сабир печатает в 1903 году оду, восхваляющую силу печатного слова. В 1905 году появляется его «Обращение к согражданам мусульманам и армянам». В этом стихотворении Сабир раскрывал весь ужас кровавой брани, искусственно разожженной между азербайджанским и армянским народами, и призывал к миру и братству.

Однако действительный расцвет сабировского таланта начинается с того момента, когда он написал свое первое сатирическое стихотворение, с момента, точно отмеченного в журнале «Молла-Насреддин» мае 1906 года.

Ни появление журнала «Молла-Насреддин», ни перевоплощение тихого и безобидного песенопевца в страстного поэта-бунтаря, поэта-новатора не были, конечно, случайностью. В. И. Ленин в ряде своих статей дал исчерпывающую характеристику того периода развития общественной мысли народов Востока, когда появился журнал «Молла-Насреддин», открывший собою новую эру истории развития азербайджанской общественной мысли и азербайджанской литературы.

Из материалов, обнаруженных нами в комплекте легальной большевистской газеты «Кавказский рабочий листок», которая издавалась под руководством И. В. Сталина в конце 1905 года в Тифлисе, выясняется, что Джалил Мамед-Кули-заде, начавший с апреля 1906 года издание своего знаменитого журнала, принимал участие в этой газете, где напечатаны два его фельетона. Это обстоятельство показывает, что в период революции 1905 года будущий редактор журнала «Молла-Насреддин» близко стоял к партии большевиков и от него получал революционную зарядку, у нее учился правильно ориентироваться в сложной революционной обстановке.

Под влиянием этого демократического, революционного журнала по-новому зазвучали стихи Сабира.

Едкая, уничтожающая сатира была тем огнем, которого нехватало в его прежней поэзии; она оживила его творчество, она открыла перед ним широчайшие творческие возможности и сделала его любимым поэтом народных масс не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока.

III

Первые сатиры Сабира направлены против невежества и религиозного фанатизма, то есть против тех пороков консервативного, феодально-патриархального общества, от которых больше всего страдал сам поэт.

В этих сатирах Сабир разоблачал старые школы — моресе, в которых головы молодежи забивались иенужным хламом схоластической науки, методы воспитания в мещанско-патриархальной семье, где ребенок, предоставленный самому себе, проводил дни на улице и рос бездельником, лодырем и грубияном; беспощадно громил он отправленных ядом фанатиков бакалейщиков, всех этих краснобородых мешади и гаджи, выступавших против всего нового, осуждавших малейшее движение вперед, к культуре, к прогрессу; поэт оплакивал тяжелую судьбу азербайджанки, осужденной на бесправное существование в доме деспота-отца, а затем у старика-мужа, многоженца, грубо разъяренного разрыва; он выступал против суеверий и предрассудков, оправдывавших сознание людей.

Прекрасное знание жизни, обычая и нравов патриархального общества давало Сабиру возможность безошибочно быть по самомульному месту законосцев в невежестве правоверных мусульман, прокрививших свои пороки напускной святостью.

Обращает ли поэт слова увещания и ласки к невинному бездомному мальчику, бредущему «с сердцем, плачущим навзрыд», жалуется ли устами несчастной девочки, проданной родителями какому-нибудь старому мешади; воспроизводят ли он диалог двух фанатиков, предающих проклятию передовую молодежь, — везде чувствуется непримиримая ненависть поэта к старому миру, отрицание всего уклада патриархальной жизни, порицающей личность, подавляющей всяющую попытку мыслить.

Разоблачая темные силы феодально-патриархального общества, Сабир в то же время с радостью отмечал и рост нового, светлого, передового, — того, кему принадлежало будущее.

Сабир обычно пользовался особой формой сатирической поэзии — иносказаниями и, защищая борцов за культуру и прогресс от нападок молл и фанатиков, «спорил» этих борцов за то, что они хотят нарушить спокойный сон народа, хотят открыть ему глаза на мир, в то время как сон так приятен, а пробуждение связано с такими огромными.

Будучи национальным в лучшем смысле этого слова, народным поэтом-патриотом, Сабир в целом ряде своих сатир гневно обрушился на космополитствующих буржуазных националистов, которые,

нахвававших верхушек знаний в царских школах, отрывались от родной почвы, начинали относиться к своему народу, к простым людям высокомерно, с нескрываемым презрением. Для того чтобы выслушаться перед царскими чиновниками, эти безродные отщепенцы готовы были отказаться от всего родного, забыть родной язык, предать свой народ, отказаться от своего прошлого. Из среды этой же дворянско-буржуазной интеллигенции выходили слепые поклонники и эпигоны турецкой «культуры», почиавшие год-два у реакционных константинопольских педагогов, отравленные ядом пантюркизма и панисламизма, заклятые враги азербайджанского народа, отрицающие его национальную самобытность, его большую культуру, геройское прошлое, светлое будущее.

В сатирах, направленных против панисламистов, пантюркистов, торгующих родиной и народом, Сабир выводил в виде положительных героев людей из трудового народа и преданную ему, кровно с ним связанную демократическую интеллигенцию, исполненную национальной гордости, ведущую борьбу за подлинно передовую культуру, за счастье широких трудящихся масс, за раскрепощение женщин, за свободу личности.

Эти сатиры Сабира носят ярко выраженный гуманистический, патристический, просветительский характер и продолжают на более высоком уровне лучшие традиции азербайджанских просветителей XIX века во главе с великим писателем и мыслителем-материалистом Мирза-Фатали Ахундовым (1812—1878).

Весь этот цикл сатир Сабира создает реалистическую картину жизни и быта мещанско-патриархального общества не только Азербайджана, но и всего мусульманского Востока.

Эти сатиры имели огромное революционизирующее значение в борьбе молодой демократической интеллигенции за новый уклад жизни, за просвещение и культуру. Они были сильным оружием против феодального уклада, помогали пробуждению национального самосознания колониальных народов, открывали перед ними перспективы свободной и культурной жизни, звали к борьбе за человеческие права.

IV

Сатирический талант Сабира быстро рос и развивался.

Сделавшись постоянным и активным сотрудником журнала «Молла-Насреддин», Сабир по самому своему положению не мог стоять в стороне от политических событий и, оставаясь на позициях просве-

тительства, не мог ограничивать критику общества только сатирами на невежество и фанатизм и призываами к культуре и прогрессу.

С каждой неделей, из номера в номер журнал «Молла-Насреддин», вдохновляемый революционными событиями в России и в близкневосточных странах, особенно в соседнем Иране и Турции, расширял круг вопросов, затрагиваемых в журнале, и со все возрастающей смелостью ставил большие социально-политические проблемы.

Вместе с журналом рос и Сабир, который все более и более становился пешком революционного движения, воинствующим поэтом трудающихся масс.

Второй цикл произведений Сабира составляют сатиры, направленные против закабаления крестьян, эксплуатации рабочих, угнетения трудающихся.

Сабир разоблачает в них силу золотого мешка, беспощадно бичует разжиженных буржуа, выколачивающих последнюю копейку из скучного заработка рабочего, разиг беков-помещиков, обирающих крестьян.

Устами струсившего перед нарастающим рабочим движением капиталиста-фабриканта Сабир обращается к рабочему, который, не желая больше подчиняться своему господину, рвет цепи рабства и требует равноправия. По понятиям этого капиталиста власть и право принадлежат тому, кто обладает миллионами, он не мыслит такого положения, при котором и бедный бедняк, создающий своими руками эти миллионы богатства, может считаться человеком.

Поэт показывает все беспрасвие тех, кто трудится в поте лица, создает ценности, но живет в нищете.

В своих сатирах Сабир выступает подлинным революционером, видящим необходимость насилиственной перестройки классового общества руками рабочих и трудающихся. Зная силу звериного эгоизма и собственнических инстинктов эксплуататоров и богатеев, он считает бесмыслием всякое обращение к их человеколюбию, к их национальному чувству. Поэтому он держит речь непосредственно к самому народу, внушая ему, что не может быть равноправия, единения, братства и мира между богатым и бедным, между помещиком и крестьянином, между фабрикантом и рабочим.

Обращаясь к бедняку-крестьянину, поэт говорит ему с иронией, исполненной гнева и горечи:

Пусть над тобой глумятся хан и пусть тебя изводят бек,
Ты слушай их: они сильны, а ты — убогий человек!
Их угнетать и пытать, тебе же чертый грызть чурек!

Спеша работать на господ, ты утром рано не грусти!

(«Не грусти»)

А вот обращение капиталиста к рабочему:

Удел твой молотом стучать, не зазнавайся, эй!
О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!
Двунадцатиный получиши в день — уж ты и богатей?
Мильоном каждый свой пятак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Мы багачи! Мы багачи! Почет и слава — нам!
А если нам дана казна, то и деркача — нам!
И власть над ней принадлежит — подумай здраво! — нам!
Страну добычью зевак ужель считаешь ты?
Что человеком стать — пустяк, ужель считаешь ты?

В этих и подобных строках Сабир показывал своему читателю, труженику фабрики и земли, звериное лицо эксплоататора, от которого нельзя ждать пощады, жалости, человечности.

В ту пору в статье, посвященной вопросу о созыве совещаний нефтепромышленников и рабочих, И. В. Сталин писал в газете «Гудок» (№ 4 от 29 сентября 1907 г.):

«В том-то и дело, что организовать (в нашем смысле, конечно, а не в смысле гапоновском) — это значит, прежде всего, развивать сознание непримиримой противоположности между капиталистами и рабочими. Лишь бы было такое сознание, а остальное само собой приложится».¹

Острым чутьем подлинно народного поэта Сабир правильно понимал характер классовых взаимоотношений в свою эпоху и своей непримиримостью к эксплоататорским классам помогал делу освобождения пролетариата.

Сидеть в курятнике не смей, и на дворе ты не торчи,
Смотри, зевинешь — не избежишь хозяинского книжала ты.
Ты на яичницу взгляни, взгляни на пласти в очаге —
Напрасно из яиц своих цыпляток ожидала ты.

(«Курица»)

В таких образных выражениях предостерегал поэт трудовой народ от излишней доверчивости к своим хозяевам.

Сабир выступает как верный сын народа, носящий в своей душе его печаль и горе, как передовой боец, зовущий на борьбу, как поэт, выражавший в своих стихах чаяния и надежды трудающихся:

Так оттайд печаль певцу,
Человек нужды и бел!
Время, чтобы всех скорбей

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 85.

Стал посчителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою прорила свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый воссюкорбел в ответ,
Чтобы образ твой людской
В их глазах оставил след.

(«Подражание»)

Эти сатиры имели тем более революционное значение, что вся тогдашняя буржуазная печать призывала «нацию» к единению вокруг земного знамени ислама, усиливала трудовой народ шовинистическими речами о великом назначении мусульманства, старалась всячески затушевывать классовую борьбу, лицензировало доказывая, что в среде мусульман классовая борьба бессмыслица и невозможна.

Разоблачая бредовые речи националистов, панисламистов и пантуркистов, Сабир на фактах из истории, на фактах из современной социально-политической жизни показывал, в какой степени извращают буржуазные националисты великие идеи патриотизма и народности, как отвлекают они своей трескучей болтовней внимание трудящихся масс от непосредственных задач классовой борьбы.

Он показывал, как равнодушны все эти «герои» «национального единения» к действительной славе родины, как презирают они основу нации — простой народ, его языки, его быт, его обычай и нравы.

Тот самый национализм, на который с такой страстью и непримиримостью нападал Сабир, И. В. Сталин характеризовал следующим образом:

...поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власти имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие» — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий склон обывателя в сторону антисемитизма — все это факты общественные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.¹

Сабир, как и весь революционный писательский коллектив журнала «Мolla-Насреддин», был враждебен этому контрреволюционному национализму и, будучи истинным представителем трудового народа,

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 291.

стремился выполнить революционную задачу, которую И. В. Сталин определял так:

«В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего «поветрия»... И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России». ¹

Сабир откликался своими сатирами на злободневные события и явления. Почти каждая его сатира является отражением определенного факта. Но вместе с тем Сабир каждого конкретного явления поднимал на принципиальную высоту, делал широкие обобщения и связывал его с общим течением социальной жизни.

Взять хотя бы такой пример. В Запгезурском уезде и в Карабахе разразился голод. В посвященной этому вопросу сатире «Нам что?» Сабир обращается от имени богачей к «Молла-Насреддину», который пытался было организовать общественную помощь запгезурцам. Расширяя и обобщая конкретный вопрос об оказании помощи голодающим, Сабир проводит параллель между крестьянами, умирающими от голода в занесенных снегом горах Запгезура, и богачами, которые прокручивают деньги в тифлисских кафешантанах.

Вот в каких красках рисует Сабир агионтическое лицо богача в этой сатире:

Все, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред?
Чтобы лопал это все запгезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Ляг бедно им на глаза, чтобы им не видеть бед.
День и ночь голодный вой, посинивший рот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Мы оставили пока разорванные дома,
Путь в дома веселая нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Лиз — красотой сведут с ума.
Тут же листры светят нам, а к Залже заглянешь — тьма!
Если эта тьма навек обнадежит народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Благодаря этим обобщениям сатиры Сабира приобретали особенную остроту, особенную силу воздействия, были без промаха и, с честью выдержав испытание временем, сохранили всю свою художественную силу и в наши дни.

Значительное место в творчестве Сабира занимают его политические сатиры, посвященные революционному движению в России, Иране и Турции.

Стесненный цензурыми условиями журнал «Молла-Насреддин» не всегда мог открыто высказываться о политических событиях в царской России, поэтому, выступая против тирании и угнетения, он обращал острие своей критики главным образом против despoticеских режимов в шахском Иране или султанской Турции.

В этих условиях Сабир был вынужден выработать специфический «эзоповский» язык, но читатели журнала умели по белым намекам угадывать поданные мысли поэта.

«Пробуждение к политической жизни азиатских народов», — писал в октябре 1908 года В. И. Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», — получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию из держав с Россией во главе». ¹

Начиная с 1907 года Сабир откликается почти на каждое новое событие в ходе революции в Иране и отчасти в Турции.

В сатире «Надежды не сбылись», написанной в октябре 1907 года, Сабир обращается к той части иранских революционеров, которая, увлекшись первыми успехами народного движения, готова была считать борьбу законченной и сложить оружие:

Казнили атабека вы — не отрицаю я ничуть,
Но их же тысячи еще — или не так я понял суть?
Так скоро обновилась дверь? О нет, меня не обмануты!
Молчи, дитя! Успи, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, умер атабек, а есть ли ружьем счет у вас?
Где ваши пушки? — я спрошу. — И где военный флот у вас?
Все те же — баня и ушат. А к новым путь ведет у вас?
Молчи, дитя! Успи, дитя, надежды не сбылись пока!

Сатиру свою Сабир заканчивает многозначительными строками:

Ручи не понеслись пока,
И власть, окраски не сменив,
Свой нос задрали ввысь пока.

¹ И. В. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 15, стр. 198.

стремился выполнить революционную задачу, которую И. В. Сталин определял так:

«В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего «погрома»... И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России». 1

Сабир откликнулся своими сатирами на злободневные события и явления. Почти каждая его сатира является отражением определенного факта. Но вместе с тем Сабир каждое конкретное явление поднимал на принципиальную высоту, делал широкие обобщения и связывал его с общим течением социальной жизни.

Взять хотя бы такой пример. В Зангезурском уезде и в Карабахе разразился голод. В посвященной этому вопросу сатире «Нам что?» Сабир обращается от имени богачей к «Молла-Насреддину», который пытался было организовать общественную помощь зангезурцам. Расширяя и обобщая конкретный вопрос об оказании помощи голодающим, Сабир проводит параллель между крестьянами, умирающими от голода в занесенных снегом горах Зангезура, и богачами, которые прокручивают деньги в тифлисских кафешантанах.

Вот в каких красках рисует Сабир эгоистическое лицо богача в этой сатире:

Все, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред?
Чтобы лопал это все зангезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Ляг белым им на глаза, чтобы им не видеть бед.
День и ночь голодный вой, поснеивший рот — нам что?
Если с голоду бедник посып-то мрет — нам что?

Мы оставили пока разоренные дома,
Путь в дома веселые нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Аза — красотой сведут с ума.
Тут же листры светят нам, а к Залже заглянешь — тьма!
Если эта тьма навек обида народ — нам что?
Если с голоду бедник посып-то мрет — нам что?

Благодаря этим обобщениям сатиры Сабира приобретали особенную остроту, особенную силу воздействия, были без промаха и, с честью выдержав испытание временем, сохранили всю свою художественную силу и в наши дни.

Значительное место в творчестве Сабира занимают его политические сатиры, посвященные революционному движению в России, Иране и Турции.

Стесненный цензурными условиями журнал «Молла-Насреддин» не всегда мог открыто высказываться о политических событиях царской России, поэтому, выступая против тирании и угнетения, он обращал острие своей критики главным образом против despoticеских режимов в шахском Иране или султанской Турции.

В этих условиях и Сабир был вынужден выработать специфический «эзоповский» язык, но читатели журнала умели по беглым намекам угадывать подлинные мысли поэта.

«Пробуждение к политической жизни азиатских народов», — писал в октябре 1908 года В. И. Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», — получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией в главе». 1

Начиная с 1907 года Сабир откликается почти на каждое новое событие в ходе революции в Иране и отчасти в Турции.

В сатире «Надежды не сбылись», написанной в октябре 1907 года, Сабир обращается к той части иранских революционеров, которая, увлекшись первыми успехами народного движения, готова была считать борьбу законченной и сложить оружие:

Казнили атабека вы — не отрицаю я ничуть,
Но их же тысячи еще — или не так я понял суть?
Так скоро обновилась дверь? О нет, меня не обмануть!
Молчи, дитя! Усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, умер атабек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки? — я спрошу. — И где военный флот у вас?
Все те же — бания и ушат. А к новым путям ведет у вас?
Молчи, дитя! Усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Сатиру свою Сабир заканчивает многозначительными строками:

Ручи не понеслись пока,
И власть, окраски не сменив,
Свой нос задрая въесь пока.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 15, стр. 198.

Эти вещие слова Сабира о ружьях, о пушках, о военном флоте служат прекрасной поэтической иллюстрацией к призыву великого стратега революции товарища Сталина, который указывал рабочим, что для действительной победы революции «... нужны три вещи: первое — вооружение, второе — вооружение, третью — еще раз вооружение».¹

Приводя эти слова гениального вождя, тов. М. Д. Багиров в своей книге «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана» пишет:

«Бакинский комитет большевиков, неуклонно выполняя указания Ленина и Сталина, вел большую работу по созданию боевых рабочих дружин.

В прокламации Бакинского комитета от 14 июня 1905 года говорилось:

«...Уже издавна, с знаменитых ливарских дней, мы в лице своей партии, — социал-демократии, поставили себе целью вооружиться, готовиться к восстанию, учиться давать отпор войскам и полиции. Как вся РСДРП, так и ее местный орган (Бак. комит.), в этом направлении делали и делают все возможное...»²

Сабир внимательно следил за ростом революционного движения на Ближнем Востоке, воспевал его героя, воодушевляя борцов, разноголосиков.

В сатирике «Османец, не верь!», напечатанной в журнале «Молла-Насреддин» 4 августа 1908 года, Сабир, учитывая опыт русской революции, предостерег турецких революционеров от чрезмерной доверчивости к реакционному правительству Турции, которое, как и царское правительство, пошло вначале на известные уступки, чтобы усыпить бдительность революционеров и потопить свободооборонительное движение в крови народных масс. Сабир, разоблачая тайные замыслы сultанского правительства, призывал турок не поддаваться обману, не останавливаться на полу пути, быть решительными в борьбе с реакционными силами.

Преданный интересам революции, Сабир своим поэтическим пером пробуждал сознание народных масс, укреплял их волю к борьбе и, народному движению реакционное правительство, выражая незыбленную веру в конечную победу революции.

Его сатиры, напечатанные в журнале «Молла-Насреддин» 27 января 1908 года под «нейтральным» заглавием «Фисиджан», являются

в этом отношении чрезвычайно показательной. В ней поэт уверенно говорит о неизбежности окончательного поражения контрреволюции и, прославляя свободу, пишет:

Кто любит человека, тот влюблен в свободу навсегда,
Да, человечество вместе с ней единственным путем идет.

Воспевая вождя иранской революции Саттар-хана, Сабир видел в нем не только азербайджанского или иранского деятеля, но и человека, который служил интересам всех трудящихся. Сабир писал постороженные оды герою революции, беспощадно громя его противников:

Тавризы, честь вам и хвала; вы свой исполнили обет!
Вам рукоплещут друг и праг, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом ряду вам посыпает свой привет!
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!

Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе мол хвала, неутомимый Саттар-хан!

Воспитание и социальная обстановка в далеком от промышленных и культурных центров глухом городке с его отсталыми феодально-патриархальными отношениями не могли не наложить определенного отпечатка на психологию даже такого большого поэта, каким был Сабир. Известная ограниченность мировоззрения Сабира, обусловленная указанными причинами, проявилась, в частности, в его взглядах на исламскую религию и ее основателя Мухаммеда. И не случайно в приведенной оде вождю тавризских революционеров Сабир ссылается на «пророка в святом ряду».

Справедливо требует отметить, что по самому существу своего поэтического творчества революционный и весьма близкий к пролетариату поэт Сабир в своем отношении к религии не поднимался до атеизма М.-Ф. Ахундова и Дж. Мамед-Кули-заде. Однако своими резкими сатирами на мусульманское духовенство и религиозный фатализм Сабир объективно вел антирелигиозную пропаганду.

В сатирах Сабира находят поэтическое отражение наиболее значительные этапы развития освободительного движения, которое возглавлял геройский народ Южного Азербайджана против despota Мамедали-шаха, пользовавшегося активной поддержкой царского правительства.

В цитированной выше статье «События на Балканах и в Персии» В. И. Ленин вскрывал тайные пружины империалистической дипломатии, пытающейся задушить революцию в Турции и Иране, и разоблачал контрреволюционную агрессивную сущность политики царского правительства в отношении Ирана:

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 78.

² М. Д. Багиров, «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана», Госполитиздат, М., 1949, стр. 64—65.

«18-го (5) октября «Новое Время» поместило громовую статью по поводу того, что «аапархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского офицерства. Вождь революционного персидского войска Саттархан объявил в этой статье «адербайджанским Пугачевым»... «Справшивается», — писало «Новое Время», — может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллиардовую торговлю на персидской границе?.. Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Адербайджан в этнографическом отношении представляют одно целое... Татарские полуномадынгенты в Закавказье, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посыпают туда своих добровольцев... для нас гораздо важнее, чтобы смекней с нами Адербайджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию, при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя»... Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого».¹

Лишившись возможности открыто разоблачать в легальном журнале прописки царского правительства против революции в Иране, Сабир нападал в своих сатирах на Мамедали-шаха и его верных холопов, пытающихся задушить революцию хотя бы даже ценой сдачи всей страны иноземному врагу.

На это обстоятельство намекает Сабир в своей сатире «Тебе во благо», где в сатирических тонах восхваляет Мамедали-шаха, прославившегося, между прочим, и «гостями», которых приглашены были им для расправы с вышедшим из повиновения народом.

Представители иранского реакционного духовенства Гаджи-Мирза-Гасан и Мир-Хасим, шахские сановники Зилилсултан и Эйнуддинов, наконец главный «герой» политических сатир Сабира Мамедали-шах были в однаковой мере высмеяны и разоблачены поэтом.

Поэт-сатирик не только критикует, но и отрицает, не только разоблачает, но и уничижает. Мамедали-шах, образ которого дан в этих сатирах с наибольшей полнотой, выглядит настолько отвратительным, что даже легкомысленная парижанка отвергает ухаживания шаха, называя его бесчестным кровопийцей, изменником и палачом («Любовные приключения Мамедали в Европе»).

Поэт призывает восставший народ к беспощадной расправе со всеми реакционными силами, открыто или тайно выступающими про-

тив народа. В сатире «Будущее принадлежит нам» он прямо говорит о льве, окружшем тысячу лисиц:

Нет, стала ты теперь и вправду ареною огненной, страна,
И тем, кто на арене той, отвага лъвиная дана,
Но хитрость множества лисиц теперь то здесь, то там видна.
Иранцы спят, но вдруг поймут, что вся страна разорена.

«Не мусульманами — мухахиды», — твердят лисицы не одна.

Что ж, можете свободу хладь, вам глотку не заткнуть никак.

Что ж, говорите: в дом ее не поведет наше путь никак.

В 1911 году, уже после окончательного изгнания Мамедали-шаха и созыва меджлиса (иранского парламента), Сабир обрушивается на буржуазный парламент, обманувший надежды трудящихся масс. В сатире «Отчего погиб Иран?» Сабир показывает, как депутаты меджлиса, якобы представляющие народ, забыв о нуждах народа и интересах государства, занялись своими личными корыстными делами, добиваясь чинов, орденов и титулов.

Как подлинный сын трудового народа, Сабир не поддается иллюзиям, не верит в буржуазный парламентаризм. Это критическое отношение к буржуазному парламенту было высказано Сабиром еще в мае 1907 года, когда в сатире «Не вышло ли так, как я сказал?» он писал:

Не ты ли утверждал в те дни, что только Дума все спасет?
Не я ли сказал, что есть у нас сомнение на этот счет?

Скажи, бакинский депутат уехал защищать народ?
Поди ты прочь, ты зелен, брат, — не вышло ли так, как я сказал?

Не ты ли говорил тогда, что Дума обеспечит нас?
Не я ли сказал: поменьше ешь, ведь заботят живот как раз?

Ступись туши, ты скажи, спасене наше где сейчас?
Туман, завеса, снегопад, — не вышло ли так, как я сказал?

Острые политические сатиры Сабира нередко перекликались с революционной деятельностью большевиков. Приведем здесь небольшой отрывок из книги товарища М. Д. Багирова «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана», относящийся именно к периоду разгрома второй и выборов в третью Государственную думу:

«Наряду с работой в революционных профсоюзах бакинские большевики проводили большую работу и в массах рабочих, не входивших в профсоюзы. Огромная агитационная и пропагандистская работа в это время была проведена в связи с разгоном II-й Государственной думы и выборами в III Думу.

Разъясняя рабочим смысл третьянонского государственного переворота, газета «Бакинский пролетарий», руководимая товарищем

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, том 15, стр. 203—204.

Сталиним, в своей передовой «Разгон Думы и задачи пролетариата» писала:

«Тем с большей отчетливостью встает перед пролетариатом задача свержения царской власти. Подумайте только. Была первая Дума. Была и вторая. Но ни та, ни другая не разрешила — да и не могла разрешить — ни одного из вопросов революции. По-старому остаются: крестьяне без земли, рабочие без восьмичасового рабочего дня, все граждане без политической свободы...».¹

Приведенная выше сатира, написанная накануне так называемого третьюньюского переворота в России, показывает, насколько чутко понимал Сабир задачи революции.

Сатиры Сабира имели огромное значение для развития азербайджанской поэзии, которая не имела до Сабира таких совершенных образцов политической сатиры.

Сабир впервые утвердил в азербайджанской литературе этот жанр поэзии, развитый в дальнейшем не только его ближайшими и непосредственными учениками, но и многими современными поэтами советского Азербайджана.

VI

Азербайджанский народ обладает богатой поэтической культурой, которая создавалась на протяжении многих веков. Среди ее творцов можно указать немало поэтов, испытавших перво и в области сатиры. Однако никому из предшественников не удалось занять в азербайджанской поэзии то место, которое занял в ней сатирический гений Сабира.

По форме сатиры Сабир является достойным учеником Джалила Мамед-Кули-заде (Молла-Насреддина), который впервые в азербайджанской литературе стал бичевать — расхваливая, отрицая — утверждая.

Многие из сатир Сабира представляют собой «монологи» представителей отдельных классов; в них поэт дает законченную характеристику избранного им «героя», которого разоблачает его же собственными признаниями, в реалистических красках создает его психологический образ. Таковы помещик, фабрикант, купец, мolla, скряга, иранский реакционер, шах, турецкий султан и многие, многие другие враги трудового народа, портреты которых мы можем найти в сатирах Сабира.

¹ М. Д. Багиров. «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана». Госполитиздат. М., 1949, стр. 83.

Огромную роль в сабировской сатире играет поэтическая ирония, которой наш поэт умел пользоваться с большим мастерством.

Клеймя религиозный фанатизм и невежество и ратуя за просвещение и культуру, Сабир напевал колыбельную песню всему миру ислама, погруженному в глубокий сон:

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись!
Сон неведенья от глаз не голи, ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай!
Так все проспиши, бай-бай!

Выступая против эксплуатации и угнетения и призывающая трудящихся к борьбе за свои права, Сабир говорил обищавшему, измученному крестьянину:

Вдумал сделать что-нибудь — сделал, как велит ислам!
Зло помещика сноси, уподобившись ослам.
Сей, коси, а толстый бек с хлебом справится и сам!
О правах своих не знаи, спи, доверься небесам!
Спи, не мучься, не вставай против злого, — примирись!
Ты попал в беду, бедник! Что ж такого? Примирись!

Становясь на защиту рабочих, Сабир обращался к ним с такою речью:

Ты, рабочий, сам объясни, за что уважать тебя?
От мятежных дум отучить нельзяль нам опять тебя?
Нет, голубчик, нет, богачи должны в руки взять тебя,
Чтоб ты кланялся, когда надеши чем наша знать тебе!
Коesse судьбы побежжало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий минут человеком стать, — ты иди, гляди!

Читатель найдет в этом сборнике и ряд стихотворений, пронизанных глубоким лиризмом («Не могу», «Моя душа», «Дядя», «Вспомни», «Подражание» и др.), а также героические оды и программные стихи («Саттар-хану», «Я поэт», «Поэтическая мелодия», «Слово» и др.).

Огромный интерес представляет программное стихотворение Сабира «Поэтическая мелодия», в которой в качестве основных требований к поэту выдвигается служение правде и доброму, неподкупности, искренности, патриотизму.

Сабир до конца дней своих был верен этим идеалам и, со всею сокрушающей силой выступая против тирании, гнета и насилия, воссторженно и вдохновенно воспевая свободу:

О фея свободы! С тех пор, как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу тобою лишь быть всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда!

Резкими штрихами набрасывает Сабир образы ханов, беков, купцов, служителей религии, буржуазных интеллигентов и великих иных представителей угнетения и мракобесия. При этом поэт далек от мысли тщательно выводить все линии намеченного образа. Поэта интересуют типические черты всего строя феодально-патриархальных отношений, и он дает в своих сатирах обобщенное отражение окружающего мира, типизируя отдельные явления в сатирических образах и обнажая всю порочность, всю гнилость феодально-помещичьего и буржуазно-мешанского общества.

У Сабира нет ни темы жалобы, ни намека на примирение, его смех ядовит и грозен; вместе с тем он и патетичен. Он не грустит, а громит, не плачет над пороками общества, а хохочет над ними, не примиряется, а до предела обостряет борьбу.

В своих сатирах, несмотря на всю остроту их сарказма и негодований, или, может быть, благодаря им, Сабир выступает как подлинный оптимист; в них он не отказывается от мира, как бы мрачно он ни выглядел, не отделяется от жизни, как бы тяжела и безрадостна она ни была, не ищет спасения вне реальной действительности, каким бы безобразием она ни отличалась, а весь, с головой, окунается в этот водоворот жизни, делается активным участником общественной борьбы, страстным агитатором, трибуном. Все сатиры Сабира, глубокого и тонкого лирика, пропитаны определенным настроением; в них чувствуется гнев и боль, ненависть и любовь, горе и радость.

Все его творчество до самого последнего дня обращено к народу, которому он служит повседневно и ежечасно, каждым ударом своего сердца, каждой своей строкой.

Изучив огромное наследие азербайджанской классической поэзии, испытав на себе благотворное влияние передовой русской культуры, пройдя поэтическую школу у крупнейшего азербайджанского поэта прошлого века Сейд-Азима Ширвани, знакомясь с творчеством современных ему лущих азербайджанских поэтов, наконец овладев формальными достижениями классических поэтов Востока, Сабир создал замечательные по поэтической форме сатиры, отличающиеся богатством красок, многообразием рифм, меткостью образов и метафор.

Для понимания всей прелести его сатир, в которых яркая мысль облечена в чеканную форму, достаточно прочитать только его так называемые подражания другим поэтам, начиная с великого азербайджанского поэта Физули (1500—1563) и кончая современником Сабира Мухаммедом Хади (1879—1919). У этих поэтов Сабир обычно берет форму стиха, размер, часто даже порядок рифмовки и самые рифмы и вкладывает в эти формы новое содержание, создавая, таким образом, поэтические пародии.

Как и один другой из азербайджанских поэтов Сабир широко использовала народный язык в своей поэзии. В этом отношении он был самым решительным и верным соратником Джалила Мамед-Кулизаде (Молла-Насреддина), который вел в своем журнале борьбу против фальсификаторов самобытного азербайджанского народного языка в литературе.

Вместе с тем Сабир разнообразил свой язык, вкладывая в уста представителей разных слоев и классов свойственные им слова и выражения. Простой обыватель и духовное лицо говорят у Сабира по-разному.

Последний год своей жизни Сабир, наряду с большими сатирическими произведениями, писал много четырехстиший под заглавием «Тазин» (Бич). Этими четырехстишиями, печатавшимися большой частью в ежедневных газетах, Сабир откликался на отдельные события тогдашней политической и общественной жизни. Они носили злободневный, остро обличительный характер, чему соответствует и их название.

Появление этой новой формы обличения связано с пребыванием Сабира в Баку, где поэт оказался непосредственно в центре политической борьбы бакинского пролетариата, и это дало ему возможность еще более отточить свое поэтическое оружие. Сатиры, написанные Сабиром в Баку, представляют собою новый шаг в развитии сатирического таланта поэта.

Живя в Баку, Сабир, не ограничиваясь активным участием в журнале «Молла-Насреддин», регулярно выступая и в бакинских органах печати; широкая известность Сабира вынуждала редакторов этих, по существу буржуазных, газет и журналов мириться с участием в их органах явно революционного поэта, который пользовался горячей любовью и широкой поддержкой бакинских рабочих.

VII

В политическом воспитании Сабира, как и всего писательского коллектива журнала «Молла-Насреддин», решающую роль сыграли революционная буря пятого года и подъем рабочего движения в Закавказье, особенно в его пролетарском центре — Баку.

Наряду с этими революционными факторами огромное влияниеоказала на эту группу азербайджанских писателей и общественных деятелей передовая культура великого русского народа.

Как сам редактор журнала «Молла-Насреддин», так и многие его соратники, получив образование в русских школах, уже с самых юных лет прониклись революционными, демократическими идеями

передовой общественной мысли России и русской литературы. Их любимыми писателями были Пушкин и Гоголь, Белинский и Чернышевский, Некрасов и Щедрин, Лев Толстой, Чехов и Горький. В журнале часто упоминались имена этих лучших представителей великой русской культуры, цитировались их высказывания по различным вопросам социальной и культурной жизни.

Одну из лучших своих повестей «Курбанали-бек» Дж. Мамед-Кули-заде посвятил великому русскому сатирику Н. В. Гоголю; А. П. Чехова считал своим учителем активный сотрудник журнала, выдающийся азербайджанский писатель А. Ахвердов; стихотворениями Пушкина и Лермонтова, рассказами М. Горького в блестящих переводах Аббас Синхата зачитывался Сабир; под непосредственным влиянием М. Горького развивался талант старого молла-наследника ского поэта, писателя-коммуниста М. С. Ордубады.

Вся атмосфера в редакции журнала, открывшего непримиримую борьбу с косностью и невежеством, с рабством и гнетом, была насыщена революционным духом передовой русской культуры. Это помогало журналу не замыкаться в узких национальных рамках, ставить вопросы большого значения, разворачивать борьбу в широких масштабах, выдвигать самые передовые для Востока идеи, спланивать вокруг себя наиболее активные, наиболее прогрессивные силы. Это же помогло журналу стать глашатаем революционных лозунгов, демократических идей на Востоке, смело выступить против догм ислама, против восточной деспотии, против закрепощения женщин.

Сабир находился в самом центре этого благотворного влияния русской революционной мысли, великой русской литературы. Большой талант и чуткое сердце помогли ему создать бесмертные произведения — национальные по форме и революционные по содержанию.

Сабир, бичующий современность, весь был устремлен в будущее, видел и отмечал почти во всех сатирах сева заметные ростки этого будущего и заботливо, самоотверженно защищал их от ядовитого дыхания реакции. Его поэзия была реалистической, целеустремленной, ярко-революционной. Он воспитал и выдвинул целую плеяду талантливых поэтов-сатириков, поэтов-сабировцев.

В числе их первым и наиболее активным был уроженец Гянджа (Кировобад) Али Назми (1882—1946), писавший в «Молла-Насреддине» под псевдонимом «Мешади-Сизимкули» и «Кефиз» (Недомогающий). Сам редактор журналаставил его сатиры на один уровень с сатирами его учителя Сабира. Острое оружие, выкованное в сотрудничестве с Сабиром, пригодилось Али Назми и после торжества социалистической революции в Азербайджане в борьбе против врагов новой власти — власти Советов, против саботажников и лодырей, про-

тив вельмож и подхалимов, против взяточников и бюрократов, против англо-американских империалистов и колонизаторов. В годы Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских банд Али Назми часто выступал с сатирами на бесповодные планы фашистских главарей, зло высмеивал их бредовые планы мирового господства, их сумасбродные надежды на башкрай, на захват столицы Советского Союза, на захват Кавказа и Баку.

Талантливым учеником и соратником Сабира был земляк редактора журнала «Молла-Насреддин», нахичевани Аликули Наджафов Гамгюсар (1884—1918), известный под псевдонимом «Джувелаги-бек» (Бек-плут). Этот поэт-сабировец изобретал нахичеванское духовенство, фанатиков и мракобесов этого города, в котором особенно чувствовалось тающее влияние смежного феодального Ирана. В бурные годы гражданской войны в Закавказье, в дни турецкой интервенции и господства в Азербайджане заклятых врагов народа — мусаватистов — он выступал против власти ханов и беков, против иноzemных агрессоров. Аликули Наджафов был убит из-за угла в Тифлисе при власти презренных грузинских меньшевиков. Участие азербайджанских мусаватистов, грузинских меньшевиков и турецких головорезов в этом убийстве передового азербайджанского поэта-революционера не вызывает сомнений, так как своими сатирами поэт активно боролся на стороне революционного народа против изменников родины и иноzemных захватчиков.

Видным поэтом-сабировцем был и Мамед-Саид Ордубады (1872—1950), старый революционер, участник освободительного движения в Южном Азербайджане, возглавленного знаменитым Саттар-ханом. После установления советской власти в Азербайджане М. С. Ордубады написал романы о революционном движении в Южном Азербайджане (четырехтомный роман «Тавриз туманный») и в Баку («Подпольный Баку», «Борющийся город»), а также двухтомный роман, посвященный эпохе Низами («Меч и перо»).

Как поэт-сабировец начал свою литературную деятельность еще юношей крупнейший советский драматург Джарар Джабарлы (1899—1934). Тогда Сабира уже не было в живых, но его сатиры продолжали активно участвовать в жизни и борьбе народа и привлекать к себе симпатии наиболее передовых слоев интеллигенции. Молодой Дж. Джабарлы написал много сатир, в которых выступал против ханов и беков, против помещиков и капиталистов, призываая трудающихся к борьбе против своих притеснителей.

Влияние Сабира-сатирика далеко не ограничивается одним Азербайджаном или Закавказьем. Сабир имел своих учеников и последователей и за рубежами родной страны. Наиболее деятельным и вид-

ным из них является уроженец Южного Азербайджана Мирза-Али Моджуз Шебустари (1873—1934), который, подобно Сабиру, вел у себя на родине борьбу против иранских феодалов и реакционеров, будил мысль своего народа, изобличал продажное духовенство, клеймил позором иранских шахов, жестоко угнетавших азербайджанский народ по ту сторону Арака.

На протяжении почти полу века поэзия Сабира оказывала и продолжает оказывать влияние на поэтов Советского и Южного Азербайджана. В Южном Азербайджане авторов революционных сатирических темпинцы, выселяют из родных краев, вешают и расстреливают, их произведения сжигают иранские реакционеры, продающиеся американским поджигателям войны. Но непокоренный народ хранит память этих поэтов-героев, повторяет их пламенные патриотические стихи.

А у нас, в Советском Азербайджане, часто появляются в периодической печати «фельетоны в стихах», напоминающие сабировские сатиры. Наши советские поэты-сабировцы выступают против отдельных недостатков советского аппарата и нарушителей трудовой дисциплины, но особенную остроту принимают их сатиры, когда они говорят о подыхающих интрагах Уолл-стрита, о подкагнителях войны, о душителях национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах, о кровожадных планах американских империалистов, о продавшихся им правительствах «маршаллизованных» западноевропейских государств, о забесившихся иранских реакционерах, пресмыкающихся перед англо-американскими хозяевами и жестоко угнетающих свободолюбивые народы Южного Азербайджана.

Так по сей день живет, развивается и борется с врагами свободы и человеческого счастья сабировская сатира.

VIII

Сабир еще при жизни пользовался большой популярностью в Азербайджане. Во время болезни поэта редакция журнала «Молла-Насреддин» открыла сбор пожертвований в пользу тяжело больного Сабира, который терпел нужду.

Обращение редакции нашло довольно быстрый и широкий отклик. Вскоре журнал стал печатать список лиц, приславших пожертвования.

В этом списке нашло яркое отражение отношение к великому поэту-демократу различных кругов тогдашней азербайджанской общественности. В нем нет ни одной фамилии из более или менее видных капиталистов, помещиков, дворян или духовенства. Это и не удивительно. Представители господствующих классов ненавидели народного поэта, преследовали его и со злорадством ожидали его смерти.

Но Сабир не был одинок. Он был окружена любовью миллионных масс, заботой и вниманием передовых людей народа. Они первые и отозвались на обращение журнала о помощи больному поэту и стали посыпать в редакцию свои трудовые копейки.

Эти же пожертвования показывают, насколько широка была популярность Сабира; пожертвования поступали в редакцию журнала из Джульфы и Нахичевани, из деревни Ляки и города Ленкорани, из Гянджа и Нухи, из Темирхан-Шуры и Асхабада, из Киева (от студентов) и Батуми...

Эта всенародная любовь к Сабиру нашла новое подтверждение и после смерти поэта. Два издания его книги «Хоп-Хоп-нам», выпущенные Аббас Сиахтом до победы социалистической революции в Азербайджане, разошлись с необычной для тогдашнего времени быстротой.

Народ, ставший после Великой Октябрьской социалистической революции полновластным хозяином всех материальных и духовных богатств своей страны, принявшийся за перестройку своей земли на новой, социалистической основе, — не мог не вспомнить о лучших своих сынах, которые в прошлом, в условиях чудовищного гнета, боролись за светлое будущее, не мог не вспомнить и о Сабире, пламенном певце свободы, певце революции.

В первые же годы установления в Азербайджане советской власти было предпринято издание полного собрания произведений Сабира; тогда же был поставлен поэту памятник в центре города Баку, там, где высится сейчас величественный памятник гениальному азербайджанскому поэту Низами и где на фасаде здания музея Низами стоят шесть фигур выдающихся деятелей азербайджанской литературы и культуры — Физули, Вагифа, Мирза-Фатали Ахундова, поэтессы Натеван, Джалила Мамед-Кули-заде (Молла-Насреддина) и Джрафа Джабарлы.

Одна из крупнейших библиотек города Баку названа именем Сабира; имя великого поэта присвоено целому ряду школ и культурно-просветительных учреждений. Наконец, именем Сабира назван целый район Азербайджанской ССР с центром Сабирabadом.

Стихотворения Сабира изучаются в школах Азербайджана; о творчестве Сабира пишутся диссертации на соискание научных степеней.

Только при советской власти, только в условиях строительства социализма и его высшей фазы — коммунизма Сабир стал подлинно всенародным поэтом, общепризнанным мастером политической сатиры, национальной гордостью азербайджанского народа.

Общенародная популярность Сабира не ограничивается пределами одного Советского Азербайджана или Закавказья. Товарищи,

побывавшие во время Великой Отечественной войны в Южном Азербайджане (Иран) с Советской Армией, рассказывали автору этих строк, с каким воодушевлением читались сатиры Сабира в городах и селах зарубежного Азербайджана.

Сабир принадлежит к числу тех подлинно народных поэтов, художественное слово которых, оставаясь вечно юным, особенную ценность и значение приобретает именно в наиболее острые, в наиболее ответственные моменты жизни и борьбы народа, когда вся масса поднимается, как один человек, на свершение великих исторических дел, великих подвигов.

Так было в годы Великой Отечественной войны, когда советские бойцы-азербайджанцы вместе с томиками наиболее любимых советских поэтов увозили с собой на фронт и пронизанные страстным гневом против порабощителей и деспотии стихи Сабира.

Так было во время подъема освободительного движения в Южном Азербайджане в 1941—1946 годах, когда, измученные тиранией новой династии иранских шахов Пехлеви, трудающиеся азербайджанцы, курды, армяне шли на борьбу за национальную независимость, за свободу, распевая дышащие испанностью к иранским пальям сатиры Сабира.

И нынче пламенные сатиры певца свободы и народного счастья Сабира служат делу борьбы великого советского народа за укрепление мира, за полное раскрепощение человека труда, за торжество коммунизма, делу борьбы всех свободолюбивых народов мира против ига англо-американского империализма, против поджигателей войны, против гнета и эксплуатации.

Свободные народы великой страны социализма, твердо идущие под непобедимым знаменем Ленина, под руководством своего гениального вождя и учителя товарища Сталина к торжеству коммунизма, счастливые народы нашей необъятной страны, оберегающие все лучшее, что создано человеческим гением, и свято хранящие память лучших своих сынов, — по достоинству оценят и полюбят и народного поэта, гиеничного сатирика, пламенного патриота Сабира, которым по праву гордится азербайджанский народ.

Азиз Шариф

САТИРЫ ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ И АРМЯНАМ

Тогда, как наши дни в союз объединиться нам велят
 И воплотить свою мечту народ в покое был бы рад,
 И между нами никаких не возвышается преград,—
 Вдруг дети родины одной вражду затягли, разлад!
 Армяне — братья мусульман! Зачем же встал на брата

брата?

Где ж мудрые? Где храбрецы? Они ли спора не решат?
 Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
 Друзьям о дружбе возвестить, о единении — час настал!

У двух соседей, двух друзей, рожденных родиной одной,
 Веками не было вражды, лишь мир светился над страной.
 Нет, исступленный этот спор зажжен проклятым сатаной!
 Нет, этой бешеной вражде одно невежество виной!
 Пылают села, города! Грабеж, убийство, ад земной!
 Создатель, что же ты глядишь? Спаси, спаси наш край

родной!

Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
 Друзьям о дружбе возвестить, о единении — час настал!

Я вижу зло, но от кого в моей стране оно идет?
 От человека ли — позор! — в дыму, в огне оно идет?
 От мусульман или армян, скажите мне, оно идет?
 От пребывания всей страны в тяжелом сне оно идет!
 От ненависти, от вражды, в крови, в резне оно идет!
 Забитость, унижение — вот по чьей вине оно идет!
 Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
 Друзьям о дружбе возвестить, о единении — час настал!

Народу правду рассказать, смыть унижение мы должны!
Лучами солнца осветить все заблужденья мы должны!
Все недостойное смеши без сожаленья мы должны!
Печаль обманутой души предать забвенью мы должны!
Навек рассеять неприязнь в одном стремленьи мы должны!
Сабир, с народами всегда жить в единенъи мы должны!
Красноречивые, сюда! Где ваше рвенье? Час настал!
Друзьям о дружбе возвестить, о единенъи — час настал!

1906

ГОРЕМЫЧНЫЙ

Если сына вдруг тебе подарит благой творец —
О, возрадуйся, отец!
Колдuna скорей зови, — ты для сына не скупец, —
Джина отпугнет мудрец!

Амулетами обвесь тело сына тут и там —
Джин коварен и упрям!
И еще тебе совет я, на благо сына, дам:
Пусть он ходит по рукам!

А простудится дитя или заболит живот —
Пусть колдун опять придет!
Но врача в тревожный час пусть никто не позовет,
Чтоб не осквернить твой род!

Будет плакать — никаких средств не надобно искать,
Но браин ты только мать!
Ну, а та пускай начнет сына чем-нибудь пугать,
Чтобы малого унять!

Суеверьям научи: с детства ими начинен,
Пусть наивным будет он,
Пусть бедою будет он окружен со всех сторон,
Будет всеми осужден!

Как начнет он лопотать, сквернословью научн,
И не кайся, а молчи!
Пусть миллионы грязных дел светят сыну, как лучи,
Чтоб не быть ему в ночи!

А исполнится ему, озорному, десять лет —
Дай ему такой совет,
Чтоб к пятнадцати годам знал твой сын любой секрет,
Что и старшим знать не след!

Сделай так, чтоб слез не лила из-за школы твой сынок,
Вечно с книгой, одинок.
Чтоб на свете как-нибудь прокормиться мальчик смог,
Трудно ли взломать замок?

Ну, скажи, зачем ему на земле спокойно жить?
Ремеслу начни учить:
В карты с жуликом играть, резать, грабить, не тужить,
С ночкой темною дружить!

Пусть он будет удальством радовать отца готов,
Молодец из молодцов!
Кто там вздумац ровней быть? В доме — сахар, чай и плов!
Вот твой сын теперь каков!

А в тюрьму он попадет и тебя осилит страх —
Глупый, ты же при деньгах:
Адвоката задары! Не скучись! Богатство — прах!
Ползай у властей в ногах!

Наконец тебя, отца, непускают и в тюрьму:
Крах — богатству твоему.
Вот возмездье: нищ и наг, ты берешься за суму!
Путь? Твой путь ведет во тьму...

Горемычный, почему
Столько благ в своем дому?
С просвещеньем не дойти
До такого — никому!

НЕ ГРУСТИ

Погас твой месяц невзначай, муж из Канана, — не грусти!
Стал садом скорби твой цветник, жжет сердце рана —
не грусти!
Обиды, раны — что они? Ты радуйся и веселись,
Труд возвеличит хоть кого! Тут нет обмана, — не грусти!

Судьбы коварной колеса пошло не так, как нужно вам.
Таким пусть и пребудет мир, пока не сдвигнется он сам!
Уж ваша доля такова: стенай и волю дай слезам!
И у рабочего удел и у дехкана: не грусти!

Пусть над тобой глумится хан и пусть тебя изводят бек,
Ты слушай их: они сильны, а ты — убогий человек!
Им — угнетать и пирожить, тебе же — черствый грызть
чурек!

Спеша работать на господ, ты утром рано не грусти!

Трудись, хоть сгорбится спина, трудись, хоть ливнем
хлынет пот,
Трудись, хоть с голоду семья твоя иссохнет, перермет,
Трудись, хоть рвется с губ твоих все время жалоба на гнет!
Ограблен ты рукой моллы иль, скажем, хана, —
не грусти!

Несчастный, до скончанья дней вздыхай, томись, искахи
весь.
Какие тайны скрыты здесь, попробуй на досуге взвесь!
Друг Молдан! С тобою вел «Неведомый» беседу здесь.
Знай: совесть чистая твоя — от бед охрана, не грусти!

Я НЕ ПОЙМУ

Я не пойму, что взял мой сын, что видел от наук,
От этих праздных дел.
Ведь от журналов и газет, безмозглых этих штук,
Ребенок похудел!

Заполнив чтением свой досуг, ума лишился он.
Аллах, ну что за бред?
Я верю: будет мальчик мой молитвами спасен!
Жена, а твой совет?

Злодейка! Гром тебя срази! Во всем твоя вина!
Твои, твои дела!
Такой порядок в дом вошел с тобой, моя жена!
О ты, источник зла!

Пусть вытекут твои глаза, чтоб меньше мне страдать
У ведьмы на глазах!
Нет, никогда свое дитя в огонь небросит мать,
Сожги тебя аллах!

Ты, ты заставила меня отдать его туда,
Где учат-мучат их!
О чём ты думаешь теперь? Молчишь? Ведь вся беда —
От выдумок твоих!

Не знаю, можно ли спасти несчастного сейчас?
Подумай ты сама:
Уроки, школа, столько книг — и это все зараза!
Мой сын сошел с ума!

Ты погубила сына, ты разрушила мой дом,
Ты, ты, родная мать!
Искусство! Тысяча наук! Я с ними незнаком
И не хочу их знать!

Я так хотел, чтоб мальчик мой был уважаем, чтим,
Чтоб он спокойно жил!
Привольной жизни чтоб достиг он кулаком своим,
Чтоб славу заслужил!

Теперь такие времена — ему б Рустамом быть,
Героем наших дней.
Как я, работать кулаком, богатство накопить,—
Тогда б он стал умней.

Такой прекрасный мальчуган на пытки обречен!
Неопытный мой сын!
Лицо поблекло у него, и еле дышит он,
Всегда один, один!

Ах, непутевый сын, очись, подумай, что с тобой?
Ведь впал в ошибку ты!
Наука по сердцу тебе, — не кражा, не разбой,
Не дерзкие мечты!

Послушай, перестань читать, о свет очей моих!
Яви ты верность мне!
Игидом стань и побеждай наездников лихих
На бешеном коне!

Оставь ученье, милый мой, ты жив едва-едва,
О пленник чепухи!
От этих книжек у тебя вскружилась голова, —
К чему тебе стихи?

Тебя же, сколько ни учись, как сердце ни тревожь,
Не взлюбит тесный свет!
В морях поэзии теперь будь жемчугом — и все ж
Тебе признания нет!

Что от науки денег нет, — пойми ты наконец!
В них, только в них и суть!

Нет, нет, я вижу мысль твою, тебе я не отед!

Ну, что ж, отца забудь!

Томи наукой грудь,
Печали другом будь!
Поймешь, что мир — твой враг,
Но поздно: кончен путь.

ЖАЛОБА СТАРИКА

До чего ж я постарел! Палка выпала из рук.

Где ты, молодость моя?

Слабость разлита во мне, мой удел теперь — досуг.
Стал терпеть убытки я.

Горя больше в десять раз — лишь начну я вспоминать

О моих прошедших днях!

О, добьюсь ли в жизни я тех счастливых дней опять?
Ох, увы, увы, аллах!

Поседела борода, согнута моя спина, —

Чем я спину разогну?

Ежедневно мажет хной бороду мою жена —
Изгоняет седину!

Нет, еще я не забыл развеселых дней моих —

С песнем, музыкой, вином!

Как башку я разбивал сотням слабых и нагих
Этим самым кулаком!

Так на поприще своем добывал я серебро,

Так я золото копил!

Грозной силой кулака я присваивал добро, —
Где ты, где ты, юный пыл?

Нет, не сжать мне кулаков, не свершить моей мечты:

У меня опоры нет!

Такова моя судьба. Я спустился с высоты.
Кто спасет меня от бед?

Все молчат, молчат в ответ!
Где ж ты, шумной славы след?
Лишь о юности тоску
Я лелею, стар и сед!

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Но нельзя ж, друзья, чтоб во все дела влезть
пытался он,
Чтоб свой рот при нас приоткрыть слегка не боялся он,
Чтобы смел дышать, чтобы есть чурек не стеснялся он,
Чтоб каких-то льгот или, скажем, прав добивался он!
Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Ты, рабочий, сам объясни, за что уважай тебя?
От материнских дум отучить нельзя ль нам опять тебя?
Нет, голубчик, нет, богачи должны в руки взять тебя!
Чтоб ты кланялся, коль наделит чем наша знать тебя!
Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Берегись, богач, а не то как раз попадешь в беду!
Пусть рабочий прав, — одного себя ты имей в виду!
И ни разу ты не давай ему отдохнуть в году!
Слава — славному, а нужда тому, кто с нуждой в ладу!
Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Скуден ум его, и таланта нет, и душа бедна:
Ведь он гол совсем, только рвань да грязь нам на нем
видна!
Пусть покажет он, где его аба, шаль, кусок сукна!
Из одних заплат у него чоха! Мрак, тоска одна!

Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Если хочешь жить лишь беспечно, друг, в этом мире ты,
Слез решил не лить бесконечно, друг, в этом мире ты,
Не гляди вокруг человечко, друг, в этом мире ты,
Как прохвост, живи бессердечно, друг, в этом мире ты!

Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

Горе встретится — отвернись, иди ты своим путем!
Сирота в слезах? Ты ласкать не смей! Много ль
проку в том?

Ни каких забот или добрых дел! Мимо них пройдем!
Беднота, народ — что они тебе? Ты иным ведом!

Колесо судьбы побежало вспять, — ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, — ты иди, гляди!

НЕ МЕДИ!

Стремись к тому, чтоб чистым быть у нации в глазах.
Всех убеждая, аги!

Хоть ты характером — огонь, в делах стелись, как прах.
Всю землю грабь и жги!

Твоя одежда, твой кушак — пускай ласкают взгляд:
Будь видным — в этом суть!

Любым обманом влезь в абу — внушительный наряд
Светилом веры будь!

До трех, примерно, четвертей ты бороду рasti,
Ходи в папахе, прям.

Носи кушак сажени в три — такой кушак в чести,
Ты это знаешь сам.

Где бы ни был, четки должен ты, мой друг, перебирать,
Всегда намаз твори.

Везде с достоинством держись, иди туда, где знать,
Степенно говори.

Теперь в религию свою ты гордо облачен,
Благочестивым стал,
В глазах народа мудрым стал, ты для него закон,
Ты всюду чтимым стал.

Теперь ты с головы до пят вне подозрений стал,
Ты божество постиг.

Так воплощением своих ты вожделений стал:
Чего хотел — достиг!

Настало время грабить мир — пришла пора, пришла!
Бегущего хватай!
Права тебе принадлежат, верши свои дела,
Добро приобретай!

Не медли! Угнетай вдову! Порабощай сирот!
О смерти мысль — гони!
Шайтана будет поклонять вслед за тобой народ,
Пришли блаженства дни!

Ханжу в себе храни,
Не дрогнув, обмань!
Свою верой поступись,
Деньгами — ин-ин-ин!

СИИ

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись,
Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись!

Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так все проснишь, бай-бай!

В пробуждении твоем дней без гроз не может быть,
Как во сне, счастливых грез, сладких грез не может
быть.

Чтоб неспящий не познал горьких слез — не может быть!
Одеяло выше глаз натяни ты, не проснись!

Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так все проснишь, бай-бай!

Ах, открыв глаза, кругом лишь беду увидишь ты,
У народа скорбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, эла, страданий, мук череду увидишь ты.

Под подушку — головой! В эти дни ты не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так все проснишь, бай-бай!

А проснешься — берегись! Это злой обман, засни!
Живо опий разыщи, выкури кальян, засни!
Если правый бок устал, ты на левом, пьяни, засни!

Все привычки до одной сохрани ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так все проснишь, бай-бай!

Сон твой — свет очей твоих, ты держи его у глаз,
Не терпи, чтоб он от глаз улетал хотя бы на час!

Ты в беспамятство впади, чтоб совсем забыть о нас!
 И глазком на шумный мир не взгляни ты, не проснись!
 Бай-бай, малыш, бай-бай,
 Так все проспишь, бай-бай!

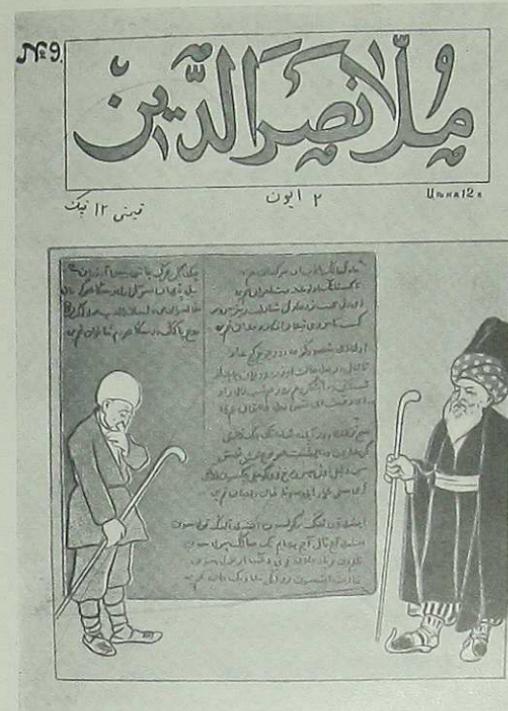


Иллюстрация к сатире «Не грусти». Из журнала «Молла Насреддин». Художник О. Шмерлина

ИЗУЧЕНИЕ ИЛУК

Брось науку! Ведь она нам страшнее ада
И душнее чада.
Всем известно, что она ядовитей яда —
Подтверждать не надо!

Мой наивный сын, услыши эти наставленья,
Мучусь каждый день я!
Счастлив, кто живет без дел, иль — в горах
У стада:
Вот кому отрада!

Э знаю: к нам она идет с тьмою, а не светом.
Знайт' же все об этом!
Прочь гоните, кто твердит, что она услада, —
Как воров из сада!

Школа — вот источник бед, вот источник боли!
Что нашел ты в школе?
Школа — вот грабитель душ, языку — преграда,
Вечная досада!

А чернила — что они? Мрак, душа злодея!
Вылей их скорее!
Эта краска светлый день сделать черным рада, —
Что страшней для взгляда?

А тетрадь — к чему она, ереси всесветной
Тайный друг заветный?
С ней поэты проболтать могут до упада,
Сбиться с толку, с лада!

Ах, зачем твоя рука эту ручку сжала?
Бойся, бойся жала!
Ты ужален будешь, сын, — у такого гада
В жале много яда!

Внемлешь белому листу? Бойся, речь о вэдоре:
Черным станет вскоре!
Опекун его — беда! Он такого склада,
Что опасен смлада!

С черным сердцем карандаш, краснолицый, длинный —
Друг писак единый!
Сплетник, в душу влезет он — быть тебе без клада!
По делам — награда!

Просвещенные кругом хвалят просвещенье,
Будто в нем спасенье.

А взглядишься — в нем конец нашего уклада,
Элой залог распада!

Лаглагы, засада!
Мозалан, ограда!
Сыртых, бойся града,
Гыздырмалы — смрада!
О Хоп-Хопе говорят,
Дело плохо — будет град:
Камни, палки полетят,
Хуже снегопада!

ОТЦОВСКИЙ НАКАЗ

Довольно, сын мой, зря не трать на книги столько сил
И юных дней не порть!
Ты за уроками весь день, — хоть ночью б ты остыл!
Судьбы своей не порть!

Ученым в городе у нас ну просто счета нет!
Но кто из них богат?
Безумцы! Тратят столько средств! На что? На сущий
бред!
Живут — как будто спят!

Ах, сколько бед от этих школ! А ну, сынок, считай —
Я перечислю их:
Во-первых, нервы все твои расстроит этот рай,
О свет очей моих!

Ты там ослепнешь, во-вторых, а в-третьих — пропадешь:
В душе тоску тая,
Ты побледнеешь, станешь ты на мертвца похож,
Зачахнет грудь твоя!

Допустим, кончить курс наук поедешь ты потом,
Пройдешь университ.
Но ты по совести скажи, какая польза в том?
Что ж ты молчишь в ответ?

Шуметь начнешь про социализм, твердить, что ты домкрат, —
Не знаю, как их там?
Навлечь на наш народ беду бездельники хотят!
Глупец ты, стыд и срам!

Слегка подучится холоп — и он уж человек!
На что ему закон?
Сын пастуха иль батрака, а держится как бек!
Все отрицают он!

То на министров он встает, то на царя идет!
Подумай, боже мой!
На зناхарство и колдовство затеял он поход,—
Гляур, гляур прямой!

Оставь ты замыслы свои, опомнись, школу брось!
Спрячь этот луч, мой сын!
К чему учителя совет? Живи с наукой врозь!
Отца не мучь, мой сын!

Закинь винтовку за плечо и действуй — ночь не
ждет!
С друзьями вместе будь!
Большой дорогой завладей и обирай народ,
Всегда на месте будь!

Страшнее мести будь,
Бездушней жести будь!
Здоровье береги;
Вдали от чести будь!

Я ВЗДОХНУЛ, ЧТОБ ПИТЬ БЛАЖЕНСТВО ОТ КАЛЬЯНА ТВОЕГО

Я вздохнул, чтоб пить блаженство от кальяна твоего.
Плачу кровью: чашка кофе мне желанна твоего.

Даже проповедь читая, не о благе я пекусь:
Путь ее направлен верно в глубь кармана твоего.

Я иду, моя дорога на гумно твое ведет,
Я влюблен в твои богатства, в плод баштана твоего.

Если грудь моя сегодня под ногами у тебя —
Значит, рот мой жадный просит кость барана твоего.

Я извел себя тоскою по бозбашу и кюфте,
Удели мне хоть кусочек баклажана твоего!

Видишь: райские долины восхваляю с полным ртом:
Черноглазого хочу я фисинджана твоего.

И когда я с вожделением реки райские пою,
Я мечтаю о шербете из стакана твоего.

Чуть завижу пар над пловом — истекаю я слюной:
Будет ужин в пользу бедных — к чести сана твоего.

Ты — наследник, ты — любимец, мне б хоть раз тебя
уэрст,
Поглядеть бы на отделку ятагана твоего!

Сердце, все свое бисене благодетелям отдан,
Бедняки — они же вовсе не из стана твоего,

Искра вдоха не затронет никого — пойми, Хоп-Хоп!
Лишь годна она для сердца, как ни странно, твоего.

Ты пылай и молчи,
Понимай и молчи.
Если ж правду сболтнешь —
Отрицай и молчи!

ОТВЕТ ГОП-ГОПУ ИЗ ГАЗЕТЫ „ХАЙТ“

Этот мальчик — свет очей, а не кто-нибудь такой,
Сила тела, жизни сок, радость сердца и покой,
Этот славный мальчуган выходит твоей рукой, —
Что ж ты гонишь в класс его? Нет в тебе души людской!
Пусть на улице шумит без забот сыночек твой,
Как захочет, так пускай и живет сыночек твой!

Глянь, как чисто дышит он, голосистый соловей, —
Так избавь его от мук, горе детское развеяй!
Он достаточно уже знаний в школе взял твой,
Клетку мальчик твой обрел вместо зелени ветвей!
Чуть взлетел — и оборвал свой полет сыночек твой!
День и ночь он там торчит, пропадет сыночек твой!

Всюду выходцев из школ, лишь пройдешь, ты узнаешь.
Слыша речи тут и там, молодежь ты узнаешь!
Кровь гнилую, немочь их сквозь галдеж ты узнаешь!
Ты не глуп: кто плох из них, кто хорош — ты узнаешь.
Можно ль, чтоб сошел с ума от хлопот сыночек твой?
Чтоб наукам отдал жизнЬ твой оплат, сыночек твой?

Не поверю, чтобы к нам радость от наук пришла!
Нет и нет! Чем больше их, тем, скажу я, больше зла!
Если хочешь, чтобы жизнь юноши легка была,
А с деньжонками мышина оказалась тяжела —
Научи, чтоб, не трудясь, чтил доход сыночек твой!
Пусть великим мастаком прослынет сыночек твой!

Слушай, жалкий человек! Сколько тупости в тебе!
Чтишь науки, а скажи, что они в твоей судьбе?
Ну, к чему должны мы знать: это «а» и это «б»?
Сколько знаков, сколько букв! Есть ли толк в такой резьбе?
Пусть возвысится казной, заживет сыночек твой,
К бекам, к ханам пусть найдет верный вход сыночек
твой!

Бесполезным, как Гоп-Гоп, ты писакою не будь!
Если быют по голове, раскрывай для горя грудь!
Лихорадочным ты будь, слезы, поиски забудь!
С Насреддином подружись — вот прямой к позору путь!
Став Хоп-Хопом, славу пусть обретет сыночек твой!
Для стихов пусть отойдет от забот сыночек твой!

БАКИНСКИМ ПЕХЛЕВАНАМ

Мутит, когда на профиль твой, мелькнувший за окном,
Глядишь,
Тошнит, когда на твой азарт, страшящий словно гром,
Глядишь.

Теряешь речь, когда на нож, сверкающий в твоей руке,
И на тяжелый патронташ на поясе твоем глядишь.

Весь леденеешь, увидав тобою сжатый револьвер,
Дрожишь, когда на твой кинжал, увитый серебром,
Глядишь.

Вовек не различишь, ты трезв иль ты невыразимо пьяни,
Когда на твой неровный шаг, на мрачный лик тайком
Глядишь.

Лентяй, бездельник, хулиган, что бог тебе и что исlam?
Бей мусульман, когда на них ты в шуме городском глядишь.

А ну-ка, шапку набекрень, надвинь на брови, торжествуй,
Когда на лодыря, тебе подобного во всем, глядишь!

Шатайся, пьяництвуй день и ночь, где доведется, там и спи,
Закрой глаза, когда на свой на разоренный дом глядишь!

Ты, прожигатель дней своих, все больше забывай детей,
Чем чаще на друзей-пройдох, кутя в саду густом, глядишь.

То «Скороход» тебя пленил, то лакированный сапог.
Красотку встретив, ей в глаза ты, словно с ней знаком,
Глядишь.

Ну, что же, трать свое добро на барышень своих ночных,
Бранись, когда ты на жену, домой вернувшись днем,
Глядишь.

Пылает румянец,
Напьешься — и в танец!
Шумиць — и для пьяниц
Ты этим хорош.
А старость нагрянет —
Кутила устанет,
Веселья не станет, —
Тут все и поймешь!

СОВЕТЫ СТАРОЙ КОЛДУИНЫ

Советы бабушки своей пустыми не считай —
Прими, моя душа!
В них слово каждое — рубин, пленивший целый край,
Пойми, моя душа!

Я много прожила, и как дивила тесный свет —
Лишь ведает пророк!
Каких уловок не нашла я с тех далеких лет,
За этот долгий срок!

О женской хитрости сто лет я говорить смогу —
И всей не исчерпать!
Заполни хитростью весь мир — тебе я не согру! —
И не найдешь, где стать.

А колдовать начну — и джин сбежит, как от огня!
Хвала моей волшбе!
И сам шайтан не знает чар таких, как у меня,
Творцом клянусь тебе!

Ты счастлива, ты обрела благословенный миг
Свидания со мной!
Пойми, пойми мои слова, о свет очей моих!
Скажу тебе одной:

Во-первых, знай ты, что мужей на свете верных нет —
Хоть будет муж умен!
Нет, не найдешь и одного за сто и двести лет —
Хоть будет глупым он!

Не жди, что верен будет тот, кто мужем стал твоим,
Будь на-чеку всегда!
Как раз троих он заведет — кто мужем стал твоим:
Тебе грозит беда!

Прослужишь тридцать-сорок лет безропотно ему —
И не оценит он!
И вот молоденькой женой — он властелин в дому —
Тебя заменит он!

Не плачь о муже, не горюй, что твой удел жесток!
Ко всем чертам его!
Своих уловок в тишине наматывай моток —
Тебе я дам его:

Пока не спит, не подходит, не говори ты с ним —
Он молнии грозней!
А как заснет, провери карман со звоном золотым,
Но только не красней!

Тайком, безмолвно, по ночам верши свои дела:
Женой-плутовкой будь!
Чтоб сам шайтан не мог понять, как ловко ты взяла,
Отменно ловкой будь!

Вот, выпив утренний свой чай, он из дома ушел, —
Забудь про всякий страх:
Свободна ты от всех забот и от бесчисленных зол,
Весь дом — в твоих руках!

Ты называешь масло, сыр, чай, сахар, мясо, мед,
Халву, варенье, рис, —
Сушеных фруктов Хансенем на мелочь пусть возьмет,
Ты просишь: торопись!

Пусть за подругой поскорей твой мальчуган пойдет,
И за твоей сестрой,
И пусть она своих подруг побольше приведет:
Веселый пир устрой!

Пусть на огне котел стоит и самовар кипит!
Бей в бубен без забот!

Пусть есть любая гостья плов, не ведая обид!
Пусть льет шербет и пьет!

Шербет! Каймак! И мед!
Пусть трудится супруг
Не покладая рук,
И горе сносит сам, —
Пошли его к чертям!
Вовек не знай невзгод!
Пусть в доме круглый год
Веселый пир идет! ..
О, наш злосчастный род!

ДЕТИМ

Надежда народа, с веселым лицом детвора,
Любимая матерью, добрым отцом, детвора!

Любовью и лаской обязаны вы материам,
Их вечным объятьям, о дети, их нежным словам.
Отецы не скупились, хоть каждый суров и упрям,
И, слава творцу, обижаться на счастье не вам.
Ты так возмужала в семействе своем, детвора,—
Свободно гуляй на просторе земном, детвора!

Вы, мальчики, ростом уже кипарису равны.
Как взрослый петух, вы поете — враги тишины.
Родители рады, что стали большими сыны.
Довоиной! Уж вам колыбели теперь не нужны.
Скорее расстанься с постельным теплом, детвора!
Оставь наконец-то родительский дом, детвора!

Болтаться на улице, всюду бывать вам пора,
Валандаться, шляться опять и опять вам пора,
Скандалить и драться, громить, воровать вам пора,
Меняя наружность, весь мир расшатать вам пора.
Стреляй что ни день, забавляйся свинцом, детвора,
Чтоб каждый на улице стал молодцом, детвора!

Настал не ученью, не школьным занятиям срок:
Взлелевшим детям все знанья о мире не впрок.
Нет, время настало все делать добру попerek,
Пусть в сердце войдут беспрепятственно зло и порок!
Учись обращению с крепким словцом, детвора!
Учитель и школа тебе нипочем, детвора!

Как следует, дети, владеть кулаком вам пора,
По чести хозяинчать в доме своем вам пора,
Быть с матерью дерзкими, драться с отцом вам пора,
Покой их разрушить своим удальством вам пора!
На бедную мать налетай вечерком, детвора,
Да так, чтобы вздохнуть не смогла она днем, детвора!

Отец не исполнит какой-нибудь просьбы твоей,—
Чтоб он устроился убытков, бей утварь скорей!
Яви свой характер, бранись, да, смотри, пограбей!
Стремясь к избавлению от смелых сыновних затей,
Из дома продаст он посуду с котлом, детвора!
Он рад рас проститься с последним добром, детвора!

Достаток? Достаточно горя ему одного!
Уж так повезло ему — праздник сплошной! Торжество!
Что светом очей он считал, то сгубило его!
Трудился — и вот тебе: нет за душой ничего!
Не умер и душу не спас он концом, детвора!
Печаль у бедняги — всей жизни венцом, детвора!

ИСНОВЕДЬ ГАДЖИ-МИРЗА-ГАСАНА ИМАМА-ДЖУМЫ,
ИЗГИЛАННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Не знал я, что горю наступит черед,
Что счастье порою бедой предстает,
Что может судьба так ускорить свой ход,
Что волю потребовать может народ,
Что сила такая в народе живет!

Я власть над народом — беда! — потерял,
Беличье свое навсегда потерял.

Ведь был я в Тавризе имамом-джумой,
Все знают прекрасно, какую ценой
Достался мне этот кусочек земной.
Невежды рабами спешили за мной —
И юный и тот, кто намазался хной.
Нет, вашей свободы никак я не ждал!
Что день превратится во мрак, я не ждал.

Ах, сколько имений ко мне перешло!
За крохи склонил я народа чело.
И пашен и стад я умножил число.
Сумел не одно я заставить село
Трудиться, чтоб счастье мое возросло.
И все это — винкните! — прах, пустота!
В душе — пустота, и в руках — пустота.

Пирия в Тавризе, я в жире увяз.
Проклятьем пугал я свершивших намаз.
Меня, как ягненка, доверчивый пас,
Строптивых лишил я то жизни, то глаз.
Бесстыдно окраску менял я не раз.

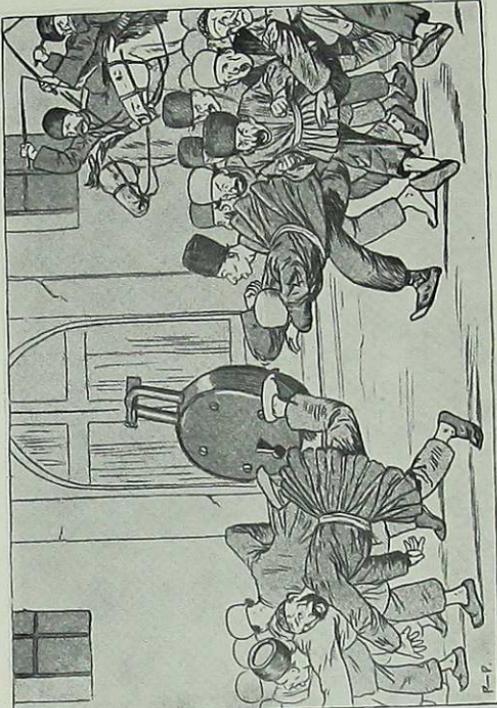


Иллюстрация к сатире «Бакинским рабочим». Из журнала «Молва-Насреддин».
Художник Гоголь.

Народ — он, восстав, шарят погубил,
Меня конституции яд погубил.

Не знаю, кто рой этих пчел раздразнил,
Родил у народа дремавшего пыл?
Кто буйное дерево распры взрастил? —
Рубил я, но выбился только из сил!
Безумный мятежник мечты воплотил!
Вернется ль к тиранам весна, не дождусь.
В амбары мои ни зерна не дождусь.

Мирзе бы Джаваду отрезать язык:
Все тайны мои он раскрыл, еретик.
С Мирзою-Гусейном, что к сплетням привык,
Болтали друзья — и урон мой великий!
В Тавризе война показала свой лик:
Я изгнан — и сердцу так больно теперь,
А зависть — победой довольна теперь!

Мечтой о Тавризе мой ум поврежден:
Там всюду встречал я привет и поклон,
Там — запахи кухни, посуды там звон,
Шербет в пиале, навевающий сон!
Там рисом садри я бывал опьянен!
Те дни! Проживу ли я, боже, без них?
Иль встречу я смертное ложе без них?

О боже, что если то время придёт?
Вернулся! Молюсь! А за мною — народ!
Мне каждый с почтением дорогу дает,
Ладони в поклоне слагает, — почет!
И в страхе замкнулся у каждого рот!
Я знатных учу — и гордятся они!
Увы и увы — не вернутся те дни!
Поди и засни, и засни, и засни!

СЛОВО

Я слово солнцем назову — других сравнений нет!
И впрямь ведь, слово, ты даешь всему живому свет!

Ты истиной сотворено, ты правды смелый луч,
Ты рождено, чтоб сонмом благ осыпать белый свет.

То льешься ты из-под пера, то строчками встаешь,
То польхашь на земле, то в небесах — твой след.

Как только появилось ты, исчезла темнота,
Ты человеку в первый день открылось, как рассвет.

Кто от рождения не слеп — влюблен в твою красоту,
Тобою взор людей ума украшен и согрет.

С тех пор, как ты слетело с уст, такое благо ты,
Что человек тобою горд уж много тысяч лет.

Строптивых тотчас усмирит и сломит власть твоя,
Ты можешь, мнится, расплавлять, сжигать любой
предмет!

Величие людских сердец, ты — молния мечты,
И отраженье чести ты и всех души примет.

Ты — мудрый воспитатель наш, а потому тебя
Отцом поэзии всегда признать готов поэт.

Да, человека довело до совершенства ты —
И много в мире красоты он одержал побед.

Всем чистым сердцем я, Сабир, прошу тебя о том,
Чтоб древу мудрости во мне послало ты расцвет!

ГОРЕ АПТЕКАРИЯ

Ай, аман, ой, горе нам от гнущих, сердце рвущих дел
изменчивой судьбы что, подвергнув нас ударам, обрекает
мир пожарам, беспощадна к малым, старым, а особенно ко
мне, что в огне сгорая даром, как свирель в усердья яром,
только стоны издаю, будто стал я самоваром и во мне
исходит жаром много тысяч угольков, а из чашек глаз моих
льются слезы, пышут паром, ай, аллах, каким угарам
я охвачен, кто поможет мне, несчастному: на свете появив-
лось поколение просвещенных — литераторов и всяких
вообще интеллигентов, — тех, которые всесильно вводят
новые порядки, называя их наукой, да и нас все время
тянут приобщиться к злому делу, и скажу я: их призыва —
ничего! — они учились, курсы кончили, усвоили кое-что от
обученья, но, клянусь вам, надоели мне проклятые поэты,
что от всякой дряни, вздоре, чертовщине, мелком соре раз-
болтались, как в бреду, — все у наглых на виду: каждый
ваш грешок в году, всех пороков череду и подметят на ходу,
и опишут на беду, и почтенный чужестранец с ними сразу
же в ладу; я оглох, я пропаду, слыша в муке о науке речь
скучнее всякой скучи, мол, дадим друг другу руки, а на
что нам эти штуки, если все, что получили мы от предков
в наследство, наши древние законы, наш уклад и образ
жизни, поведенье, положенье, что нам близко искони, — все
в стихах своих они порицают в эти дни: то и это изгони,
переделай, измени, жить по-новому начни, траурный надень
наряд — в школу отведи ребят, — боже, что они велят! —
значит, собственной рукой преврати дитя родное — ужас! —
в русское, в чужое, чтоб лишить себя покоя, созерцая, как
святое мусульманское дитя, словно дети иноверцев, в кар-
тизе который год все твердят «иштот-минштот», ходят

учится — и вот станет доктором оно и подверженным недугу правоверным мусульманам выдавать начнет лекарства, те аптечные лекарства, что от века состояли из вина наполовину, а другая половина — из воды, и осквернит неповинные желудки у несчастных правоверных, между тем как есть на свете парфюмерная лавочница, чей хозяин — раб аллаха, наш гаджи благочестивый, самый верный сын пророка, кто на всеглядит глазами, подведенными сурьмою, голову покрасил хною, у кого меж пальцев четки, в чьей душе глубокий корень навсегда пустила благость, кто боялся не обидел никого своей изменой, кто и куплю и про дажу вел со всеми без обмана, вместо мускуса ни разу не давал дешевой дряни, — в этой лавочке, в которой наследить не смеют крысы, в этой лавочке, в коробках, безо всяких покрышек, много дивных средств хранится, что лежат десятильстя, но от этого сильнее аромат их и целебность, и еще верней спасенье от болезней и печалей, а они и впрямь спасают — эти травы и коренья, семена, пылюли, смеси — и подумайте: все это в лавке так и пропадай, все забудут этот рай, за зимой наступит май, вновь луна осветит край, а гаджи — сиди, зевай, год за годом — баю-бай, гостя в лавке не встречай, — так вот и придет вай-вай!

НЕ БУДУ КУКАРЕКАТЬ

Мне показалось, что рассвет заалел —
Как птица утра, я запел наугад.
Но острый камень вдруг разбил мне крыло, —
Так вот он, песенки моей результат!

Теперь, увидя в небесах ястребов,
К себе во дворик я бегу поскорей.
О камень, больше не лети ты в меня;
Хоть за цыплячий голосок пожалей!

О ястреба, зачем пугать вам меня?
Парите в облачном своем серебре!
Я предоставила вам навек небеса,
А сам гуляю на земле, во дворе!

Цыплятки миные, зачем вы в слезах?
Ну, скажем, перестал я шум поднимать,
Не кукарекать я даю вам обет,
Но откажусь ли разуметь, понимать?

СВОБОДА

Свободай! Хотелось халвы мне отведать твоей,
Отведать и крикнуть: — Что в мире свободы вкусней?

И вот мне приснилась пристань («К добру» —
пожелай!),
И сласти свободы навалом лежали на ней.

Их стали в мешочки, в мешки и в тюки паковать —
И вскоре гора поднялась под руками людей.

Не раз и не два помышляя я об этой халве
И мольни: — Ах, дайте, друзья, мне кусочек живей!

Но гроэною тучей взглянул на меня кладовщик:
— Эй, к пальме свободы ты, малый, тянуться не смей!

Красавица эта Ирану, пойми, суждена!
Что ты для нее? Помолчи! Осторожнее! Эй! ..

Я, стоя в сторонке, смотрел, как глотает тюки
Один из стоящих у пристани той кораблей.

Раздался гудок — и по синим волнам поплыла
Подруга, что сердцу всех ближе, родней и милей.

Внезапно на мачте я траурный флаг различил —
Зловещее слово, исчезни, певца пожалей!

Нет, надпись прочел я и понял: погиб капитан.
А волны бунтуют, и пена взлетает до рёй.

И вопли сквозь ночь с боевого летят корабля:
— Спасите свободу! .. Беда! .. Помогите скорей! ..

Проснувшись от воплей, увидел я темень вокруг —
И грустно «бай-бай» прошептал я свободе моей...

ПРИЗВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

О судьба моя ты злая, что за дни пришли, не знаю, то и дело я стенаю, не живу — в огне сгораю, без конца в слезах, без краю, сердце кровью обливаю, а сильней претерпеваю, чем от горестей и бед, — от журналов и газет, где писаки — хуже нет! узнаю глупов след! — у меня во цвете лет отнимают солнца свет, смело пишут всякий бред, ужасая весь ислам, призывают здесь и там, в каждом городе, селеньи не забыть о просвещенцы: школы девочкам открыты, чтоб малютки во всю прыть мчались в классы по утрам, получали пользу там, чтоб к ученым степеням был для женщин путь открыт, чтобы шли, забывши стыд, в новых платьях в новый быт: та с грамматикой сидит, медицину эта читит, а у третьей важный вид — о природе говорит; книги, письма, ох и ах, гибель скромности, аллах, страх и прах, туман в умах, все — впопыхах; такой размах в их словах и в их делах, в этой армии задир, взволновавших целый мир, чтоб язык их мертвым был, чтобы камень их убил, чтоб навеки мир забыл их слова и обращенье, срам, бесстыдство, преступление, злое дело — просвещенье, их тлетворное стремление: ведь и знанье и уменье каждой девушки лишь в том, чтоб держать в порядке дом — шить одежду и стирать, шерсть расчесывать и ткать, тряпки ставить и латать, дом и дворик подметать, каждый раз посуду мыть и варить, варить, варить, заслужив гостей хвалу, голубцы, кюфту, халзу, из баарини — бозбаш, из фасоли — кашу каш, фисинджан, чурек, лаваш — вот и все, что нужно знать тем, кто есть жена и мать, а не знаешь — не беда: знанье главное всегда заключается в другом; суть его, во-первых, в том, что, пришедши к мужу в дом, огрызайся, прекословь, будь там свекор или свекровь, чтоб не смели

возражать, а умели уважать, во-вторых — пускай жена будет хитрости полна: в мужа с деверем она бросить розы семена обязательно должна, чтоб дружбу многих лет в десять дней свести на нет, в-третьих — знать важней всего всех чертей до одного: джигнов, леших, домовых, самых страшных, самых злых, никого не позабыть, а, напротив, проявить здесь особенную прыть, чтобы пользу получить, если здраво рассудить: скажем, стал ребенок ныть или, попросту, шалить, — имя чорта назовешь, шалунишку бросишь в дрожь — и ребенок стал хороший; так вот сразу и уймешь, ото всех забот уйдешь и душою отдохнешь.

Повелел ислам итти
Лишь по этому пути.
Ограничивай дитя,
Чтоб его от бед спасти!
Разобраться не берись,
Делом начатым гордись!
Что? Не веришь? Ну, не верь!
Не стыдишься? Не стыдись!

ВЕСЬ МИР ОТДАМ ТЕБЕ!

О страсть! Веления твон превыше всех иных!
И голова моя всегда, всегда у ног твоих.
Мой прав и вера — это ты! Ты проявляешь их!
Повелевай — перед тобой я трепетно притих!
Исполни все! Вело служить моим трудам — тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Не буду властен в чем-нибудь — вооружусь я злом!
Отброшу верность — и пойду упрямко напролом!
Объединенных разобщу, вражду создам кругом!
Когда не покорится кто и станет мне врагом,
Я все на свете подчиню твоим словам, тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Когда меня иной умом стократно превзойдет
И станет так же, как меня, его хвалить народ, —
Я нестерплю! О, что со мной тогда произойдет:
Завидовать моим делам начнет бесовский род!
Своими коварством послужу я тут и там тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Мою властью разрешить я должен все дела!
И если б воля в чем-нибудь, могучая, сдала, —
Пусть кто-нибудь промолвит вслух: добрая хвала! —
Я вспыхну так, что он горит в единий миг дотла!
Всех изумит, как я служу, умен, упрям, тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Когда в делах нет выгод мне — погибель тем делам!
Увидев тысячу нагих — и тряпки им не дам!

Ни славы, ни добра не дам хотя б за весь ислам!
Я из-за родины своей не изменю страсти!
Как будет сладостно внимать ее мольбам — тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Я добиваюсь лишь того, чтоб шел ко мне почет.
О, как страдаю я, когда почет к другим идет!
Мое неизмеримо «я», другие «я» не в счет!
И если к дуракам порой мой гордый путь ведет, —
Унизясь, я велю служить тем дуракам — тебе!
О, будь уверена во мне — весь мир отдашь тебе!

Настанут дни: узнают все, как преданы они.
Все станут презирать меня в те роковые дни!
Расплата полная придет, аллах меня храни!
Почет и слава пропадут! Где радость? — Догони!
Восстав, нарушу свой обет — пойми, я сам! — тебе!
Увы, я этим вновь и вновь себя предам тебе!

ПОСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

О наследник милый мой, красящий мой путь земной,
лишь ты один, мой юный сын, моих седин опора, свет, уж
десять лет, как стар и сед, не говоря, в конце концов о vere
дедов и отцов, о самолюбии моем, о теле и душе, о том,
что больше жизни бережем: о чести, совести моей, — остаток
дней, остаток сча лиши тебе я посвятил; и не только
все соседи — безусловно, весь народ знает, что не первый
год, дни и ночи напролет, потеряв убыткам счет, много
всяческих забот, и уроков, и невзгод испытал я на себе,
делая добро и зло, ибо все для сына шло, — пусть мне
было тяжело, — все, что слала мне судьба, я сносил, не
хмурия лба, чтобы, зная в жизни толк, выполнить отцовский
долг: я выращивал, любя, милый кипарис, тебя, —
я не подражал глупцам, тем невеждам, тем отцам, что по
грубости своей губят свет своих очей: ненаглядных сыновей
гонят в школу поскорей, — нет, я сердцем был нежней,
я не стал во цвете дней обнажать души твоей и в темницу
школы той, полной бреднями, пустотой, я тебя не заключил,
ибо здраво заключил, что, бесспорно, лжет весь свет, будто
скрыт в науках свет, — верь, от них покоя нет: наложив на
них запрет и твоей свободе рад, я неставил ей преград, но
тебе в пути твоем не отказывал ни в чем: не стесненный
ремеслом, вечно улицей влеком, ты сменил базаром дом,
правил праздник день за днем, утро с вечером смешав, шел,
куда направит нрав; что бы ни делал, был ты прав, ибо
сыну волю дав, понимая юный пыл, где б ты noctью ни
гостила, наслаждаясь под луной пенением, бубном и зурной,
я тебя всегда хвалил — и могу на коврик сесть, чтоб творцу
хвалу вознести: сын мой стал таким, как есть, доблестей
его не счесть, молодцу такому честь: силой — лев, повад-

кой — тигр, миновавший время игр, — значит, сын мой,
должен ты воплотить мои мечты: воспитанье завершить,
некий подвиг совершил: высмотри табун в горах иль
посей смятенье, страх ты в каких-нибудь домах, повеягая
жертвы в прах, сузив землю второпях и отрезав путь
у всех, чтобы каждый твой успех был мне лучшей из
утех, — стать разбойником не грех: молод, весел и удаля,
наточил в ночи книжал, на большой дороге стал и сражась
наполова, — пусть преследуют везде, ты не думай о беде:
даже в камере попав, ты пребудешь жина и здрав, — у на-
чальства добрый нрав: о тебе похлоптав, хлеба мягкого
дадут, и водички тут как тут кружку чистую нальют,
создадут в тюрьме уют, и не будет смельчака, чья решит
тебя рука оскорбить хотя б слегка, ну, а там — прощай,
тоска! — выбрав миг, наверняка, ты бежишь из-под замка,
а задержит часовой и побег сорвется твой и с поникшей
головой ты встретишь приговор суда о том, что сослан на
года, — мой милый, не горой тогда: и поселенье — не
беда! — иди ты с радостью туда, там девок много, верь ты
мне, что подойдут к тебе вполне, с красоткой Соней нарав-
не: не ротик, а бутон им дан, как серебро — их белый стан,
цветок с неведомых полян, глядит — ты думаешь: джей-
ран! — от их кудрей ты будешь пьян: тают сирены аромат;
ах, красота их ранит взгляд, а белизна туманит взгляд,
когда ж ласкат их станет взгляд, то лишь одной пристанет
взгляд: одной из этих стройных дам, изящных и до-
стойных дам ты скажешь: скажешь — все отдаш! — и сде-
лаешь свой женой, и будешь верен ей одной, она велит:
свой дом забудь! — и не смущишься ты ничуть, и, сколько б
твой ни длился век, ты там и завершишь свой путь.

ГОРЕ СКРИГИ

О деньги! Вся моя душа, так радо сердце вам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Свет жизни, люди ищут вас, как божью благодать,
И всякий вами свой недуг умеет исцелять.
Кто вас не знает, тот спешит благоворить опять,
Кто вас не ценит, тот готов для нации отдать.
В друзья души зову я вас, тоскуя по ночам.
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Все знают, как я предан вам, сиянию ваших глаз.
И дни и ночи глаз своих я не сводил бы с вас!
За вашу полноту отdam я весь ислам зараз!
Гори весь мир — одним громом его бы я не спас!
Пусть к вашим сундукам пути не будет беднякам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

С почтеньем, деньги, каждый день я навещаю вас:
Я поклоняюсь, деньги, вам, ценою без краю вас,
Я нежу вас, я вам служу и умножаю вас,—
На соли, сырье берегу, на чашке чаю вас!
Вас ущемив, я под удар себя подставлю сам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Как жизнь свою, я берегу тебя, мой чистоган:
Эря и молле тебя не дам, хоть чту высокий сан!
Он не получит ничего — прочти хоть весь коран!
Голодный, голый — проходи! Для них ли ты мне дан?
Пусть нищий кровью плакать стал — не верю я слезам!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Без вас лишь час я проведу — в стенаньях изойду,
Заставлю плакать ради вас детей своих орудь,
На страже вас поставлю честь и славу приведу,
А день придет — я жизнь отда姆, скорю за вас в аду!
Туда в тревоге я уйду, на радость сыновьям.
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Низаринется моя душа туда, в кипящий ад!
Моллы степенные придут и, совершив обряд,
Наследникам передадут тебя, мой добрый клад!
Ах, кто поймет, что до небес мои мольбы взлетят?
О денежки! На вас глядеть я с болью буду там!
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

Не надо думать, что меня благословят они, —
Распределят и на разгул растратят клад они!
Из-за веселья полетят, куда хотят они!
По Соне или Анне взвая, начнут разврат они:
— Чинара! Ротик ваш — бутон! Прильнув к таким
устам,
За вас отца и мать отdam, и душу я отdam!

ЧЕЛОВЕК

Из глубин земли говорит шайтан: — Человек!
Как же в плен науки взято столько стран, человек?

Просвещенный — кто? Сеет знанья — кто? Ты поверь:
Этот путь тебе шептунами дан, человек!

Коль простой народ тех наук плоды собирает,
То моллам тогда ни к чему и сан, человек!

Чтоб народ — прозрел? Чтоб народ — созрел? Никогда!
На такой позор не пойдет тиран, человек!

Если стал батрах о своих правах говорить,
Что же бек тогда, агалар и хан, человек?

Борзописец — плут, он утратил стыд, и теперь
Не устанет он нагонять туман, человек.

Будь покорен элу! Отгони добро! За книжал!
Не щади голов! Будь от крови пьяни, человек!

Это — суть твоя, это — твой закон, ты пойми,
Отвергает кровь лишь один шайтан, человек!

Ах, возможно ль нам тех кровавых рек не пускать?
Чтоб из наших душ вдруг исчез дурман, человек?

Говорит всегда нам дурная страсть: убивай!
Что сестра? Что брат? Лишь враждебный стан, человек!

Не срывай завес темноты своей, чтоб не знать,
Что тебя давно покорила шайтан, человек!

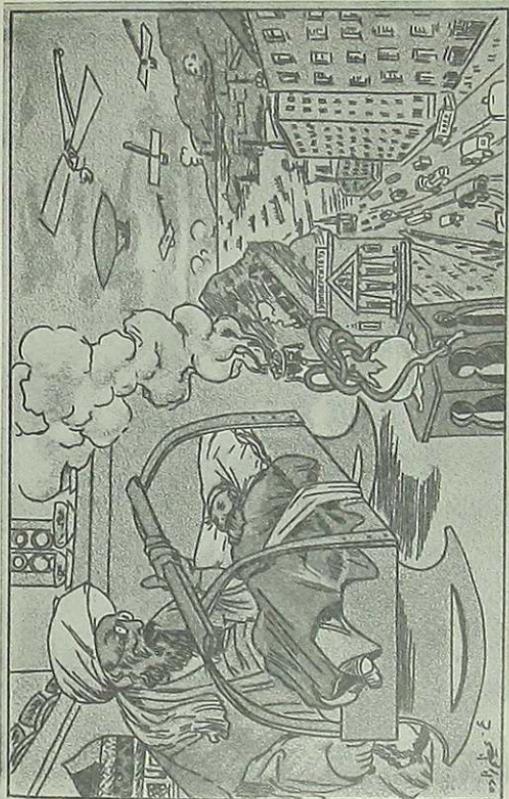


Иллюстрация к сатирическому журналу «Молла-Насреддин». Художник Аз. Азимзаде

РАСПЛАТА

Зашумел народ, — не пускать!
Тут и там орет, — не пускать!
Паутину школы, наук
Ежедневно ткет, — не пускать!
Против нас поход, — не пускать!

Увлекли народ болтуны,
Болтунаам газеты даны,
Под котлом дрова зажжены,
Вот уж пар встает, — не пускать!
Все взлетит вот-вот, — не пускать!

Молодежь? Оставьте ее!
Чистой крови нет у нее!
Что их правда мне? Их бритье
Оскверняет род, — не пускать!
Раз не чутут бород, — не пускать!

Мы должны признать колдовство!
Но поэтом? Нет! Никого!
Ведь у них со школой родство
С каждым днем растет, — не пускать!
С ними рой невзгод, — не пускать!

Что поэт? Безбожник! Злодей!
Разве он похож на людей?
Все стихи порчи и развея!
Ни странички в ход — не пускать!
Еретик идет, — не пускать!

С честью и стыдом заодно
И ума ему не дано!
И забыл он бога давно!
Против бога прет, — не пускать!
Чуть раскроет рот, — не пускать!
Вот он цепи рвет, — не пускать!
Станьте у ворот, — не пускать!

ПЛАЧ

Зачем должны мы замечать пустой, голодный взгляд,
аллах?
Зачем голодным помогать, — пускай себе скуют, аллах!

Пускай душа течет из глаз — в глаза заглядывать не нам!
Имеет руки — что ж, пускай и зарабатывает сам!
Он будет есть — ах, боже мой, какая польза богачам!
Нет, голодая, умирать — им лучше во сто крат, аллах!

Мне о таких вещах — ни-ни! Скорей воды возьмите в рот!
Ох, нет мне дела до того, что вымирает мой народ!
Творец-кормилец видит все — и голодающих спасет!
Но тошно мне на них взирать, они для сердца — яд,
аллах!

Не от газетчиков ли к нам пришла подобная беда?
Чуть что случится, голосят они без всякого стыда:
Помочь несчастным беднякам! Спасите! Страшная нужда!
Но кошелек опустошать — да это же разврат, аллах!

Ты что ж, проклятый, навсегда связался с этим бедняком?
Ну что ж, он брат тебе иль друг? Иль ты случайно
с ним знаком?
Что деньги мне дороже глаз — ведь знать не знаешь ты
о том!
Своё богатство раздавать нельзя же всем подряд,
аллах!

Скажи, зачем к моим дверям бедняк прокладывает путь?
Пускай падает, чоху продаст, чтоб я спокойно мог уснуть!

Свою я щедрость покажу в другое время как-нибудь!
Изволь тому, другому дать — тут нужен целый склад,
аллах!

Ты все газету мне суешь, но глубже дело рассмотри!
Чем упрекать меня, узнай привычки наши изнутри!
Отдам я деньги беднякам — что ж Анна? С голоду умри?
Но разве Анна — Хансенем, чтоб клянчить с нищим
в лад, аллах?

КУРИЦА

Усни ты, курица, — найдешь во сне зерна немало ты,
Молчи, голодная, — орла в просторе не узнала ты?

Сидеть в курятнике не смей, и на дворе ты не торчи,
Смотри, зевнешь — не избежишь хозяйствского книжала ты!

Ты на яичницу взгляни, взгляни на пламя в очаге —
Напрасно из яиц своих цыплятök ожидала ты!

Ты не тверди: «Чурек, чурек», как зангезурец, не шуми,
Но чем торгуют бек и хан, должна узнать сначала ты!

Не доверяйся болтунам, что о самих себе кричат, —
Как в трудный час бегут они — на деле испытала ты.

И сладостных речей моллы должна ты тоже избегать:
Змеиного во рту моллы не видишь разве жала ты?

Так не гляди ж ты, нищета, на рожи этих богачей, —
Взгляни на саван! Ведь еще в могиле не лежала ты!

Ты об «ученых» помолчи! А вздумаешь увидеть их,
Взгляни на карты в их руках и на хрусталь бокала ты!

Дела, проделки, сделки их — один туман для глаз твоих.
Взглянула! Что же? Только спесь пустую увидала ты!

КАК СКВЕРНО МНЕ, АЛЛАХ!

Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!
Ей-богу, я горю в огне, — спаси, податель благ!
Горесть недругов чернит ислам, забыл и стыд и страх,
Непослушанье пробудит хотят в твоих рабах!
В такие злые времена мне жить пришлось, ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Повсюду к жертвам нас зовут, к созданью школ зовут,
Поставить доску в каждый класс, а также стол — зовут.
Зовут нас розги отменить, к нам произвол зовут,
И выставить скорей из школ почтенных молл зовут,
И пригласить взамен моллы учителя, ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Что значит он, зачем он к нам пристал — учитель тот?
Чтоб в год пятьсот-шестьсот рублей хватал учитель тот?
Чтоб новый метод применять он стал — учитель тот?
Чтоб, получая свой оклад, сия учитель тот?
Чтоб, видя этот капитал, молла вздыхал: ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог,
К работе руки не лежат, к делам — не двинуть ног:
Ах, даже у моих детей какой-то новый слог!
Ах, это все в моих ушах трещит, свидетель бог!
Права, свобода, Порт-Артур, Манчжурия, размах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Клянусь былым, сошли с ума, развращены они!
Ислам! Беззверьем новых дней заражены они!

О, как понять, во что теперь превращены они?
Какой-то там свободе все душой верны они!

Такие, право, молодцы — не выразить в словах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Ах, неужель минувших дней никто нам не вернет?
Ах, неужель им не дано продлиться лет пятьсот?
Науки, знания, мораль, вы дали б нам отчет!
О ненавистный прошлый год и позапрошлый год!
Сгореть бы вам, чем у невежд будить огонь в умах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Не знаю, чем я занят был, что не видал ничуть,
Как это племя — враг наук — избрало новый путь?
Такою верой в этот путь наполнена их грудь,
Что когти горя рвут меня и не дают уснуть!
Как знать, потерпят ли когда стремления эти крах?
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

По многоженству нам в стране и отдают поклон,
И мы с одеждой наравне своих меняем жен.
Что женщина? Рабыня нам! У нас таков закон!
Хотя свободной мы ее к себе приводим в дом!
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

МЫ — БЛАГОЧЕСТИВЫЕ

Ах, наши помыслы, мечты — о женщине одной!
Стремленье к женщине для нас — свет сердца, рай земной.
Затем, что наша страсть нужней любви к стране родной,
Свою любовь к стране родной храним мы всем нутром;
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

Высок ли ты иль низкоросла — ты к равным приобщен.
И даже в старости «труды» нам заменяют сон.
По обе стороны у нас всегда по паре жен!
О страсть! Мы все — твои рабы! Тобой одной живем!
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

Ах, каждый вечер надо нам проверить мыслей строй,
Из рога благостной судьбы летит желаный рой,
А утром — в банию мчимся мы, забыв намаз порой!
Там, омываясь, предстаем с молитвой пред творцом.
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

Обычай шейхов наших дней лишь этим и хорош,
Его в наследство от отцов приняла молодежь.
Ты говоришь, что вялы мы? Ты так огонь зовешь?
В своем пути мы кровь прольем — добудем славы гром!
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

И пусть другие жен своих правдиво судят, пусть!
И пусть с женою дружит муж, любить не нудит, пусть!
И пусть с единственной женой весь век пребудет, пусть!
Ах, прибавляем жен сийга мы к нашим четырем!
Благочестивые, мы в день одну жену берем.

Сгустились тучи, — ты скажи, спасенье наше где сейчас?
Туман, завеса, снегопад, — не вышло ль так, как
я сказал?

Не ты ль божился, что у нас и дружба и единство есть?
А помнишь, я сказал, что нет, недостоверна эта весть,
Что только и способны мы на зависть, на вражду, на месть?
Теперь уж прояснился взгляд! Не вышло ль так, как
я сказал?

НЕ ВЫШЛО ЛЬ ТАК, КАК Я СКАЗАЛ?

Ну, что мечты твои теперь? Скажи, куда девал ты их?
Дрожали небо и земля от жалоб и угроз твоих!
Иль ты, ошибку увидав, отрекся от надежд бывших?
Ты отвечаешь невпопад, — не вышло ль так, как
я сказал?

Не ты ль твердила, что ты здоров и что в тебе болезней
нет?
Что желчью весь расстроен ты, — не я ли говорил в ответ?
Не ты ль вскричала, что наложила на страсти личные запрет?
Теперь, когда глядим назад, — не вышло ль так, как
я сказал?

Не ты ли, славя Энджумен, твердила, горячий человек,
Что не позволяет в нем никто, чтоб стал у власти атабек?
А что случилось? Энджумен — он верен слову не на век!
И все пошло на старый лад, — не вышло ль так, как
я сказал?

Не ты ли утверждал в те дни, что только Дума все спасет?
Не я ль сказал, что есть у нас сомнение на этот счет?
Скажи, бакинский депутат уехал защищать народ?
Поди ты прочь, ты зелен, брат, — не вышло ль так, как
я сказал?

Не ты ли говорил тогда, что Дума обеспечит нас?
Не я ль сказал: «Поменьше ешь — ведь заболит живот
как раз!»

Страну добычко зевак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Скажи, кому обязан ты работою своей?
За наши добрые дела ты нам дерзить не смей!
Да ты за это все воздать когда-нибудь сумей!
За честь — клеймить нас так и сяк, ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

РАБОЧЕМУ

Ты человек? Что это так, ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

У человека, ты пойми, лишь роскошь быть должна,
У человека — до краев наполнена мозгна,
Дома — в убранстве, и во всем рука его видна.
Дворцом хибарку — грязь и мрак — ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Ты в знатном обществе, смотри, не вылезай вперед!
Перед начальством смирно стой, закрыв покрепче рот!
Не подобает беднякам пускать словечки в ход!
Что равен богачу бедняк — ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Кто с богачами уравнял несчастных бедняков?
У нас и вид и сущность есть, бедняк, а ты каков?
Ты о достоинствах своих и двух не свяжешь слов!
Что мы в одном ряду, простак, ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Удел твой — молотом стучать, не зазнавайся, эй!
О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!
Двугривенный получишь в день — уж ты и богатей?
Мильоном каждый свой пятак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Мы — богачи, мы — богачи! Почет и слава — нам!
А если нам дана казна, то и держава — нам!
И власть над ней принадлежит, — подумай здраво! — нам!

Смушенье знаешь ты?
Себя ль терзаешь ты?
Ох, сохрани, аллах,
В огне ль сгораешь ты?

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ

В чем призвание певца? Не в добре ль оно всегда?
И кому, как не сынам родины, дано всегда?

Не певцу ли светлым быть воплощением дней своих?
И не мира ль бытие в нем отражено всегда?

Счастье, честь родной страны — вечная мечта его,
Сердце чуткое певца к ней обращено всегда.

Кто, поэзия, в твоем царстве на престол воссел,
Знамя чаяний того гордо взнесено всегда.

Но поэт, который жив пустословием и хвалой,
Не холоп ли мерзкий он, в чьей душе черно всегда?

А продажность тех певцов, что деньгам поклоны бывают,—
Не гнуснейшим ли грехам пенье их равно всегда?

Не преступно ли сбывать песни — мудрых жемчуга —
По цене горшков худых, с хламом заодно всегда?

Песни их и совесть их — прах с порога богачей.
Этим славятся лястцы на земле давно, всегда.

Подхалимству чужд поэт по природе, и оно
С лицемерьем, только с ним, крепко сращено всегда.

Лицемерие — порок, так оставим же его
Для святош, которым лгать было не грешно всегда!

Чем прожить пять-десять дней, пресмыкаясь у владык,
Лучше сразу смерть — у нас правило одно всегда!

У певца, который чтит власть возвышенных идей,
Речь высокая таит истины зерно всегда.

Я не говорю: хули всех людей подряд, о нет!
Разум честных ноносить нам возбранено всегда!

Если из вражды своей обвинишь кого —
Значит, ум порочен твой, сердце стеснено всегда.

Также я не призову интриганов восхвалять —
Восхваленье черных дел чести лишено всегда.

Справедливость охраняй! В иси — к спасенью прочный
мост:
Кто оступится на нем, попадет на дно всегда!

Воле правды подчинись, лишь ее путем иди,
Даже горе в том пути си подчинено всегда.

Мой Али! Сабиром будь к мукам от страны родной,
Сердце в мухах за нее гордостью полно всегда.

ДЕНЬГИ

Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

О деньги! Душа моя сызмала предана вам!
Что дивного в том, что я жив поклоненем деньгам?
Без вас не бывать ни пирам, ни веселым денькам!
Смогу ли без вас я людей убеждать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Растет моя гордость, как отданный в рост капитал!
Растете вы, деньги, — и вес мой как будто не мал!
Не раз при молитве от Мекки я взор отвращал,
Но взор мой от вас я смогу ль оторвать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Я грабил народ — и совсем захирел из-за вас,
Сундук не закрый — ну, и сам не смыкаю я глаз!
— Забудь о деньгах! — говорят мне.— Наешься хоть раз! —
Но разве безумцу любовь обуздать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Нужда — не про нас! Нам знакома чеканка монет!
Без денег и славы у самого славного нет!
Ты, сердце, гори, испытай ты хоть тысячу бед,
Но можно ль деньгам на костре побывать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Корпел я годами, истратил недюжинный пыл,
Спешил, торопился, глядишь — и богатство скопил!
И прожнай я свято, хотя никого не щадил.

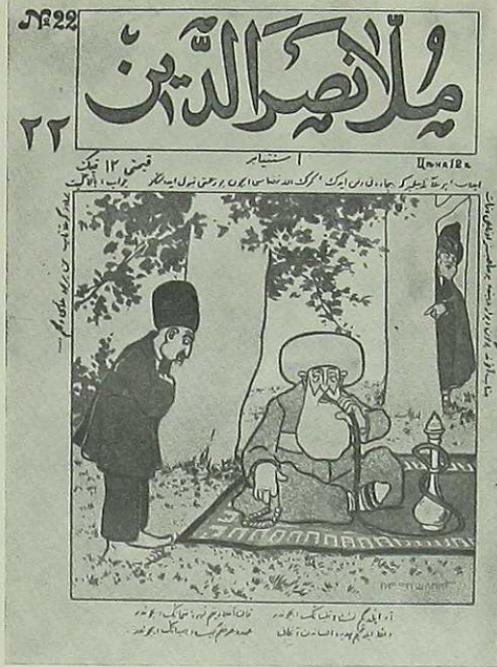


Иллюстрация к сатире «Я вздохнул, чтобы пить блаженство...»
Из журнала «Мolla-Насреддин». Художник О. Шмерлинг

Возможно ли святость мою утерять как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

А ныне в народе замечена новая прыть:
Подай-ка им денег, чтоб школы для бедных открыть,
Чтоб, видите ль, деток обоего пола учить!
Но можно ли бедных к науке поднять как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Что толку, что к знаниям нищие дети идут?
Что встали и в школу они на рассвете идут?
Нет, пусть на работу нахлебники эти идут!
Родные! Могу ль просвещенье признать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

Чтоб чтили науку всецело — новинка для нас!
Чтоб женщина в книгу глядела — новинка для нас!
Их богопротивное дело — новинка для нас!
Нельзя ли нам этот родник закопать как-нибудь?
Возможно ли сдвинуть глупца хоть на пядь как-нибудь?

УМЕР?!

Ай-ай! Заснул он крепким сном, — должно быть, умер он.
И одеяло спит на нем, — должно быть, умер он.

Полет эпохи разбудил родню, соседей, всех,
А он и не проснулся днем, — должно быть, умер он.

Нет, нет, живые так не спят, нет, нет, ему не встать!
Увы, лежит он мертвцем, — должно быть, умер он.

Сгостила в жилах у него, совсем застыла кровь,
От кожи веет холдком, — должно быть, умер он.

Смотрите: в тело вши впились, кусают сотни блох,
И скорпион, знать, нипочем, — должно быть, умер он.

Я говорил о нем врачам — от всех один ответ:
Черед совсем не за врачом, — должно быть, умер он.

Нет, растираньем не помочь, лекарства — ни к чему!
Напрасно прижигать начнем, — должно быть, умер он.

И мусульманской детворе все ясно стало вдруг,
Все только и твердят кругом: должно быть, умер он.

Смешно, что некоторых дам порой мы слышим вздох
О мусульманине моем: должно быть, умер он.

Ах, дядюшка Молла, скорей по книге погадай!
Когда спасенья нет, — споем: должно быть, умер он.

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ МЕЛОДИЯ

Что ты втерся в общество? Чепухи не мели, бедняк!
Слишком стал заносчивым, а сидел на мели, бедняк!

Чуть мы смолкли — сразу же ты кричишь, дуралей!
Прямо в залу тычешься, не стоишь у дверей!

Ты ж — рабочий! С ханами ты тягаться не смей:
Видишь, сколько роскоши мы себе завели, бедняк?

Позабыв об устали, поднимаешь ты шум,
Плюнув на приличия, так и прешь наобум!
И, гордясь отрэпьями, ты явился, угром,
К нам в папахе нищенской, весь в грязи и пыли, бедняк.

Гляньте: рожа рожею! — и такие слова!
Погляжу на мерзностных — заболят голова!
Их у нас рассеяно — сосчитаешь еда!

Не пойму, откуда же вы возникли, пришли, бедняк?

{ Было время: клянчили вы у нас всякий раз,
Поднимались на ноги — лишь завидите нас,
Кланялись почтительно, умиляя подчас:
Были вы застенчивы, вы дерзить не могли, бедняк!

Нынче все по-новому — и носитель чарух
Равноправья требует, раздражая наш слух!
Век настал безродственный, к бекам, ханам он глух:

Вдруг проснулись спавшие и глаза обрели, бедняк!

Эй, ступай ты к равному, там и душу излей!
Да денъки подсчитываю до получки своей!

Да, лишенный доблестей, требуй доли светлей!
Что, не так ли выгляднешь ты, безумье земли, бедняк?

Ищешь человечности? Так, но где же твой сан?
За культурой тянешься, — где богатство, смутьян?
Жаждешь ты величия, как какой-нибудь хан, —
Где ж ковры роскошные? Покажи, расстели, бедняк!

Говоришь ты с наглостью, — где ж бараны твои?
Где ж твои любовницы — Сони, Анны твои?
Где же субъективники? Где стаканы твои?
Где друзья-картежники? Где вы ночь провели, бедняк?

Если б вам достоинство дал господь, как и нам,
Он бы вам и золота дал, как всем богачам!
Деньги — доля избранных! Ну, подумай ты сам!
Нет, в чехе заплатанной будь от блеска вдали, бедняк!

Сколько вы с дерзаньями ерунды нанесли, бедняк!
К чорту! К бесу! К дьяволу! Убрайся, не эли, бедняк!

СЫНУ

О богатств моих расточитель злой!
Осужденный гнить, мой мучитель злой!

Просвещеня друг, мерзкой школы друг,
Ты не смог бы жить без своих наук!

В день, когда на свет появился ты,
Как я счастлив был, что родился ты!

Я сказал тогда: «О мой сын, пойми:
Ты — наследник мой, честь моей семьи!

От заслуг моих будешь ты сиять,
Будешь радовать ты отца и мать.

Если в мир иной перейду я жить,
Все мое добро лишь тебе хранить!»

Я не знал, что есть у науки власть,
Что сожрет тебя эта злая страсть.

Мой ученый друг обманул меня:
В роковую сеть затянул меня!

Я послал тебя в этот страшный дом, —
Ах, зачем я жил не своим умом?

Крепкий корень свой подрубил я сам,
И светильник свой погасил я сам.

Но ошибку пусть совершил отец —
Светлым дням своим положил конец, —

Так зачем же ты по тому пути,
Непокорный сын, захотел итти?

Не пора ль тебе, мой сынок, устать?
От ученьих дел наконец отстать?

Я вчера сидел, проверял счета:
В кассе денег нет — и душа пуста!

Покупать, поверь, сотни книг нельзя:
Торговать совсем из-за них нельзя!

Ну, тетрадей пять ты б себе купил...
О неверный сын! От кого твой пыл?

Карандаш, перо, кто придумал вас?
Лучше б стать ему в этот миг без глаз!

Пожалей меня, не давай сгореть! —
Трудно золотом было сделать медь.

Деньги попусту, мой сынок, не трать —
Не расстраивай ты отца и мать!

То один пустяк, то другой пустяк —
Капитал мой весь, видит бог, иссяк!

Все здоровье ты потерял, сынок:
Почернела кровь и лицом поблек!

Ох, опасен он, твой недуг, поверь!
Боже, кто его исцелит теперь?

Ты не спишь, не ешь и не пьешь совсем,
Стал за книгами нехорош совсем!

Говорю тебе: — Отдохни, приляг...
Нет, ты отдыха и прогулок враг!

То бормочешь ты, позабыв досуг,
То закаркаешь, как ворона, вдруг...

Вот пришла весна, принесла цветы, —
Неужель отца не утешишь ты?

Ты б, как сверстники, встретил эти дни —
На лугах теперь и в садах они!

Те в простор небес исторгают клич,
С гордым соколом поджидая дичь;

Эти пить-кутить собирались тайком —
Кто в занятъи их упрекнет таком?

Этот картами увлечен герой,
Тот любовно занялся игрой, —

Каждый в чем-нибудь или как-нибудь
Сметкой, смелостью тут сумел блеснуть!

Силу в обществе укрепив свою,
Каждый радует, веселит семью.

О родители! Благо в мире вам,
Вам, забывшим счет этим дивным дням!

ЭКИНЧИ
(ПАХАРЬ)

Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не прикидывайся ты лисичкой, смешной экинчи!

Что ни день, с извиинениями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы ты ни днем, ни в ночи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!

Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!

Что тяжелым был год у крестьян — я совсем ни при чем!
Что взошел вместо хлеба бурьян — я совсем ни при чем!
Что погибли чалтык и баштан — я совсем ни при чем!
Виноват же не я, а какой-то там зной, экинчи!
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!

Все твое достоянье попадало под град, — мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят, — мне-то что?
Одеяло свое отдаешь ты в заклад, — мне-то что?
Вот продаешь ты палац, разживившись казной, экинчи!
Брось болтать, не хами и не очень-то ной, экинчи!

Что работал ты много, но нечего есть — не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к черту иди!
Нет пшеницы? Достань хоть из глаз! Мне плевать на

дожди!

Добывай мне пшеницу любою ценой, экинчи!
А не то — разочтешься своею спиной, экинчи!

Не имеешь — так что же? Тебя я убью, но возьму!
Вырву к черту глаза и печеньку твою, но возьму!
Плетью голое тело твое обовью, но возьму!
Потолкуй о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай и не очень-то ной, экинчи!

Эй! Из проса чурек ты, устав от работы, глотай!
Жаждешь? Лед растопи и без всякой заботы глотай!
Яд — не камень, мой друг, — и змею заодно ты глотай!
Не имеешь ты к мясу привычки дурной, экинчи!
Как животное жил и живешь ты, дрянной экинчи!

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан!
Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян!
За обедом я пьян, и за ужином тоже я пьян!
Таково положение мое под луной, экинчи!
Я же бек, а не пахарь, не черва земляной, экинчи!

Сосчитаны деньги и в пачках лежат,
И вот они скрыты в карманах больших,
И шейхи, с молитвою, тайно едят
Плоды, что вздесял бедняк не для них,—
О, вкусно и тайно ты вспомни меня!

ВСПОМНИ

Когда совершают поминок обряд
И дом в неизбывной печали затих,
В чалмах именитые люди сидят
И четки порхают между пальцев у них,
Хозяйна грустные мысли томят,
А мысли о пище — гостей дорогих;
Когда фисинджана вдохнешь аромат
И мясо окажется в пальцах твоих —
Тогда хоть случайно ты вспомни меня!

Когда угощенье вскипает в котлах,
Потом на тарелки идет из котлов,
И важные люди, забыв о делаах,
Степенно вкушают дымящийся плов,
А рядом, за дверью, не молкнет: «Аллах!» —
Бездомных и иных униженный зов;
Приносят шербет — о услада услад! —
Ты чашу подъемлешь — о благостный миг! —
А голод с печалью за дверью стоят —
Друзья неимущих, бездомных, нагих,
Грустя чрезвычайно, ты вспомни меня!

Когда миллионщик, обделав дела,
На бедных какую-то долю дает,
И, деньги считая, верховный молла
С молитвой своей пред творцом предстает:
— О боже, лишь нам, лишь достойным хвала,
А эти, за дверью — презренный народ!

БОЮСЬ

Брожу ль на заре по широким полям —
Шиповника цепких ветвей не боюсь.

Гуляю ли ночью по темным степям —
Змеи под ногою моей не боюсь.

Отправлюсь ли странствовать на корабле —
Ни бури, ни мертвых зыбей не боюсь.

Схожу ль одинокий на берег чужой —
Любых дикарей, хоть убей, не боюсь.

На горы, как солнечный луч, упаду —
Вулкан, разразись поскорей! — не боюсь.

И если я тенью спускаюсь в леса —
Ни волка, ни тигра, ей-ей, не боюсь!

На стадо ли львов набреду в камышах,
Останусь среди камышей, — не боюсь.

Приют ли на кладбище старом найду —
Что в мире вампиров страшней? — не боюсь.

Развалины ль служат обителью мне —
Николько соседства чертей не боюсь.

Куда б ни забрел я на шаре земном,
Какой ни предстал бы злодей, — не боюсь.

Годами скитаясь по странам чужим,
Встречаю я всяких людей, — не боюсь.

Но если ко мне мусульманин идет,
Аллахом, святыми покляться могу, —

Его-то, при храбрости всей, — я боюсь!
Причины? О, пропадом ты пропади,

Носитель кровавых затей, — я боюсь!
Да, да! Я боюсь, я боюсь, я боюсь!

НЕ МОГУ

К этой тайне ключа я найти не могу,
Жить без разума в трудном пути не могу.

Вот теленок — и тот вырастает в быка,
Только я почему-то расти не могу.

Говорят: «Помолчи, постыдись говорить!»
Значит, правду держать взаперти? Не могу!

Если видят глаза и работает ум,
Солнцу в небе сказать: «Не свети!» — не могу.

Словно горный поток, ливень хлещет меня, —
Я ж, бездомный, спастись и в клети не могу.

Говорят: «Надоел! Не мели чепухи!»
Я ж печали своей извести не могу.

Говорят: «Непоседа! Но я ж, не трудясь,
Раздобыть и копек пяти не могу.

Говорят: «Бестолковый! Избавься! Умри!»
Правда, братец ты мой! Как я в мире ни бьюсь,
Но вот эту тропу обойти не могу!

ПЕСНЯ МОЛЛЫ

Встречаю кашу кое-где и набредаю на мясцо,
Увижу: даром подают — и налетаю на мясцо!

Моя мечта летит в дома, где угощенье предстоит,
На всё зовите: на бозбаш, на чашку чаю, на мясцо!

Вам не понять, как я люблю вдыхать густой шашлычный
дым!
Свой инюх, как ненасытный кот, я навострю на мясцо!

Когда десятки жирных туш я вижу в лавке мясника,
Чуть не в собаку превратясь, я чуть не даю на мясцо!

О, как бывает сладко мне, когда я важно мясо ем,
А дети тощие глядят, в тоске без краю, на мясцо!

Люблю я мясо от души, но деньги мне еще милей!
О, мне бы вороном скликать на падаль стаю, на мясцо!

Известно: тратит кое-кто под праздник денежки свои
На зелень, масло и шафран, и — знаю, знаю! — на мясцо.

Конечно, вкусно это все, но только б — даром получить!
На вещи тратиться нельзя и, повторяю, на мясцо!

Нет, деньги требуют того, чтоб ты их складывал в сундук:
Легко ль их близким отдавать, родному краю — на мясцо?

Мне так противен мой народ! Едва услышу я о нем —
Я багровею так, что весь похож бываю на мясцо!

Хоть капитал есть капитал, но в нем душа моей души:
Ну, как соседу, брату дать? Дать шелопаю — на мясцо?

Баххул-ага! Отдам ислам, поверъ, но денег никогда
Не дам на кашу, на бозбаш, не отсчитаю — на мясцо!

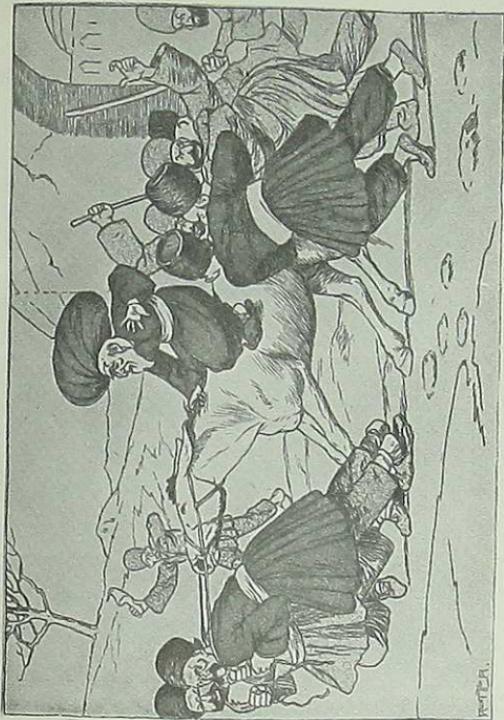


Иллюстрация к статье «Исповедь Гази-Мирза-Гасана имам-джами, погибшего в революционном». Из журнала «Мола-Насретдин». Художник Роттер

К МОЛЛА-ПАСРЕДНИКУ

Не несись ты вскачь, Молла! Эй, с арены прочь, Молла!
Мусульман огнем сатир больше не порочь, Молла!
Ох, до адского огня очень ты охоч, Молла!
Сам себя же ты извел, как глупец — точь в точь, Молла!
Ты немыслящих ослов баснями морочь, Молла!
Мы же знаем толк во всем! Нам уже невмочь, Молла!

Ну-ка прямо говори, что пристал ты к нам, как бес?
Мы ж ни благости твоей не видали, ни чудес!
Стал картинки рисовать — в обществе теряешь вес,
С малеванием своим в неприятность только влез.
Видно, скоро ты творца отрицать начинешь, Молла,
Правду про загробный мир заклеймишь, как ложь,
Молла!

Ты ученый человек, мусульманин, ты бы сам
Стал каноны тоаковать, укрепляя тем ислам.
Заново перескажи «Сорок попугаев» нам,
А про совесть рассуждать перестань, не будь упрям!
Ну, к чему свобода ей? Вера ты упрочь, Молла!
Про гылманов, гурдий нам пой и день и ночь, Молла!

Ты преданья о святых расскажи нам, и о том,
Как наследника раздеть, завладев его добром.
Дай слова святых отцов, их посланья разберем,—
Что тебе до наглецов, злобно лгущих о былом?
Ты постельку разбери, ляг, свой пыл умерь, Молла!
Муж науки, что тебе делать-то теперь, Молла?

Ты с минбара возвещай небылицы — ждем давно,
Ты амбары наполняй лишь пшеницей, пей вино!
На народ накинь узду, одурачивай умно!
Женщину раскрепощать? Да тебе не все ль равно?
Сын Адама — соль земли, а совсем не дочь, Молла!
Если о животных речь, плеть должна помочь, Молла!

Мучтейдом лучше стань, навербуй себе друзей
И, в невежду превратясь, темноту повсюду сей!
Ты оставь сендов, молла, с плаутнями, с их сутью всей!
Не болтай об их грешках! Есть ли прок в беседе сей?
Ты смотри: они в чадмах, их почет велик, Молла!
Чтоб ислама не задеть, прикуси язык, Молла!

Связь меж богом и дождем, еретик, ты отрица! —
Истину о том, что мир держит бык, ты отрица!
Что над нами — семь небес, направник ты отрица!
Джиннов, бесов, даже ведьм, подняв крик, ты отрица!
Слишком много ты познал, заблудился ты, Молла,
Богохульством не черни белые листы, Молла!

Обмотайся кушаком, четки где-нибудь добудь
И, рассказывая сны, истоаковывай их суть.
Для чего тебе Иран выводить на новый путь?
Не рисуй и дай ты нам от картинок отдохнуть!
Для чего ты про Иран столько лжи напал, Молла?
Будто разорен совсем он руками молла, Молла!

География твоя нам никаколько не нужна!
Геометрией земля в линии заключена!
Геология! Смотри: лезет внутрь земли она!
Чем науки изучать, изучи коран сполна!
О грехах умей судить, о спасеньи душ, Молла!
Все обряды важно знать, а наука — чушь, Молла!

Лучше опиум кури, а войну и мир не тронь,
Ты на бога положись, а искусство брось в огонь!
На пожитки сироты набредешь — не проворонь!
Накурись, да — на ковер, да под голову — ладонь!
О торговле речь вести — невелик восторг, Молла!
Мы адаты соберем — и откроем торг, Молла!

Что вопишь ты, если вдруг крошку замуж отдают,
Если засуха быва и не в меру голод лют,
Если, что ни день, гаджи новых жен себе берут,
Если не хотим сорвать мы с души отсталой путь?
Ты адатов не хули, — грех большой весыма, Молла!
Эх, бедняга, ты погиб, спятил ты с ума, Молла!

Что? Не спится? И не спи! Сон со временем придет!
Но забудь, не трогай молла, не буди простой народ!
Ханов, беков не терзай, старина пускай живет!
Пусть котел кипит себе, не бросай в него ты лед!
Мало пользы от наук тело извлечет, Молла,—
Тело ханов, беков, молла и других господ, Молла!

Ирака земли назову — читателя тоска возьмет,
И удлинится наша речь — не уберечься от острот!
Вот почему сейчас мой стих короткий разговор ведет:

Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Ручын не понеслись пока!
И власть, окраски не сменив,
Свой нос задрала ввысь пока!

НАДЕЖДЫ НЕ СБЫЛИСЬ

Эй, ты, невежда, не кружись, не зазнавайся, чорт возьми!
Не гоготи, как мальчуган из невоспитанной семьи!

Смотри, лицо твое в пуху, — так не трещи ты, не греми!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Когда в делах порядка нет, дано ли им свершиться в срок?
Возможно ли подножко наступить, пока не заалел восток?

И приведет ли к нам весну один раскрывшийся цветок?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Казнили атабека вы — не отрицаю я иначуть!
Но их же тысячи еще — или не так я понял суть?
Так скоро обновилась дверь? О нет, меня не обмануть!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, умер атабек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки, я спрошу? И где военный флот у вас?
Все те же — бания и ушат! А к новым путь ведет у вас?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Национальное, скажи, правительство дано ли вам?
Пришлось ли стать короче им — папахам длинным и рукам?
Страной прошел ли паровоз, распространяя шум и гам?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

По Тегерану походи, узнай, как лечит Тегеран!
И как врачует, погляди, известный хан Абульгасан!
Он ядом тело отравил народа своего, Иран!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

НЕВОЗМОЖНОЕ

— Ослепни!
— Ну, что же? Я это могу.
— Молчи!
— Я согласен всю жизнь — ни гу-гу!
— Не слушай!
— Прекрасно! Я уши заткну.
— Не смеяй!
— В слезах я проснусь и усну.
— А это, прости, ерунда!
Об этом ты лучше забудь навсегда!
Сумеет ли мыслящий не разуметь,
В огне — не гореть? Так условимся впредь:
Оставь ты подобные шутки с огнем,
Не злись — и свободней мы оба вздохнем!

ПОДРАЖАНИЕ

Бот совлек с себя поднос
Покрывало красоты,
Из конца в конец на нем —
Яства, будто бы цветы!
За столом обжор — не счестъ!
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шербет,
Сахар услаждает рты.
Плов, похожий на чалму,
Так и дразнит животы!
Предвкушенье этих яств
Сладостно до тошноты.
Посмотрин: среди гостей —
Никого из нищеты!
Время ужина пришло —
Проповедник, где же ты?
Без дельца делам не быть,
Без тебя пирам не быть!

Час еды, твой аппетит
Разыграться должен рьяный,
Для постящихся людей
Наступает миг желанный:
Скатерть — в блюдах! Над столом
Пар встает благоуханный.
Эти яства, помолясь,
Вкусит знатный, вкусит званый.
Здесь, куда ни поглядишь, —
Все эмиры, беки, ханы!
Души жалких бедняков

Запах блюд изводит пряный,—
Сердце ж знатных веселят
Эти жирные бараны!
Не томись, бедняк, хотя б
Источили сердце раны!

Без нужды рабам не быть,
Без тебя — скорбям не быть!

Обойдя немало стран,
Этот мир я вижу старый:
У недужного — недуг,
У богатого — амбары,
У голодного — мечты,
У барышника — товары,—
С кровью сердца слезы лью,
Не снеся подобной кары.
Можно ли, не зарыдав,
Эти выдержать удары,
Если в сердце у меня
Не взыграет пламень ярый,
И стихи в груди моей
Не взметнутся, как пожары,
И во мне не зазвучит
Голос птицы или тары?

Нет, без слов певцам не быть,
Без певца — стихам не быть!

Так отдай печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Время, чтобы всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой людской
В их глазах оставил след!
О, не будь наивным ты,
Что всегда разут-раздет:
У бездушных богачей
Уваженья к просьбам нет!

Лей ручьи кровавых слез,
Чтоб узрел их целый свет!
Без несчастий нам не быть,
Без тебя — слезам не быть!

Вопрошая, всевышний, тебя: как не скрет ты земли? —
Говорю я, от радости пьян: боже, слава тебе!

Не решить мне загадки, лежащей скалой на груди!
Это только начало начал, жизнЬ еще впереди!

БОЖЕ, СЛАВА ТЕБЕ!

За твоих бессердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края карман, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горести нации всей,
Но имеющих славу и сан, боже, слава тебе!

За спокойствие мельниц живых, тех, что знают одно:
Лишь бы был пожирнее бааран, — боже, слава тебе!

За людей, утонувших в крови верных братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!

О, за кровь, что покрыла Баку, знаменитый Баку,
И рекою течет в океан, боже, слава тебе!

За рычащих твоих дикарей, за твоих кровопийц,
В чьих глазах лишь кровавый туман, боже, слава тебе!

За шакалов твоих городских, — их в пустыню б загнать! —
За кишащий зверями мейдан, боже, слава тебе!

За честнейших людей, что всерьез помогают лжецам
Замышлять сверх обмана обман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье,
За подобных твоих мусульман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно глядят на такие дела, —
Их же совесть не тронул шайтан, — боже, слава тебе!

Что родина мне, право, что народ?
Гори они — я свой спасу лишь дом!

Противно мне смотреть на бедняков!
Их замечать? О нет, я не таков!
Коль есть способность видеть у зрачков,
Для них мы горы золота найдем!

ПИСЬМО

Эй, Молдан, не эльс! Что проку в том?
Не стой ты так упрямо на своем!

К чему нам что ни день, то новый лад?
К чему считать полезным школы яд?
Что толки о культуре нам суют?
Что с просвещеньем мы приобретем?

Мне ль за тобой, изменником, итти?
Я не сойду с отцовского пути!
Детей наукой мне не извести,—
Молчи и сам иди своим путем!

Нет, ничего ты не втолкуешь мне,
Я не горю в науках, как в огне!
Ведь раскусил я твой обман вполне:
Что б ты ни сплел, мы тотчас расплетем!

Я — крепость! Я... я — старины скала!
Вселенный готов я скречь дотла!
Кальян и опий — все мои дела!
Так я живу, так буду жить потом!

Не суй в глаза мне нацию мою!
Что мне ее свобода? Прочь! Прибью!
Не будь отравой моему житию!
Давай мы речь об этом обойдем!

Душа моя рублем, рублем живет!
Пусть гибнет мир, а мне б — извлечь доход!

НА ЧТО ТЕБЕ, АЛЛАХ?

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Серда холодные, как лед, на что тебе, аллах?

Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней
Народ, сносящий всякий гнет, на что тебе, аллах?

Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Тянуть позор из года в год на что тебе, аллах?

Когда из слез людей нужды сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?

На склоны гор, в простор лесов оленей выгонять,
Когда охотник их убьет, — на что тебе, аллах?

Когда от пашен и садов доход имеет бек,
Зерно взелевший народ на что тебе, аллах?

Труд — батрака, ярмо — быка, земля кругом — твоя,
Лентяя-бека жадный рот на что тебе, аллах?

Когда над миром темнота владычицей стоит,
Тот, кто страдальцам свет несет, на что тебе, аллах?

Гнев долгополых мусульман, что людям в сюртуках
Наслал бы тысячи невзгод, на что тебе, аллах?

И если им такая власть, хулителям, дана,
То честных животворный пот — на что тебе, аллах?

Когда доносчики вершат свои дела с умом,
Шейтан, ленивый сумасброд, — на что тебе, аллах?

Когда мужчина не к жене, а к мальчику идет,
Жена, что дома слезы льет, на что тебе, аллах?

Когда купец, пустив слону, за Сонею спешит,
То Тукебан в плenу забот на что тебе, аллах?

Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

- Ну, как живете вы? Как город ваш родной?
- Хвала творцу, живем, как праородитель Нои!
- А много ли новых школ ваш край сынам открыл?
- Немало медресе еще Адам открыл!
- Читает ли, скажи, газеты кто у вас?
- О да! Глупцы — во-всю, но мы — не портим глаз!
- Ну, а читальни здесь открыли или нет?
- Читальни разнесли мы за открытием вслед!
- Скажи, помог ли кто голодным беднякам?
- Да что им помогать? Аллах их видит сам!
- А вдов не позабыл ваш город опекать?
- Не лучше ли замуж им повыходить опять?
- О единицы к вам доносятся ли слова?
- Да, кое-кто шумит, но речь у них мертвла!
- Не скажешь ли, суннит к шинну в дом идет?
- Что?! Что ты говоришь? Я разорву твой рот!
- Я все сказал тебе. Я ухожу. Прощай!
- На что ты сдался мне? Ко всем чертям ступай!
- Смотрите на него! Какая рожа, рот!
- А шляпа! А слова! Несчастный сумасброд!

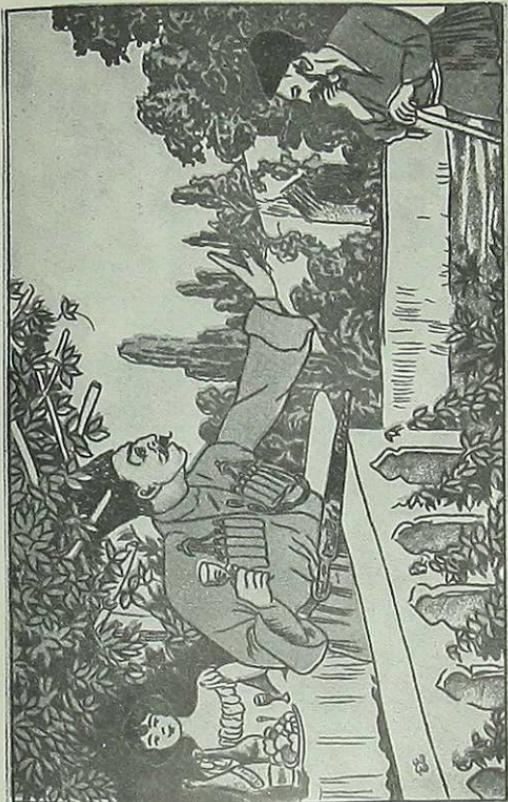


Иллюстрация к статье «Экинчи» (Пахаре). Из журнала «Молда-Насреддин». Художник А. Азим-заде

ФИСИНДЖАН

Когда судьба раздavit нас, не думай: все на слом идет.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идет.

Таланты родины моей перемешались — не поймешь!
Просеяяв, чистое возьмем, а пыль — за ветерком идет.

Волненье времени сравнять я с маслобойкою могу:
Айран останется на дне, а масло вверх комком идет.

Кто любит человека, тот влюблен в свободу навсегда.
Да, человечность вместе с ней единственным путем идет.

Ты просвещенным не тверди: — Вы на ошибочном пути!
Здесь о невежестве твоем, здесь речь о нем одном идет!

О просвещенных говоришь и об «ошибке» их твердишь:
Противоречие с твоим невежеством рядом идет!

Иль, может, просвещенья луч тебя, сверкая, ослепил?
Летучей мыши ты сродни — вот разговор о чем идет!

Молчи, наглец! Не говори: смотрите, мол, какие мы!
Мы тех признаем, кто вперед, не прячясь, прямиком идет!

Лишь краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисинджан, где пир ночной и днем идет!

Я НЕ ПОВЕРИЮ

Я не поверю, что мораль твоя верна, святой отец!
Коли верна, пускай казнит меня она, святой отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить связанный народ,
Как нож в ладони у кочи, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернишь по образцу своей души,
Не перекрашивайся, нет, она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взымал,
Ты б плонул на свои труды, на все споана, святой отец!

Не суй в глаза мне свой намаз, себя в работе покажи,
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

НАМ ЧТО?

Если бедствия пришли раздавить народ, — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

Голодают, но богатств мы не посвятили им:
Мол, идите — все добро, не жалея, раздадим!

Нет, у нас один закон: верность выгодам своим!
Нет, роскошное житье — нашим детям лишь одним!

Если бешеный буран погубил сирот, — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

Все, что нажила, накопila — отдавать им? Что за бред?
Чтобы лопал это все зангеэзурский дармоед?

Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Лая, бельмо, им на глаза, чтобы им не видеть бед!

День и ночь, голодный, вой, посиневший рот, — нам
что?

Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

Молдаи, оставь! Забудь! Все твои призывы — прак!
Нас насилием не возьмешь! Сам сиди в своих сетях!
Нам глядеть на Зангезур? Видеть этот бледный страх?
Пусть в могилу лягут те, что замерзли на горах!

Не равнину дал им бог, а гряду высот, — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

Не показывай нам, друг, твой обители беды!
Летом мы гуляли там, на горах — цветы, плоды!
Но, поборы завершив, мы оставили сады!
На зиму — в Тифлис гулять: пить и петь на все лады!

Рвут бураны Зангезур, смерть ведет обход, — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

Мы оставили пока разоренные дома, —
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама!
Ах, в Тифланс много Лиз — красотой сведут с ума!
Тут же листры светят нам, а к Залхе заглянешь — тьма!
Если эта тьма навек обняла народ, — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет, — нам что?

ДИТИ

Бредешь — и сердцем плачешь ты навэрый, мое дитя,
Слезою каждый твой сухарь омыт, мое дитя!
Не перечислить всех твоих обид, мое дитя,
Ты просишь есть, но зря твой крик звучит, мое дитя!

Когда б грядущее в тебе увидел твой народ,
Национальную б открыл он школу в свой черед,
Но блага этого никак пока он не поймет!
Твоих духовных сил ему и не принять в расчет:
Ведь каждый твой талант в земле зарыт, мое дитя!
Бредешь — и сердцем плачешь ты навэрый, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока!
Нет, нас не научил ислам тебя ценить пока!
К попойкам, кутежам, ко сну мы знаем прыть пока —
И каждый пожирней кусок спешит схватить пока!
Их не жемчужина, а грязь манит, мое дитя!
Бредешь — и сердцем плачешь ты навэрый, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит, —
Пускай за это не тебя, а нацию винят!
Когда бы родиной ты был воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навэрый?
Не знаю, чья нога тебя щадит, мое дитя!
Бредешь — и сердцем плачешь ты навэрый, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел!
О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел!
Твой каждый шаг тебя на дно стремит, мое дитя!
Бредешь — и сердцем плачешь ты навэрый, мое дитя!

О нация! Позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!
Дитя мое! Пускай хралят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума.
Тебя унизили, а я забыт, мое дитя!
Бредешь — и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

АЙ, ХВАЛА, ХВАЛА ТЕБЕ!

Вот как в мире ты живешь! Ай, хвала, хвала тебе!
Что ни слово — ересь, ложь! Ай, хвала, хвала тебе!

Значит, правда, что поэт с верой не в ладу давно,
Что умение писать лишь глярам и дано!
Все их дело — отрицать, веселиться, пить вино!
Снова с книгой ты бредешь? Ай, хвала, хвала тебе!

Не похожий на людей, ну-ка — к зеркалу лицом!
Хною бороду намажь, будь заправским молодцом!
Ты благочестивым стань, палец свой укрась колыцом,
Чтоб сказали все: — Хорош! Ай, хвала, хвала тебе!

Нет, несчастный, ты себя до могилы не поймешь!
Твой не в меру узкий глаз с молоканским, право, схож!
Чуть услышу речь твою — уж меня бросает в дрожь!
Ты теперь ко мне не вхож, — ай, хвала, хвала тебе!

Ты на истину взгляни, ну, хотя б одним глазком!
Вай! Портретами чертей ты зачем украсил дом?
Неужель тебе глаза не мозолит день за днем
Вид безбожных этих рож? Ай, хвала, хвала тебе!

Обезумев, ты забыл все дела для суеты!
С новым плащем приобрел даже новые черты!
Любишь блеск штиблет, галош! Это ты или не ты?
Ты в грехах великих сплоши! Ай, хвала, хвала тебе!
Боль мою в себе умножь! Ай, хвала, хвала тебе!

СПИ В НЕВЕЖЕСТВЕ

Если тем, кто заодно с темнотой,
Не угодно этот сон прекратить,
То сумеет ли народ наш простой,
Где аллах и где пророк различить?
Светоч школы ведь затем и возник,
Чтоб цветок ума расцвел без шипов.
О, спешащий на заре в тот цветник,
У твоих сияющих надежд нет основ!

Спи в невежестве, смирись, дорогой!

Как для спящего заря ни свети,
С черным белое сиялось у него, —
Так больному, что лежит в забытьи,
Век недуга не понять своего.
Лишь цырюльники его излечить,
Всяк по-своему, мудрят вновь и вновь.
Нет, в сознанье ни к чему приходить,
Если даже потерял ты всю кровь!
С боку на бок не вертись, дорогой!

Слов «безбожник» и «глур» не мечтай
Из родного языка ты изгнать;
Если жив Мирза-Ганбар — так и знай:
Всем проклятьям в словаре пребывать!
Не поймет он, что простой наш народ
В братстве с братьями всегда жить готов.
Неужель тот ясный час не придет,
Час, когда исчезнет звук этих слов?
Зная это, не очнись, дорогой!

ЖЕНИСЬ

Пусть будет боль твоя мосй, эй, Мешади-Сижимкули!
Не думай ты, что в шестьдесят часы последние пришли:
Хвала аллаху, ты силен, еще не гнешься до земли!
Так не хватайся, не держись ты за презренные рубли!
Такой товар теперь в цене, — ты не скучись,
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Из слов твоих я узнаю, что у тебя одна жена,
И жизнь твоя в твоей семье, как вижу я, совсем скверна.
Жениться мог бы ты еще, не так уж плохи времена.
Тебе хотя бы три жены, а у тебя всего одна!
В соседстве нет? — На стороне ты присмотрись,
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Такого свата, как Саффар, на целом свете не найти!
Ко всем красавицам, поверь, ему открыты все пути.
Возьми ты девушку себе — годков не больше десяти!
Теперь высокий рост у нас и мраморная грудь в чести.
К такой груди прильни во сне — и насладись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Оставь же старую жену, подальше от нее уиди!
Все неудачи вместе с ней должны остьаться позади.
Ах, чернокудрую себе подругу жизни ты найди,
Подругу с ангельским лицом спеши прижать к своей груди!
Героем будь в своей стране, расшевелись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Так мал, неопытен твой сын, что неспособен понимать,
И лет исполнилось ему, я слышал, только двадцать пять.

И очень многих дел еще ему никак не разобрать!
Зачем подобному жена? К чему такая благодать?
Тебе жена нужна вдвое, приободрись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

О, заклинаю я тебя, ты слышишь, верою твоей!
Ты хною бороду покрась, ходи ровнее, будь бодрей,
Благоуханье новых жен себя ты окружи скорей!
Не трать добра на пустяки, на безделушки наших дней:
Газетам место лишь в огне, не соблазнись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Подумай, кто установил — иметь подругу лишь одну:
Еврей да русский, да, да, да, — уж я тебя не обману!
А правоверный что ни год заводит новую жену.
Тут наслаждений — ты умрешь, лишь я перечислять начну!
Не хочет? Будущей жене судьбой клянись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

ТАКАЯ СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНЬ

В одном кармане — векселя, в другом — рубли,
рубли!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!
И пусть для родины моей часы последние пришли, —
Такую сладостную жизнъ, аллах, продли, продли, продли!

О, если вереница гор ко мне с поклоном подойдет
И у голодных из очей забьет поток соленых вод,
Я не сморгну, — я погляжу, растет ли в кассе мой доход?
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Пусть будет родина в крови подобна маковым полям,
Тиранов гнет и братьев кровь не потревожат сердца нам, —
Мы предадимся всей душой веселью, радости, пирам!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Сейчас ни крошки не подам: богатству полнота нужна!
Затем, что в мире каждый миг одним деньгам растет цена!
Нет! Нет! Пусть нации моей не будет будущность дана, —
Такую сладостную жизнъ, аллах, продли, продли, продли!

Где нашей нации права? Где слава? Где ее расцвет?
Как быть? Ни уваженья к ней, ни голоса у бедной — нет!
Мне стать игрушкой этих слов? К чертам — последний
мой ответ!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Короче: слова «совесть» нет! Его за шиворот — и вон!
Меня не тронет никогда каких-то там голодных стон!
Душа тогда лишь расцветет, когда ты скажешь: «Миллион!»
Такую сладостную жизнъ, аллах, продли, продли, продли!

ШИРВАН

Молла, швырнешь ли ты в корзину мое посланье, — не
Случайно ль, с умыслом забыли все о Ширване, — не беда!

Я не беспомощен, сумею свой город описать в стихах.
Кольбросит вдрожь моя картина, скажу заране: не беда!

На ней ленты и невежды — в кругу беспечных и тупых,
Ах, если в городе старинном так много дряни — не беда!

Забиты все библиотеки, закрыты школы с давних пор,
И если, друг, с тех пор прекрасных молчат собранья — не
беда!

Здесь чайханы за кабаками, за чайханами — кабаки!
Что в них народ и днем и ночью, все мусульмане, — не
беда!

Коль кровь сосет бездельник сырый из жил голодных
И гурой им молла сбывает, весь век дурманя, — не беда!

Коль этим строчкам на странице не дашь ты жить, то хоть
А если их совсем оставишь ты без вниманья — не беда!

ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый к слову был бы
строг
И растерянный народ что-нибудь понять бы смог,

Если б милая с другим не встречалась, жениху
Не пришлось бы за сто верст обходить ее порог.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы наш не знал подозрений и тревог.

Если б правду правдой звал праведник, а ложью ложь,
То от жгучего стыда лжец и то бы изнемог.

Если б ради личных дел нам не пели «баю-бай»,
Сон невежества никак не нашел бы к нам дорог.

Если б щеки раздувать перестали болтуны,
У зажженной бы свечи ярче вспыхнула фтилек.

Если бы проклятий гром на правдивых не летел,
Мысли б верные скрывать разве был у них предлог?

СПАСИТЕ!

Ай, спасите! Развелось рифмоплетов — сущий ад!
Вы подумайте: Ширван превратить в Гянджу хотят!

Разоренные дома разорят они совсем:
С новой школой заодно создают и новый лад!

Не довольно им того, что любой из них — гяур;
Наших добрых мусульман сбить с дороги поровят!

Эй, зачем зовете нас к просвещенью? Ясно всем:
Вы хотите осквернить нашу веру, наш уклад!

Нет, ислам не предадим! А вернее: ни за что
Не откроем кошельков мы для школы, для растрат!

Ведь живем мы не в Баку, не в Гяндже и не в Нухе,
Чтобы для пустых затей не жалеть своих деньжат!

Вы пытались подвести, обмануть пытались нас, —
Что ж? Узнали, как моллы проклинают ваш разврат?

Раскусили нас теперь? Наша доблесть вам видна?
Ведь сумели ж подогнать мы гяурский к вам наряд!

Что ж? Ступайте говорить всюду о себе, о нас
И о том, как привлекли в школу новую ребят!

3216

ТЕРИИ

Пусть гибнет земля от бесчисленных бед,
Пусть огненной лавой зальется весь свет, —
Любезный, ты спи, одеяльцем согрет,
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть рвутся соседи обняться с весной,
И даже к свободе прижался иной, —
К мечтателям тем повернись ты спиной,
Не слушай их бред о народе смешной!
В тебе, человечек, есть ящериц след, —
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть ханы и беки усилили гнет,
Пусть знать нищете ничего не дает,
Пусть бедный совсем обездолен народ, —
К чертям! По степям пусть за долей бредет!
Тебе горевать, подниматься? Ну нет!
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Мой друг, не пускай ты наследника в класс, —
В гяура он там превратится как раз!
Разбойничий нож для него б ты приспас, —
Он выполнит свято отцовский наказ!
А свяжут злодея, очи твоих свет, —
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Моллу не увенчивай словой дурной,
Хоть брак освятит он с чужою женой, —
Пускай из дрянных он и самый дрянной,
Проделки его обходи стороной!
Ворчать на подобную мелочь в ответ?
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Какая беда б ни стряслась над тобой,
Над братом твоим, над родных ли судьбой,
Пусть хлеб твой отравит противник тупой,
Пусть слезы тебя захлестнут, как прибой,
Ну, словом, хоть будешь живьем ты отпет,—
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

СЕТОВАНИЯ

Слушай, нас до этих дней уважал всегда народ:
Люди кланялись молле, где бедняга ни пройдет!

Изобилье, благодать вековали на земле,
Выполнял простой народ приказания господ.

Что бы я ни повел — тут как тут убогий люд:
То, что белым я назвал, кто же черным назовет?

Низко голову склонив, каждый дело вел свое,
Нас никто не задевал, а совсем наоборот!

Мусульманин и прогресс! Брат, откуда и куда?
О народе речь не шла, был закрыт науке вход!

Милые, ну как понять, что болтает молодежь,
Будто ейходить в мечеть, чтить обряды — не идет!

Нечестивцы, стали все на гуяров походить —
И сомненьем отдает к мусульманству их подход!

Ох, встревожили они племя, спавшее досель,
Безмятежности былой нам никто уж не вернет!

Даром хлеб чужой вкушать было нашим ремеслом,
И никто нам не пения, не пускался козни в ход.

Тот, кто шел наперекор, был анафемой казним,
Да и кто тогда с худой выйти бы посмел вперед?

Ах, прошли те дни, когда власть у нас в руках
была, —
Нынче даже детвора нам проходу не дает!

Да, прошли, прошли они, золотые времена!
Я в покое пребывал, а народ — во тьме невзгод!

ДОЧЬ ГЛУРА

Поверь, не знаю я, как быть, о дядюшка Молл!
Она вогнала в хворь меня, жена, глура дочь!

Уже шестнадцать лет, — нет, нет, уже семнадцать лет
Живет в моем дому, в семье, она, глура дочь!

Трех-четырех ребят родив, осталась без зубов,
И, как старуха, вся черна, страшна глура дочь!

Я убедить ее хочу: — Послушай, ты стара
И, как хозяйка, ты забот полна, глура дочь!

Позволь же молодую взять: мне — в жены, а тебе —
В помощницы, ведь ты всегда одна, глура дочь!

Нет! Как собака, на меня она всегда ворчит
И отравила жизнь мою сполна — глура дочь!

И сей никто не говорит: — Постой! Тебе-то что?
Ты разве мужу для вражды дана, глура дочь?

Чуть свет вставай, дои коров и масло ты сбивай,
Следи, чтоб в кизяке была стена, глура дочь!

Ты шерсть расчесывать должна, палас, попону ткать,
Топить ты печь, варить и печь должна, глура дочь!

Согнув свой стан, стирай белье, мети почище дом,
Служи ты мужу своему без сна, глура дочь!

Какое дело, мол, тебе, что ищет он жену?
Раз ты жена, то будь во всем верна, гяура дочь!

На то и муж, чтоб по-мужски гарем свой пополнять,
А ты молчи и чашу пей до дна, гяура дочь!

ОСМАНЕЦ, НЕ ВЕРЬ!

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Избранник, что ликуешь ты? Чем ты горда, страна?
Что конституция теперь и Турции дана?
Но для Ирана не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова в Иране снесена!
И о погибшем сыне мать рыдает не одна!
Нет, конституция и впредь не возрастет цена!
Не верь, щади родную мать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Свободу слова вам дадут, — мол, говори народ,
Открыто, смело говори о том, что сердце рвет! ..
Когда ж министры те слова услышат в свой черед,
Они смекнут, что ваша речь их по карману бьет, —
Любыми плутнями они закроют правде рот:
Твое же слово о правах тебе во вред пойдет!
Не смей собраний созывать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Допустим, бросить вызов ты правительству сумел,
И слово в дело претворил, всегда правдив и смел,
И слух об этом до ушей аллимов долетел, —
Там не Мирза ли Алексбер на коврик свой присел?
О, сколько мечет он в тебя громов, снарядов, стрел!
За вольнодумца ж постоять никто не захотел!
Не смей безделкой это звать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Османец, право, ты чудак! Ты весь в пленау прикрас!
Вам конституция дана? Уж ты пустился в пляс!
Иль Фазлуллах и Мир-Хашим не водятся у вас?
Нет, их немало, только вам их не узнать сейчас!
Когда ж узнаете — ой, ой, раскаетесь не раз!
А по раскаянью — глядишь: один-другой без глаз!
Не смей глупцами злых считать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Свободу совести и мы однажды обрели,
И наш счастливый смех летел к народам всей земли!
Подумать: хищники — и те в людской поток вошли! —
Детей не стали мы держать от мерзостных вдалн,
И сорок низких у Гаджи по мальчику нашли!
О, если скажут лже-моллы: аллаха восхвали,
Не смей их вере доверять, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

ИРАН — МОЙ!

Я — могущественный шах, подо мной — страва моя!
Как ее ни называй: Рей, Иран, — она моя!
Вся в развалинах она иль обновлена — моя!
Конституция — ничто! Власть еще сильна моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Конституцию хотя мой отец вам даровал,
Был он набожный старик, мягок был, стыдлив и вял,
Но политики, клянусь, он совсем не понимал!
Ну-ка, вшивую чоху надевай и стар и мал!
Я — на троне золотом, всем парча видна моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Не иранец я ничуть, а великий Менделе!
Я — тиранства волчья пасть, предо мною — вы в пыли!
Я — беда над головой у подвластной мне земли!
И неважно, что меня вы пиявкой нарекли:
Кровь и мясо — лишь моя! Туши тощина — моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Укрощая вас, я был —помните? — неукротим,
Сын лабазника в те дни полководцем стал моя.
По меджлису дав огонь, превратил его я в дым!
Я присягу растоптал, я отверг коран, бог с ним!
Что мне слово, что обет? — воля мне верна моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Пусть из Турции до нас докатился чей-то крик,
Крик, одобренный людьми в красных фесках в тот же
миг, —

Не тужи, о старовер, от него я не поник:
Не заставят те умы побледнеть Ирана лин!
На арену вышел я, рядом — старина моя!
Весь народ — он мой! Над ним сталь занесена моя!

А тавризы неужель были слепы в те года,
Как со мною день и ночь кейфовали без стыда?
На правителя они не косились никогда,
И меня на трон отца подсадила их орда.
А теперь что нужно им? Власть им, что ль, нужна моя?
К разным женщинам всегда страсть обращена моя!

Нет, иранец должен быть все забитей, все темней,
В унижении жить, в нужде, в рабстве с первых детских
дней,
На чужбине изнывать, гибнуть меж чужих людей, —
Прочь, иранец! Всей ищи ты в худой чохе своей!
Здесь я — хан! Закон здесь — мой! Тьма утверждена —
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

НЕ ПУСКАЙ, — ИДЕТ!

Хандосту, аман! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

О, закрой скорей поплотнее дверь!
Человек ли он — этот страшный зверь?
Разве это муж? Нет, не муж, поверя!
Крокодил! Кабан! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

Помолвляли нас — я глядела в пол:
Он за юношу с ваших слов сошел.
Вижу я теперь: вот каков орел!
Съел меня обман! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

Душу, душу мне холодит испуг:
Я боюсь, что грудь разорвется вдруг!
Сердце бьется так, будто в нем недуг!
Он идет, шейтан! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

Глянь: труба на нем, — не папаха, нет!
Я в бровях его вижу выоги след!
Знаю, знаю: он — твой ровесник, дед!
Он вампир, тиран! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

Нестерпимый дух от него идет!
И слюнявый мне так противен пот!
Как змеи, боюсь я его забот!
Мне на гибель дан! Не пускай, — идет!
Ах, в глазах туман! Не пускай, — идет!

Не армяне мы с тобой, чтоб сына школой истязать!
Глаз младенец не открыл, а ты его — томить, терзать!
Что за пользу от наук имел наш непутевый зять?
Он такой способный — сын! Не мучь мальчишку: он —
дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

ОН — ДИТЯ

Прах на голову тебе, не тронь мальчишку, он — дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

Брата лъ твоего ругнет, тебя ли — это ж баловство!
Прахом дедушки молю: о, не расстраивай его!
Воспитанье — чепуха! Ему двенадцать лет всего!
Не поймет он, — так зачем учить мальчишку? Он —
дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

Из-за ругани одной не мучь ребенка без стыда!
Дикой выходкой своей соседей не скликай сюда!
Эту ругань относи ты к моему отцу всегда!
Муж, не злись и не кричи ты на мальчишку: он —
дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

Ах, соседка, ах, Агджал! Какое счастье с мужем ей!
Чем ругнется сын смелей, тем окрылен отец сильней!
Ну, а ты за пустяки, мой муж, по глупости своей
Мучишь сына своего! Оставь мальчишку: он — дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

Нет, о школе, мой супруг, ни слова мне не пророни,
Будто дети в ней растут, умней становятся они!
Не поверю! Ты за брань поменьше мальчика брани!
У него не слово — мед! Жалей мальчишку: он — дитя!
Пусть ругается сынок, порви ты книжку, он — дитя!

АХ!

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ с темнотою дружил тогда!

Разобраться в правах не пытался он,
Революции не улыбался он,
Перед книгами не преклонялся он, —
С темнотою в глазах и рождался он!
Сколько мрака я в речи вложил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пытались пороков искать страна,
Зло добром научилась считать она.
Нас увидеть желаньем была полна,
Нам везде и повсюду росла цена:
Нас почетом ислам окружил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, но пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Вор в поклоне всегда поникал у нас,
Вкусный пловуваженье снискдал у нас:
День ли, ночь ли — я в гости спешил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы — не видал народ,
Что со святостью дело вразрез идет, —
И у нас вырастал, вырастал доход;
Нас и наше вранье окружал почет!
Наш закон правоверных страшил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Мы абой прикрывали любой порок,
Все, что нам приносили, сбирались впрок.
Нам ни жадность, ни алчность не шли в упрек,
Почитался целительным наш порог:
Многим дом наш Каабой служил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Веру в бога — на нас обратили мы,
За хранителей веры сходили мы:
Всем казалось, что вправду светили мы, —
Их гроши трудовые копили мы!
А скупых я проклятьем глушил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче бес настоящий живет в любом!
И не бесы — шайтаны кругом, кругом!
Оседдали и едут на нас верхом!
Неужели мы прошлого не вернем?
Наш народ с темнотою дружил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

ПОСТАВЛЕНИЕ

Хоть снаружи, духовник, будь красив, принарядись.
Коль на деле ты урод, то стоять не надо близъ.

Просвещенным назовись, а науку отрицай,
И не явно, а тишком с просвещенными борись!

Если, как скотина, ты по уши в грязи увяз,
Тотчас козни заведи, поднимись, как птица, ввысь!

Причиняй народу вред, знай лишь выгоду свою,
Зорким, ловким, хитрым будь, доверяться ж берегись!

Если надо — лицемерь! Для одних овечкой будь,
На других же налетай, изловчившись, будто рысь!

Стань доносчиком, шпионь, сей со всем усердьем зло,
Лишь стесненье ощущишь — с убежденьями простишь!

Тех, кто правду говорит, поголовно проклинай,
Истине наперерез, где б ни шла, пускайся в рысь!

Мусульманам в картузах устилай позором путь,
А у ханского крыльца прахом в прахе расстелись!

МЕСЯЦ РАМАЗАН

Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан — для нас!
Таким просторным стал майдан, и весь майдан — для
нас!

За нашим ужином, гляди, сидят владельцы благ!
Они почтенья к нам полны, как повелел аллах.
Пред нами — сотни дивных блюд, все остальное — прах!
И жирный плов и чихиртма живут у нас в мечтах.

Фирни, терек, долма, пити и фисинджан — для нас!
Ах, на тарелке баклажан, ах, баклажан — для нас!

О нищий, не гляди сквозь дверь: ты можешь слазить нас!
Не подывай! Ударю так, что сразу сгинешь с глаз!
Себе ты пишу поисы — найдется в добрый час!

А нет — голодным ляжешь спать, тебе не в первый раз!
Обилье этих тонких блюд не для дехкан, — для нас!
Утеша, слава, вся еда — для мусульман, для нас!

Покамест мы едим и пьем, за дверью ты постой:
Останется, возможно, плов, — стол, видишь, не пустой!
Оглодки наши на полу ты взглянем удостой,
А после — соберешь в суму: ты ж человек простой!

Пока ж и скатерь, и шербет, и весь казан — для нас!
Казан, и чашка, и стакан, большой стакан — для нас!

Тебе никто не запретил просить у всех дверей!
Одежды нет? Добудь палас, прикройся поскорей!
И без приправы сможешь съесть ты пару сухарей!
А нет — привыкли голодать, крепись, не захрией!

Нас почитают: и шашлык и весь баран — для нас!
Каймак и кофе — все для нас, да и кальян — для нас!

Уйди, оставь в покое нас! Эй, не мешай ты нам!
Легко ль произносить слова? Не стой же! В рожу дам!
Обман — источник наших благ, ты понимаешь сам!
Хотя мы говорим слова наперекор делам,
Но все же и роскошь, и купец, и бек, и хан — для нас!
И полный доверху карман, тугой карман — для нас!
И важный сан — для нас,
И бек и хан — для нас,
А если рамазан,
То и мейдан — для нас!

Я—ПОЭТ

Свободный поэт, я призван мою страной писать,
О добрых делах, а также о славе дурной писать,
Сияющим — день, а полночь — объятую тьмой писать,
Кривое — кривым, прямое — чертою прямой писать.
Читатель, а ты смущился? Не веришь глазам своим?
Иль, в зеркало это глядя, ты видишь себя кривым?

Как только в уме печальном пылающий стих возник,
Перо обмакнув в чернила, уж я над столом поник,
Но вместо скрипенья слышу я твой возмущенный крик:
Ты руку мою хваташь, ты хочешь связать язык!
Напрасно! С дороги сердца возможно ли мне сойти?..
Но я не пишу и трети того, что видал в пути!

Нет, я не пишу и трети того, что в душе моей,
А ты целый день бранишься и к ночи еще смелей!
Суди о себе по правде, а попусту не шалей!
Не надо писать? Сумей же пороки изгнать скорей!
Пойми ты свои пороки и не воюй со мной,
Чтоб дольше не огорчались мы оба твоей виной!

Служители слова знают, в чем суть твоего житья.
Они бы могли побольше писать о тебе, чем я!
Ты сам их к перу толкаешь, везде о себе шумя!
Но разве десятой доли касается их семья?
Такого изъяна, право, нельзя отыскать у них!
Они же стократно выше писаний земных таких!

Как я не могу и трети — аллах, сохрани! — писать,
Десятую долю правды боятся они писать.
Когда б ты сказал, что можно, не вызвав грызни, писать,
Я смело тогда засел бы на целые дни писать:
Не знал бы ты, где укрыться, ты прогнулся бы от стыда,
Изинанка б твоя наружу вся вывернулась тогда!

САТТАР-ХАНУ

Меня безумцем не сочти, читатель: я восторгом пьян!
Взволнован голос мой — и ты его не примешь за обман!
Мой стих — жемчужное зерно, талант — шумящий океан,
Моя свободна красота и пафос мне свободный дан!
Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Лишь в Тегеране разгромил народное собранье враг —
Немедля к Саттар-хану был направлен тюрков дружный
шаг!
Они разрушить поклялись тиранства дикого очаг,
Готовясь к смерти за народ, явив отвагу из отваг.
Но жертву главную принес тот, кто возглавил братский
стан:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Азербайджанским тюркам рок услугу оказал свою:
Встают, чтоб завершил Зоххак каджаров подлую семью!
Привет святому праху тех, кто голову сложил в бою!
Не знаю, где и пребывать героям, если не в раю?
Их кровь навеки сохранят в земле Тавриз и Тегеран.
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Вот, поглядите, Саттар-хан занес высоко свой булат!
Не только шаха — целый мир его деяния удивят!
Он славу родины возвнес и честь ислама — во сто крат!
И на страну его теперь все с уважением глядят.
Да, на воспрянувший Иран обращены глаза всех стран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Иранца долг и горка долг тебя на подвиги увлек,
И не сгорад ты на огне, как легкокрылый мотылек!
Бесстрашный в битвах Саттар-хан, кто бросил бы тебе
упрек?

На повелителя страны позор всемирный ты навлек,
Ты спас любимую страну, ты к жизни возвратил Иран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Таврицы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!
Вам рукоплещут друг и враг, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посыает свой привет!
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!
Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

ИЗГЛЯНИЕ МИР-ХАШИМА

А ин, укладывайся, эй, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Пророка именем верша скорый суд,
В мечети лавку ты открыл, — тут как тут!
Ты продавал фасоль, горох и кунжут.
Но покупатели теперь не берут

Товара в лавочке твоей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Торгаш, ты был самой судьбой осужден —
К вождю свободы поспешить на поклон!
Но нет, не выполнил ее ты закон!
И вот ты проклят, Мир-Хашим, посрамлен!
Водить глазами ты не смей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Ты скежь Каабу замышлял в тишине —
И вышел, словно Эбрехе, на слоне.
Но, видя ваши козни, бог в вышине
С камнями в клювах птиц пустил по стране.—
Он истребил твоих друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Уж ты не тот теперь совсем, чей приход
Невежд склониться до земли обречет!
Гляди: очнулись и они в свой черед!
Ушла и слава от тебя и почет!
Народом свергнутый злодей, — Мир-Хашим,
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Народа в сеть не увлекли, прохрипев,
Ни песня хитрая твоя, ни пропев!
Теперь и шептуны шумят, обнаглев!
Сынов свободы одолеть не сумев,
Скликая родню свою, друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не ты в паденьи виноват, дорогой:
Ты дрался, ты тянул назад, дорогой!
И вот — унынье ты объял, дорогой!
За жадность проклят ты стократ, дорогой!
Ты не шербет, а воду пей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!
Саттар грозит башке твоей, Мир-Хашим!

НЕТ ПОДОБНОГО МНЕ!

Хвала тебе, боже! Подобного мне не найти!
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Бывало: я отрок, лица молодого черты
За мною повсюду влекут знатоков красоты,
Кутилы лелеют о встрече со мною мечты, —
И рву потихоньку я кое-какие цветы!
Я видел, что мальчика, равного мне, не найти,
Кто в доме гаджи был со мной наравне — не найти!

Когда же подрос я и стукнуло мне двадцать пять,
От прежних занятий я стал кое-как отвыкать.
Не думай, что в спячке нашел я тогда благодать!
Не спрашивай, стал ли я что покупать, продавать, —
Прошло и забыто! Подобного мне не найти!
Кто так же, как я, утопал бы в казне — не найти!

Вступая в дела, я к себе привлекал знатоков,
Иставил я сети — и брал за услов улов.
Но время менялось — и я применялся без слов,
Для новой затеи отречься от старой готов.
И видишь: в народе подобного мне не найти,
Кто здесь в благочестии мне равен вполне —
не найти!

Увидя, что ветренны наши повсюду мужи,
Я стал мешади, а потом перешел и в гаджи.
Вернувшись из Мекки, сказал я: с аллахом дружи,
Свой разум усердно с вопросами веры сияжи!
Я понял: и вправду подобного мне не найти,
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Читатель, пойми же, когда ты разумен, смыщен:
Любий недостаток умелым скрыт, затаен,
Но будь у простого достоинств хотя б миллион,
Порочному глазу злодеем покажется он.

Ему от проклятий пути к тишине не найти!
Нигде лицемера, подобного мне, не найти!
Подобного мне, хоть гори ты в огне, — не найти!
Нет, схожих со мною в почете, в цене — не найти!

ФАХРАТ-КИШИ

Не смей вставать пока, поспи, Фахрат-киши!
Увидя новый век, зажмурь свой взгляд, киши!
Всё одеял твоих возраст стократ, киши!
Бородкой потряси раз пятьдесят, киши!
Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

Ведь с первой ночи ты всегда лежишь — вот так,
Спокойствие свое познал и чтишь — вот так,
Уверовал в него, и спиши и спишишь — вот так!
Что? Надоели спать? Ты всех смешишь — вот так!
Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

Твоя башка бела, ну как мука, — совсем.
Бородка у тебя жидкa, жидкa совсем.
Беззубый, впала грудь, дрожит рука совсем.
Ты с обезьяной схож — наверняка! Совсем!
Проклятья образ ты — на все века! Совсем!
Где опнум? Скорей прими ты яд, киши!
Ах, потяни кальян — мечты вскинут, киши!
Передохни! Постпи! В постель! Назад, киши!
Накройся с головой, ты ль снам не рад, киши?

ВЫЗОВ ПРОПОВЕДНИКУ

Проповедник, не пора ли одежды скинуть нам двоим?
 Ну-ка, мысли обнажив, перед народом постоим!
 Пусть на миг увидит он, что мы в душе своей таим,
 И свою оценку даст делам моим, делам твоим!
 И позор тому из нас, в ком белое черно, старик!
 Может быть, прозреют те, кто в забытии давно, старик!

Позабудем, например, потоки наших громких слов,
 Скинем с зеркала души пустых условностей покров,
 Призовем к себе друзей, а заодно — своих врагов:
 — Наша совесть — вот она! И вид ее всегда таков!
 И позор тому из нас, в ком белое черно, старик!
 Может быть, прозреют те, кто в забытии давно, старик!

А нельзя ли нам с тобой отбросить блеск своих имен?
 Шум, снискавший нам почет, — пускай в забвенье канет он!
 Да сойдутся стар и мал — и разглядят со всех сторон
 Поведанье, облик наш и все, чем каждый наделен!
 Да смутится тот из нас, в ком скверное одно, старик!
 Может быть, прозреют те, кто в забытии давно, старик!

Нам бы сесть да написать о том, как жили и живем,
 Правду выложить одну о состоянии своем:
 Наши честные слова сопоставляя с бытым,
 Пусть узнает наш народ, чего хотим, к чему зовем!
 И позор тому из нас, от чьей души темно, старик!
 Может быть, прозреют те, кто в забытии давно, старик!

ШАХ-ИЛАМЭ

Мой шах, венценосец, прославленный шах!
 О, столько народов повергнувший в прах!

Когда ты изволишь спросить обо мне,
 То рапорт прими, достоверный вполне.

В тот день, как мой конь повернул от тебя,
 Дорогой к Тавризу направился я.

Я шашкой достать Саттар-хана хотел —
 Проверить, насколько он ловок и смел.

Желанье в душе клокотало моей —
 Прогнать муджахидов с кровавых полей!

Сказал я себе: — Не в мечтаньях, а въявь
 Ты золотом шитое знамя прославь!

Скакала охрана моя по бокам,
 И каждый нгид — современный Рустам!

Пехота потоком неслась впереди,
 Наездники мчались с отвагой в груди.

Блестел патронташ на любом, как доспех,
 В руках револьверы и ружья у всех.

И трубы и флейты тревожили въесь,
 И к небу победные крики неслись!

Трещали весь день барабаны в пыли,
На пыльных повозках мы пушки везли.

С таким ликованием, с величьем таким
Я мчался путем незабвенным своим!

Со мною надежды на счастье неслись —
И вот наконец показался Тавриз!

Велел я, немедля, под музыки гром,
Лазутчикам в город пробраться тайком.

Я думал, что нету пустяшнее дел,
Но мне подчиниться никто не хотел.

Тогда, ослушаньем таким разъярен,
Я город велел обстрелять с трех сторон!

Открыли огонь — ужасающий вид! —
Казалось: на землю он с неба летит!

Пришлось бунтарям кое-что испытать:
Четыре — убитых и раненых — пять!

Увидя внезапную кровь, Саттар-хан,
Как молнию, выхватил свой ятаган:

— Сюда, муджахиды! Герои, сюда!
Докажем, что в жилах у нас не вода!

О, если последний остался нам час,
Докажем, как миа он и дорог для нас!

Ведь все, что добыто в борьбе за народ,
Один этот час — отмечет иль спасет! —

И вдруг всколыхнулся воинственный стан,
И вот что услышал в ответ Саттар-хан:

— Зачем умирать? Мы пойдем убивать!
А сгинем — и гибель для нас благодать! . . .

Тогда-то из города вышли враги,
Я с ужасом слушал проклятых шаги!

Шаги муджахидов! Дышал я с трудом —
Их топот казался мне страшным судом!

И вдруг на колени упали они,
И клятву священную дали они!

И смолкли и встали, в лице изменясь...
О боже! и так налетели на нас,

Что в страхе попятились наши войска!
Не знал я, что наша погибель близка!

Такого позора не видеть бы впредь, —
Я издали даже боялся смотреть!

А хан! Что за хан! Этот голос! И взор!
Бунтарь — и такой беспощадный напор!

В испуге возвел я глаза к небесам!
Я плонул на войско — ведь гибну я сам!

Я думал о жизни бесценной своей,
Решил я на гору взобраться скорей.

Я смело взобрался, над бездной скользя!
О, что я узрел! И представить нельзя!

Когда бы стоял ты бок-о-бок со мной,
И ты б любовался подобной войной!

Как заяц, бежала могучая рать!
Я звал: продержитесь! Зачем удирать?

Я звал, но никто в эти просьбы не вник:
Глаза государства ослепли в тот мир!

Раздавлено войско! О горе и срам!
Все ружья и пушки достались врагам!

Я понял, что плохи дела у меня,
И все же надежда была у меня:

Я двадцать казаков призвал — и к тебе
Помчался, душой благодарный судьбе!

Вот так с муджахидами кончился бой!
В моем донесенном я весь пред тобой!

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?
Ни денег, ни жизни не стану жалеть!

Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!

ОТНЫНЕ

Найдем предлог какой-нибудь — отныне до скончанья дней,
Чтоб к вере наш народ вернуть — отныне до скончанья
дней!

Прикрыв кораном старину, должны мы новшества изгнать,
Чтоб мир навек забыл их суть — отныне до скончанья дней!

Журналы догмой подавив, должны науку мы убить
И путь развития замкнуть — отныне до скончанья дней!

Зачем газеты издают? Чтоб в мире множить суету?
Да сгинет, братя, эта муть — отныне до скончанья дней!

Моллы, религию не чут, — давайте же укрепим ислам,
Чтоб и не смели посагнуть — отныне до скончанья дней!

Всех проходимцев — всех писак — изгоним из родной
страны
И преградим обратный путь — отныне до скончанья дней!

Сойди, влиянье их, на нет! Оставь, оставь ты их, почёт!
Чурек, дорогу к ним забудь! — отныне до скончанья дней!

Тетради, книги их порви, разбей чернильницы, народ,
Но галемдан не тронь отнюдь — отныне до скончанья дней!

О, если то удастся нам, мы уничтожим их печать,
Чтоб их писанья зачеркнуть — отныне до скончанья дней!

А главное — поэтов рой нам от ислама отлучить,
Не веря слову их ничуть — отныне до скончанья дней!

И, словом, если разум в ком еще живет, он — еретик!
Ему мы скажем: — Проклят будь — отныне до скончанья
дней!

Спасайтесь, братья! Поскорей друг другу руки подадим!
Пусть единенем дышит грудь — отныне до скончанья дней!

А если денег нам дадут, должны мы снова их признать
И в мусульман их обернуть — отныне до скончанья дней!

ВИНОЙ ДУБИНА

От горя свет померк дневной:
Дубина, знать, тому виной!
Страна — вверх дном, позор сплошной:
Дубина, знать, тому виной!

Зачем, Иран, твои сыны
Безумца жертвой быть должны?
Сове ль развалины нужны?
Судьба ль забыла край больной?
Дубина, знать, тому виной!

Друг друга силятся понять,
Сердца чего-то ждут опять.
А где меджлис? Не разыскать!
Повсюду слышен лай шальной, —
Дубина, знать, тому виной!

Где конституция? В пыли!
Наглеют слуги Мемдели!
От жира вздулись, опьяни!
Шайтаны правят всей страной, —
Дубина, знать, тому виной!

Он клятвами уверил всех!
Но не его ль мы слышим смех?
Так почему же без помех
Плюет злодей на край родной?
Дубина, знать, тому виной!

Зачем нарушил клятвы он?
Зачем приказы рвут закон?
Зачем коран испепелен?

И нож — звездой во тьме ночной?
Дубина, знать, тому виной!

Рад хулиган из кожи леэть!
И вера продана и честь,
И всех невинных жертв не счесть,—
Хоть отправляйся в мир иной!
Дубина, знать, тому виной!

Зачем ораторы молчат?
Зачем в тюрьме сейчас их брат?
И только склочник, зол и рад,
Оскалил пасть, как пес цепной?
Дубина, знать, тому виной!

Вот мудрый, — что же проклят он?
Зачем достойный оскорблен?
И слышен вольнолюбца стон
Из страшной лужи кровяной?
Дубина, знать, тому виной!

Своих поступков не стыдясь,
Там все живое топчут в грязь!
Зачем же месть не поднялась
На выродка с душой двойной?
Дубина, знать, тому виной!

БУДУЩЕЕ — ИЛИШЕ!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не говори, что рабства ночь уже изгнала наш край
родной, —
Не видишь разве, что она еще темнее над страной?
И разве не погиб Иран под тиранической волной?
Тиранство всей вселенной кровь своей измерило ценой,
А вот в Тавризе кое-кто стоит за despотов стеной!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не лги, что храбости клинки слепят глаза у всей
страны, —
Скажи, что языков клинки, чтоб проклинать, обнажены!
Те, что носят мусульман, себя причислить к ним —
волны!

Сейчас — за правду проклянут, другой не подыскав вины.
Эпоха дивная! Тебе ни ум, ни знанья не даны!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Сказал ты: муджахидов стан сумел воззвысить свой Иран.
Но это может ли стерпеть покорный шах рабский стан?
Но согласится ли с этим знать — ее усердье, совесть, сан?
Лишь тем, кто жертвуя собой, подобный путь от века дан.
И где теперь найдешь ты честь? Ты крепче стой за свой...
карман!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак:
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Нет, стала ты теперь и впрямь ареной огнений, страна!
И тем, кто на арене той, отвага львиная дана.
Но хитрость множества лисиц теперь то здесь, то там
Иранцы спят, но вдруг поймут, что вся страна разорена!
«Не мусульманин — муджахид», — твердит лисица не одна.
Что ж, можете свободу клясть: вам глотку не заткнуть никак!
Что ж, говорите: в дом ее не поведет наш путь никак!

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ, АЛЛАХ?

Что делать мне, аллах? Погиб наш род!
Как расплодились эти без бород!
В стране число их с каждым днем растет!
Они в любое дело знают ход!
Эй, старики! Эй, пожилой народ!
Эй, не пускайте: дело пропадет!

По сотне всяких дел вершит любой,
На сходках речью устроит любой!
Суннит радует шинт любой!
Суннит к шинту в дом спешит любой,
И, словно с братом, разговор ведет!
Их честь погибла! Каждый — сумасброд!

Они религии своей не чтут,—
Лишь честь народа! Что ты скажешь тут?
Единой цели посвящен их труд,
Обычай отцов при них умрут!
Пустые люди — пусть их гром убьет!
Ни кызылбashi, ни сунниты, — сброд!

Нарушили родства закон — зачем?
Суннит к шинту устремлен — зачем?
За человека принят он — зачем?
Чтоб был ислам объединен — зачем?
О люди с головой! Что веру ждет?
Эй, не пускайте лживых без бород!

Раз удалось нам цели их узнать,
Их сборище должны мы разогнать!

Нам их нетрудно будет доконать:
Где ни увидим — тотчас проклинаять!
Скажите им: проклятье их сожжет,
Разрушивших религии оплот!
Они друзья гиуров, бог — не в счет!
Их честь погибла, в голове — разброд!

ЖАЛОБА ЖЕНЩИНЫ

Ханбаджи, у меня разрывается грудь —
Я от горя и злости не в силах вздохнуть!

Я бы стала скорее прислугой скупца,
Чем супругой такого, как муж мой, глупца.

Я же в щель не выглядывала никогда,
Не текла во все стороны, словно вода,

Не болтала я глупостей в уши подруг
И не знала совсем, что такое супруг.

Было любо в отцовской земляночке мне:
Быть помощницей матери в разной стряпне,

Повозиться с иглой над отцовской чохой,
Да порыться в сединах у бабки глухой.

Я доила корову чем свет — и совсем
Не просила я помочи у Хансенем!

По нарядам, ох, нет, я не знала тоски:
Я любила по стенам лепить кизяки.

Мой отец — зеленщик, старый дед мой — столяр,
Брат мой — ткач, а вот дядюшка — тот мыловар.

Тетке все погадать бы, а бабке — попрясть,
И была для нас грамота — просто напасть.

Дом наш полною чашею слыл на селе,
Сливки, сыр, простокваша — всегда на столе.

Ах, вовеки не знали мы пакостных книг!
В нашем доме закрыли мы двери для них.

Были мы, как цветы, — наслажденье для глаз,
Ни учитель, ни школа не трогали нас!

И такого противного слова «тетрадь»
Мы не знали и вовсе хотели б не знать!

Вот таким благочестьем светился наш дом —
И стройней кипариса я выросла в нем!

Но случилась беда: обручили меня!
Вам казалось, что в рай вы впустили меня!

Я мечтала, что стану счастливой навек,
Что мой муж — настоящий, с умом, человек.

Я не знала, что есть и такие, как он,
Что он зверь, хоть и женщиною бедной рожден!

Это... это не муж, а какое-то зло:
Ведь читать и писать для него — ремесло.

Это... это — поэт, будь неладно ему,
Да и книгам его и любому письму!

Как могли перед богом вы так согрешить:
Мне с таким непутевым приходится жить!

Почитает, попишет, бормочет потом,
То он с новою книгой, то — с новым листом.

То он пялит глаза, словно чем изумлен,
То как будто бы в обморок падает он!

То всю ночь до утра не ложится, не спит
И, точь в точь как сорока, о чем-то трещит.

А бывает и так, что он во-время лег,
Но лежит и мечтает — о чем же, мой бог?

Вдруг сорвется с постели и лампу зажжет
И сидит голышом всю-то ночь напролет!

Так-то, вместо того, чтобы крепко поспать,
Он читать и писать начинает опять!

Разве это огонь? Разве это угар?
Это просто какой-то безумный пожар!

Навалился на стол — чуть губой шевелит,
На него погляжу я — и сердце болит.

Построгал карандаш, взял бумагу — и вот
Вся бумага черна, — полчаса не пройдет!

Хорошо ли ему или скверно — забыл!
Стыд, усталость и бога он, верно, забыл!

И когда поглядишь в нашем доме на стол,
На постели, на полки, на ниши, на пол, —

Всюду в комнатах наших бумага торчит,
И в кастрюлях и в чашах — бумага торчит!

Просто нету спасенья — лишь книги кругом,
Шкаф ли там или сени — лишь книги кругом!

Говорю ему: слушай, я сохну с тоски,
Что ты там сочиняешь, держась за виски?

Поведенье твое разорило твой дом,
Деньги книгами стали, — что будет потом?

Портишь книгами зренье, ты сбился с пути,
Хоть какой-нибудь выход ты должен найти!

Деньги, силы, здоровье ты губишь, мудрец!
Так и жизнь потеряешь свою наконец!

Ты без места — и денег лишился совсем!
О, когда б ты, мой муж, провалился совсем!

МИНЕ ПОВЕЗЛО

(ПРИЧИТАНИЯ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА АБДУЛ-ГАМИДА)

Я в пленау невзгод теперъ, мне не повезло, поверъ!
Сердце боль гнетет теперъ, мне не повезло, поверъ!
Джином стал народ теперъ, мне не повезло, поверы!
Благ судьбы не шлет теперъ, мне не повезло, поверы!
К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, поверы!
Мемдели, не унывай,
Не горой, не вой: вай-вай!
Ведь еще кальян — твой!

Из-за чванства своего я грозы не смог понять,
Из-за чванства мне пришлось с головы корону снять.
Корень срублен топором — отрашу ль его опять?
Безрассудный, я хотел конституцию попрать.
А она живет теперъ, мне не повезло, поверъ!
К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, поверы!
Мемдели, не удирай,
Не зови врага в свой край:
Ведь еще мейдан — твой!

Мне нисколько не помог самый тонкий ход — ой, жаль!
Мир узнал мои грешки все наперечет — ой, жаль!
Все, что делал я, пошло вдруг наоборот, — ой, жаль!
Как ни билася, я не смог обмануть народ — ой, жаль!
Мне юлдузские дворцы хитрость не вернет — ой, жаль!
Прахом все идет теперъ, мне не повезло, поверъ!
К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, поверы!
Мемдели, карман раздай
И наполни через край:
Ведь еще карман — твой!

То не трубы раздались, то не барабаны бьют, —
То звучит во всех сердцах страшный зов на страшный суд!
Тридцать лет я власть держал — отобрали в пять минут!
Царь османцев выгнан вон, бедного царя не чтут!

Весь мой труд — не в счет теперь, мне не повезло,

проверь!

К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, проверь!
Мемдели, не унывай,
Не горой, не вой: вай-вай!
Видишь, Тегеран — твой!

Делай дело до конца, продолжай со злом союз!
Я богатство накопил — где ж он, мой бесценный груз?
Это все бы ничего — я за жизнь свою боюсь!

Как бычок, ты с детства был с толстой шеей, толстопуз, —
Стянут мой живот теперъ, мне не повезло, проверь!

К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, проверы!
Мемдели, да это ж — рай:
Мясо — ешь и шерсть — сбирай!
Ведь еще баран — твой!

Дал я клятву, но увы! Я ошибся! Это — бред!
Вот к чему меня привел злой Кямиль-паша совет!
Вздумав подражать тебе, я нарушил свой обет!
Ведь присяге роковой был я верен столько лет!

Рухнул мой оплот теперъ, мне не повезло, проверь!
К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, проверы!
Мемдели, не унывай,
Не горой, не вой: вай-вай!
Ведь еще мейдан — твой!

Стон рабов родил грозу — мне удара не отвесь!
Я злодействами успел и аллаху надоесть!
В Салоники я попал, в Салониках крепость есть!
Стал изгнаником султан — потерял и трон и честь!

Крепость душу рвет теперъ, мне не повезло, проверь!
К счастью заперт вход теперъ, мне не повезло, проверы!
Мемдели, беги давай!
Не бахвались через край!
Ты с меня бери пример:

Гнев рассудком усмирий!
Я клянусь творцом земли —
Ты же смертен, Мемдели:
Твой баран уйдет из рук,
Твой кальян уйдет из рук,
И не только Тегеран —
Весь Иран уйдет из рук!

БЕЖИМ, МОЙ СЫН!

Ах, вот какая школа к нам пришла!
Детей на новый учат лад они!
Учитель в этой школе — не молла!
Ай, ай! Спасайся! Совратят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Как изменилось все теперь в судьбе:
«Элифы, беи» стали «а» и «б»!
Уж вместо «ей» он «е» прочтет тебе!
На буквы, как враги, глядят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Послушай, вот урок у них идет:
Толкуют все слова наоборот!
Гроша не дам за новый их подход,
Хотя твердят, что это клад, они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Подряд, не по слогам, велят читать.
Он говорит, а ты пиши в тетрады!
Детей ислама вдруг ведут гулять:
Совсем забыли наш уклад они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

А то глядишь: оставил ум ребят —
Полсотни глоток сразу голосят!
Комедия какая-то! Разврат!
Погубят без моллы ребят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Земля, по их рассказам, не ровна,—
Кругла и даже вертится она!
И лгут, что ходят солнце и луна!
Неверные, чего хотят они?
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Совсем не так у дедов шли дела:
Уча, имел достойный вид молла!
На нем папаха гордая была!
Он был ученый! Что ж творят они?
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Одной лишь болтовней они живут!
Наденет шляпу проходимец, плут—
И говорит про змей! Преподают!
Не учат — чепухой томят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Законам предков я не изменю:
Я не предам свое дитя огню!
Безбожье от потомства отгоню!
Со школой пусть к чертям летят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!
Тут не наука! Лгут! Грешат они!
Да рухнут в ад они!
Грешны стократ они!
Гляурский это дом,
Где нам вредят они!

ПРОДАЮ

Молдаи! Не ужился со мною народ:
Поднял на смех, — ну что ж, эта буря пройдет!
Объявление в журнале ты тисни, что вот
Мемдеми в магазине покупателей ждет:
За бесценок я вещь не одну продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

В магазине моем все идет нарасхват:
Вот твой кубок, Джемшид! Вот престол твой, Губад!
Что вам? Подданных наших? Идемте на склад!
Кто-то нашей торговле, я вижу, не рад,—
Наплевать! Не ковры и не хну продаю,—
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Что за толк в неисчислимых богатствах моих?
Только лихняя тяжесть на сердце от них!
Дед мой так не любил вод соленых морских!
Отступлюсь ли от предков моих дорогих?
Тегеран в ширину и длину продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Тегеран продаю, продаю Тегеран!
Пусть стоит над мою страною туман,
Пусть не утро, а ночь спизойдет на Иран!
Что мне шахский престол? Нет, отныне я — хан!
Сабзавар и Меям — не жену продаю!
Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

Дом мой, тайны мои, и дела, и слова,
Честь и слава — от них лишь болит голова!

Это все распродать — не мои ли права?
 О державе Каджаров идет ли молва,
 Об ином ли, — неважно! А ну, продаю! ..
 Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

 Подчиниться народу? Себе я не враг!
 Ограничивать власть? Значит — сковывать шаг?
 Слушать армии голос? О, благо из благ! ..
 Вас, и вашу семью, и родимый очаг —
 Всё, припавши губами к вину, продаю!
 Эй, барышники, слушай! Страну продаю!

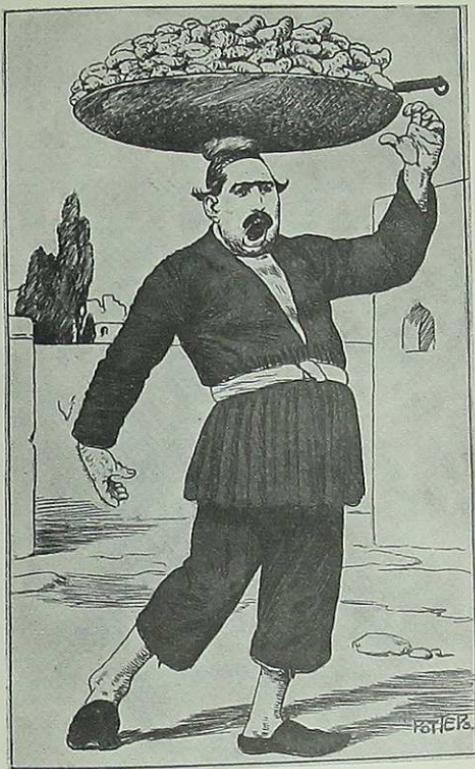


Иллюстрация к сатире «Продаю». Из журнала «Молла-Насреддин». Художник Роттер

ТЕБЕ ВО БЛАГО

Усердье, что являл ты столько дней, — тебе во благо будь!

Твоя страна — ведь шахствуешь ты в ней — тебе во благо будь!

Любой кутеж в тени твоих аллей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

С тех пор, как место предков дорогих ты занял, Мемедли,
Ты лишь о горьких нуждах помышлял своей родной земли,
Усилия справедливость ты, как мог, — аллах твой век продли!

Себе и внукам славу ты добыл: вас чутят вблизи, вдали!
Неугасимый свет твоих путей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

Хвала обетам искренним твоим, твоим словам святым
И, данным в подкрепление тем словам, веленьям золотым!
Коран, которым клялся ты не раз, — стократно он хвалим!
И привезенным тобой со всех сторон — хвала гостям твоим!
Веселый пир в кругу твоих друзей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

Чего, чего ты только не совершил, чтоб услужить стране,
В которой независимым ты был владыкою впопне!
Теперь тобой гордится вся земля, а твой Иран — вдвойне!
Гордятся честью, именем твоим, — ты, шах, в большой цене!
Оценка справедливейших людей — тебе во благо будь!
Усердье, что являл ты столько дней, — тебе во благо будь!

Страна, живущая шесть тысяч лет, — пойми, шесть тысяч —
лет! —

Такого шаха, как Мамедали, еще не знала, нет!

Желаньям, убеждениям святым, мечтам твоим — привет!
Твоя забота — миłość лишь одна, в твоей стране расцвет!

Твоя корона в зареве лучей — тебе во благо будь!

И миłość конституции твоей — тебе во благо будь!

И цепи, что наброшены тобой, о шах, на шеи львов,
И сабли, что умели не щадить тех избранных голов,
И те дома, которые ты сжег, те тысячи домов, —
Все, все твои деяния, Мемдели, достойны лучших слов!
О сын Умми-Хаган, размах тех дней — тебе во благо
буль!

И миłość конституции твоей — тебе во благо будь!

БУНТУЮТ ИРАЦЫ

Зачем решила ты снова бунт поднять, Иран?
Не в силах ты своих страстей унять, Иран?
Тебе дворяне поклялись — и вспять, Иран?
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Пускай, как сердце у меня, сгорел бы ты!
Плохая весть от Мемдели, от сироты:
Бежал — и больше не вернет своей тахты!
У консула нашла приют вся знать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Бесславно жить сынам твоим, скажи, зачем?
Прослыть изменниками им, скажи, зачем?
Грозить порядкам вековым, скажи, зачем?
Зачем иранцам жизнь свою кончать, Иран?
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Ему б на троне лишний год попировать!
Пожить на свете без забот, попировать!
Чтоб мог в его руках народ попировать,
А мусульманин — рот себе зажать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Скажите, что вам причинила сиротка мой?
Берег же честь во весь свой пыл сиротка мой!
Окаеветали — и вспыхнула сиротка мой:
— Себе могилу можешь ты копать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Был щедрым, как внушиает сан, ответь, не он?
Закону подчинил Иран, ответь, не он?
И в клятве деловал коран, ответь, не он?
А ты — ему не доверять, роптать, Иран?
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Зачем свободу призываешь: привет! иди!
Кому нужны слова: — Из тьмы на свет иди?
Шесть тысяч лет ты раэм был, — на нет иди!
Ведь ты о крови стал теперь кричать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Вот Супехдар наводит страх, — ты погляди!
Вождь бахтиаров держит шаг, — ты погляди!
О, как от них страдает шах, — ты погляди!
Твоих вельмож совсем нельзя узнать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Вокруг любого столько войск — звенит в ушах!
Мол, Мемдел, слезай с тахты: не нужен шах!
Порядки старые в три дня втоптали в прах!
Тут шах завыл — и что есть сил бежать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Прекрасный край, каких ты встарь людей родила!
То были старцы, молодежь — и ум и пыла!
В те годы тенью бога шах для ханов был, —
Теперь Ефрема ханом нам признать, Иран?
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Еще: зачем соваться нам в дела царей?
Влезать, ступая по пятам, в дела царей?
Не вникнуть нашим вожакам в дела царей:
Их только шаху одному понять, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

Он знает сам, что взять и что оставить нам!
Где кожу срезать, где — карман, — он знает сам!
Рубить, казнить, скигать дома и тут и там!
И как бы ты ни стал вопить, взывать, Иран,
В ушах у шаха будет тишина и гладь, Иран!
Твоя судьба — всегда гореть, пылать, Иран!
Дурная кровь твоя видна опять, Иран!

ПОДРАЖАНИЕ НАШИМ ПОЭТАМ

Твой лоб — луна, как солнце — лицо, твой локон —
муравей!
Ресницы — стрелы, брови — лук! О, сжался, не убей!

Aх, на пшеничное зерно похожа родинка твоя!
А шейка — глиняный кувшин! А косы — стадо змей!

Твой стан — чинара! Губы — мед! А тело — полотно!
Джейран завидует глазам и ловкости твоей!

Твой подбородок — яблоко! Колодец — ямка в нем!
Гранаты — щеки!.. Ха-ха-ха! Ну, где найдем смешней?

Зиляли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь тянул из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

В стране польска ты, злодей, свои обделывал дела,
К тебе в готовом и в сырому — во всяком виде пища шла, —
Не скалься ж: пользы больше нет тебе от алчности и эха!
Снимай-ка саблю, что тебе побед немало принесла!

Молчи, впustую не болтай, верни, что ты мечом забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что вместе с палачом забрал!

Зиляли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь тянул из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

Народ иранский, как дитя, был вами в люльку помещен!
Следила стражка, чтобы он, заплакав, не прервал свой сон!
Но вы забились по щекам — лишь разомкнула ресницы он!
Выкладывай, Зиляли-султан, что натаскал со всех сторон!

Молчи, подай сюда добро, что ты петлей, ружьем
забрал!

Выкладывай сюда, что сам, что слуг твоих ножом
забрал!

Зиляли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь тянул из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

Припомн по порядку все, что ты готов забыть сейчас:
Как ты сливал в бутылки кровь, лишая этой крови нас,
Как летом на зиму сушил плаоды чужие про запас!
Хоть вылезут на лоб глаза, срыгни, срыгни-ка все зараз!

Молчи, впustую не болтай, верни, что ты живьем
собрал,
Выкладывай сюда, что сам, что со своим зверьем
собрал!

ПОДРАЖАНИЕ ФИЗУЛИ

Имей я стыд, да разве смерть я не призвал бы сам тогда?
Будь честен, разве пред людьми не вскрыл бы весь свой
срам тогда?

Умей от недругов друзей я хоть немного отличать,
Да разве б подошел Шапшал иль Фазуллах к делам тогда?

Когда бы я предвидеть мог ваш ход, Асад и Супехдар,
Да разве вражеских голов я не отsek бы вам тогда?

Когда бы мог я обрести в Иране тихий уголок,
Да разве счастлив, как султан, я не был бы и впрямь
тогда?

Когда бы знал я, что народ меня стряхнет, да разве б я
С добром в карманах не удрал, на зло моим врагам, тогда?

Смекни я, что из рук моих уйдет когда-нибудь Иран,
Да разве б не смешал его я с пеплом пополам тогда?

А в миг, когда Таги-заде меня отверг, — имей я власть,
Да разве б жалкий труп его не пал к моим ногам тогда?

Пусть говорят, что Мемдели мечтой в Одессу унесен,—
Но разве, получив Менджиль, не зажил бы я там тогда?

СКАЖИ, ЗАЧЕМ?..

Ваиз! Работников пера клянешь, скажи, зачем?
С недоброй тучей, с тьмой ночной ты схож, скажи, зачем?

Когда б народ неверным стал, ты в рот воды б набрал,
Но тех, кто понял твой обман, ты ижешь, скажи, зачем?

Громя проклятьями воров, народ ты грабишь сам!
«Мир — суета!» — ну, а тебе грабеж, скажи, зачем?

Приснилось мне, что ты в раю средь гурий ликовал.
О ночь, ты мне такие сны несешь, скажи, зачем?

Ты лицемерие всегда поносишь, как порок,
Но каждый день ты множишь ложь на ложь, скажи, зачем?

Я вовсе лживости твоей не думал испытать,
Ты сам о ней душе понять даешь, скажи, зачем?

О, не рассчитывай, что нас ты сможешь обмануть,
Но простодушных ловишь в сеть ты все ж, скажи, зачем?

БУДЕМ НЕВЕЖДАМИ

Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть,
С каждым годом все темней и темней должны мы быть!

Коль на суетной земле жить спокойно мы хотим —
От науки, от искусства наши взоры отвратим!
Козни, сплетни — в этом все! Предадимся только им!
Нет, невежества постель никому не отдадим!
К чорту знанья! Для чего всех умней должны мы быть?
Жить хогим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Одеяло натяни, пустяки, что ноет бок!
Уши ртутью заложи, чтобы сон твой был глубок!
Суеверный видя сон, ты взволнулся, как поток!
Об исламе позабудь: ну какой в исламе прок?
В нашей помощи врагам все дружней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Отвернемся от людей, что о школе говорят!
Жизнь безбожников таких превратим в кипящий ад!
Пусть бегут, куда глаза их бесстыжие глядят! —
Чтоб народ и край родной были счастливы стократ!
Нечестивцам, что ни день, все страшней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

У гляуров есть баллон для прогулок в вышине, —
Нет, по воздуху летать нам приятнее во сне!

Не вчера ль один ахунд говорил тебе и мне:
Кто влюблен в ничтожный мир, тот ничтожнее вдвойне!
Чтоб по смерти в рай попасть, поскромней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Где еще ты встретишь то, что встречаешь в мире снов?
Миром видимым живя, что ты знаешь в мире снов?
Ты блаженство на земле обретаешь в мире снов!
Ты на крыльях рук своих воспаряешь в мире снов!
Область ночи, дивных снов — только в ней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Вот вступаешь ты в чертог, вот вошел в прекрасный рай!
Гурий, гурий обнимай и с гыланами играй!
С мусульманами пируй, имя бога повторяй,
А гяурам предоставь и шайтанам этот край!
В сонме ангелов кружась, все пьяней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

Пусть гляуры дены и ночи открывают мир красот,
Гонят сущий паровоз, а водою пароход, —
Мы заплатим за проезд — и проедем без забот:
Нам тягаться с кем-нибудь не пристало, не идет!
Нашей рабской немоте все верней должны мы быть!
Жить хотим? Так в темноте с юных дней должны мы быть!

ЧЕЛОВЕК С МОШНОЙ — ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Что там племя нам, что там знатный род?
И характер наш и душа — не в счет!
Ты в пороках будь с головы до пят,
Лишь богатство нас от невзгод спасет!

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Пусть таланта нет и не блещет ум,—
Милионщику не до мрачных дум!
Будь тлетворным твой для народа прах —
Окружит тебя вечной славы шум!

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Ты бессовестен? Не беда опять!
У народа крови не бросай сосать!
Наберешь тишиком пять грошей с лихвой, —
Уважать тебя станет наша знать!

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

НЕ ДАЮ!

Друг любезный, Молла! Погляди, что за ирав у купца
Ханкиши!

До чего и квартира, и дом, и именье его хороши!
На богатство, торговлю его, на доходы взглянуть поспеши!
На понятия, совесть и честь, на сокровища этой души!

Ты не знаешь, с подобной душой может стать
благодетелем он?

И пристало ль с подобной душой непрестанно копить
милион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Ханкиши — не бездомный бедняк, хлеб, конечно,
у знатного есть,

Хлеб-то есть, разумеется есть, только сна не имеет
он есть!

Все его увлеченье — копить, чтоб считать и считать,
и не счасть!

Быть владыкой колони золотых он почел бы за высшую
честь!

Ты не знаешь, с подобной мечтой может стать
благодетелем он?

И пристало ль с подобной душой непрестанно копить
милион?

И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Не сочтешь на лугах у него баранты, и коров, и коней!
Стань их больше хоть в тысячу раз — он во столько же
станет жадней!

Поклоняется золоту он с самых первых сознательных дней!
Ты не думай, что я клевещу — сам он скажет: нет слова
честней!

Ты не знаешь, с подобной чертой может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной чертой непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Очень стар он, ему уж восьмой иль девятый десяток идет,
Вся семья его — он да жена: на двоих, без детей, и доход!
С каждым годом богатство его, с каждым месяцем, часом
растет!

Все фальшиво у старца: аршин, и пудовая гиря, и лот!
Ты не знаешь, с подобной лихвой может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной лихвой непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Десять шаев — полтинник один — все, что за день
расходует плут,
Хоть монеты в его сундуки, словно горная речка, текут!
Станет деньги считать кто-нибудь — он уж слонку пустын
тут как тут!

Он от жадности лаять готов, как собака голодная лют!
Ты не знаешь, с подобной слоной может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной слоной непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Говорю ему: — Эй, Ханкиши, о кончине подумать пора!
Ведь другому достанется все — и супруга и горы добра!
— Что решать за судьбу? — говорит. — Ведь ко мне она
с детства добра!

Может, раньше супруга умрет, хоть не очень она и стара?
Ты не знаешь, с подобной судьбой может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной судьбой непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

— Ты бы выделила часть, — говорю, — на помин
многогрешной души,
Да на школы, чтоб чтили тебя, что-нибудь, — говорю, —
отпиши!
Он в ответ: — Ни копейки не даст на такие дела Ханкиши!
Можешь сам оставлять ты добро для помина своей же
души!

Ты не знаешь, с подобной душой может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной душой непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

Друг Молла! Пусть и трудно тебе, все же выполни
просьбу мою:
Объяви неотложно друзьям, — я от них ничего не таю! —
Чтоб на школу никто не просил у того, кто не будет в раю,
Ибо он мне вчера заявил: — Что стесняться в своем же
краю?

Я не трус, я открыто скажу: «Не даю! Не даю! Не даю!»
Ты не знаешь, с подобной мошной может стать
благодетелем он?
И пристало ль с подобной мошной непрестанно копить
милион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться за милостью
нам?

ЛУЧШЕ ИРОПАДОМ ПРОПАСТЬ

Лучше пропадом пропасть и не думать ни о чем,
Чем дышать и понимать — и гореть в огне таком!

Жил бы с темными людьми — тоже темный человек,
И тенета темноты рвать не вздумал бы вовек!

Принимал бы, не кривясь, горечь снадобий, как мед,
Пел бы песенку свою, как в мечети плут поет!

Подтверждал бы рьяно все, чем гнусавый одержим,
И с уздой на голове мирно плелся бы за ним!

Что ж поделаешь теперь? Дело сделано — и ты
Мук немало перенес от хулы и клеветы.

Хватит жалоб! Никого не вини в своем kraю:
Что б с тобою ни стряслось, на судьбу пеяй свою!

Отвчай, зачем ты стал различать добро и зло?
И, когда твой спал народ, спел, хотя не рассвело?

Правоверным был бы ты, соблюдал бы дни поста,
И смиренно б лобызая руки-ноги у пута.

А теперь — иди, казнись ты за все свои дела,
Сынша, как тебя клянут из-за каждого угла!

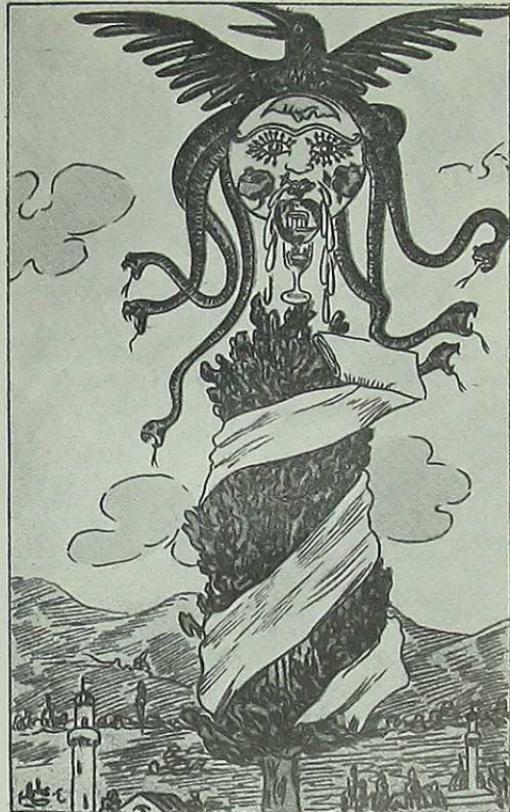


Иллюстрация к сатире «Подражание нашим поэтам». Из журнала Молла-Насреддин. Художник Аз. Азим-заде

НЕТ, НЕ НАПИШУ!

Твой, Молдан, котел бушует — не шути!
Ты предводитель всех, кто сбит, сошел с пути!
Как за весной твоей осенним днам притти,
Когда со всех сторон к тебе несут статьи?

А мне отсюда — как? Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Коль будет суждено, потом не напишу,
Народа не задев, тайком не напишу!

Вовек в мое письмо не просочится ложь,
И, как моллу, меня за взятку не возьмешь!
Гаджи-Кязму честь я не продам за грош
И не соглу Фахри: свободной ты живешь.

Ну, как советуешь: тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
А время подойдет — потом не напишу.
Коль не вольюсь в поток, рывком не напишу!

Я, заключив кябин, не растекусь медком
И в сторону Фахри не погляжу тайком.
Молитву став читать, не ошибусь ни в чем,
Гаджи-Бадала я не подразнию потом, —

Чтоб за глаза не кляя!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Коль случай выпадет, потом не напишу.
Коль так черкну, то сяк добром не напишу!

Ласкаться к богачам я никогда не мог.
Коль грустно, я грушу: фальшивый смех — подлог!
Не стану чистить я у пристава сапог.
Достоинство свое храню я, видит бог!

Лелею честь моллы... Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Коль будет суждено, потом не напишу.
 Коль телеграфа нет, письмом не напишу.

Картечник, отойди! Подарка не приму!
 Сомнительный доход мне просто ни к чему!
 Чтоб в гости на ночь влезть, я не сошлюсь на тьму.
 Оставшись, ничего не украду в дому,
 Не то — потерян стыд! Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Когда придет черед, потом не напишу.
 На ветер никогда в твой дом не напишу!

Я проповедь скажу — и ей поверю сам.
 И прежде, чем народ, свой грех огню предам.
 Мои слова легко проверить по делам,
 А плохо поступлю — приму на душу срам!
 Сам постыжу себя!.. Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Коль будет в том нужда, потом не напишу.
 Прогонят из дома — о том не напишу!

Я не из тех, кто льстит, а за глаза клянет,
 Ругает про себя, а вслух — наоборот!
 Не лицемерю я: передо мной — народ!
 А лицемерю — кто меня стыдом проняет?
 Уж разве что аллах!.. Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Придет к работе прыть — потом не напишу,
 Начну во-всю хитрить, — потом не напишу!
 Решив итти с тобой, я вспять не поспешу!

ПРАВЕДНИК

Вкусить немыслимых блаженств, пока живет, — его мечта
 И перебросить мостик в рай который год — его мечта.

Едва вздремнув, уже в рай гылманов обнимает он,
 И в час молитвы в сон уйти от всех забот — его мечта.

Балбес, он думает, что рай похож на город Бухару:
 К земным гылманам в город тот зовет, зовет его мечта.

И это стало наконец причиной всех его молитв:
 Надуть творца и всех людей наперечет — его мечта.

Аллах! Что ищет он во сне, пусть наяву он не найдет:
 Всю набожность свою зараз пустить в расход — его мечта.

Сожжет он тотчас коврик свой и к черту четки отшвырнет,
 Когда на пир к весельчикам вдруг приведет его мечта!

Увы, мой праведник узнал, что есть в неверья элексир,
 И элексира в свой намаз подбавить — вот его мечта!

КТО МОЖЕТ УСОМНИТЬСЯ В НАС?

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

Кавказцев старых ты видал? Храбрецы!
Мы все с энергией, с умом — молодцы!
Речисты мы, говоруны, мудрецы!

А что до дел, то мы враги суетны!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Река — вдали, но мы уже — босиком!
Едва весна — уж мы в огне целиком!
Даем мы слово — и бегом, кувырком,
Скорей укрыться где-нибудь, — догони!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Пускай заснет весь мир, но нам не заснуть:
Ведь гордость нации хранит наша грудь!
И наших не возьмет у нас кто-нибудь —
За грех, за деньги, за пустяк! Ни-ни-ни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Не по душе ни козни нам, ни раздор!
В работе яростны мы все с давних пор!
Вот так выводим мы исlam на простор!
Мы служим нации своей — без грызни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Ах, сколько обществ — погляди! — есть у нас.
Для дела время впереди есть у нас!
Желаний множество в груди есть у нас!
Желаньям сладостным — хвала! Подтяни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

В каких искусствах наших средств не найдешь?
Мы нарушили свой обет? Это ложь!
Нет, нет, открытых нами школ не сочтешь
Скорее строгий приговор измени!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Мы заведений всяких тьму создаем!
Вот здесь лечись, а там учись день за днем!
В творцах науки мы себя узнаем!
К нам уваженье навсегда сохрани!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Чернорабочих или слуг — нет у нас!
Несчастий, нищеты и мук — нет у нас!
Не занятых работой рук — нет у нас!
Любкий имеет ремесло — ты взгляни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Исполнен наш отцовский долг целиком,
Мы не забыли из детей ни о ком,
Еще гордиться нам своим цветником,—
Когда займутся сыновья воровством,
Когда под стражею пойдут в серый дом! ..
К блаженству нацию свою мы ведем!
Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

ПИСЬМО ДРУГУ

Среди руин Ширвана никогда
Я радости не знал за все года.

Одним страданьем век наполнен мой,
Мне стала родина моя тюрьмой.

Я вместо счастья видел столько зла —
И прахом, прахом жизнь моя пошла!

Не знал я друга в этой стороне,
Мои друзья врагами были мне.

В приятелях я недругов нашел,
Удел же одиноких так тяжел!

Чем больше терпит человек в пути
Мучений, тем трудней ему итти.

Чем больше человека давит гнет,
Тем к избавлению он быстрей идет!

И вот иссякли силы у меня:
Хоть я Сабир, терпеть не смог и дня!

Не стал никто опорой земляку —
И, гордый, я направился в Баку.

Поэт расстался с родиной своей,
Заветный сад оставил соловей.

Что мне сулил, что дальний значил путь?
Готовый ко всему, я начал путь!

Закончить все дела помог мне бог,
Хотя бежать никто мне не помог.

И наконец Баку увидел я —
Возвышенных и чутких душ края!

Принес мне вдоволь сахару тростник,
На пальме улований плод возник.

О, сколько здесь отзывчивых людей!
Для истомившейся души моей!

У каждого — высокая мечта,
Мечта с мечтами общества слита.

Сознательности с верностью союз,
Несокрушимый дух, тончайший вкус!

Но в славном этом обществе, мой друг,
Я сердцем одного приметил вдруг.

Летами молод, опытен умом,
Почтенностю отмечен он во всем.

Прекрасный и душою и собой,
Он благодатной наделен судьбой.

Чисты его и думы и дела,
Ему — тысячуекратная хвала!

Доверчивый, доверья ищет он,
Но низкий им не будет пощажен!

Достоин он желанное найти,
Быть за свои деяния в чести!

Нет, к вероломному такой почет,
Поверь ты мне, вовсю не придет!

Коль человеком назовешь плута,
То это будет злая клевета.

Мы только верность в человеке читим,
А называться всякий может им!

О ты, земляк чистосердечный мой,
Ты к радости открыл мне путь прямой!

Я знаю каждого — ведь я поэт,
И дорог мне радушный твой привет.

С тобою дружбы не было у нас —
Откуда ж эта теплота сейчас?

Все оттого, что чувств мы не таим,
Все благородством рождено твоим!

От солнца — свет и благодать кругом,
От тучи — гром и молния с дождем.

От пальмы — финик, от дурмана — яд,
А с ивы только листья к нам слетят.

Так, добрая душа всегда добра,
Так, нам от злого не видать добра.

Когда хоть малое добро творят,
Понятливый благодарит стократ.

Чем я воздам за тьму твоих услуг?
Стихи — вот все, чем я богат, мой друг!

Добро иль зло поэту окажи —
Он все опишет без малейшей лжи!

Как я скажу, что был ты нехорош?
Куда с пути пристойного свернешь?

Молю я провиденье лишь о том,
Чтоб окружило милостью твой дом,

Чтоб за свои дела благие ты
Сполня осуществил свои мечты!

Желаю многих радостей тебе!
Благословение твоей судьбы!

С возлюбленной беседы не печаль,
С красавицей дели свою печаль!

Да будет весел круг друзей твоих,
Да будет враг твой немощен и тих!

Услышь мое желание, аллах!
Так молится Сабир в своих стихах:

Пускай заботы друга не томят,
Пусть участи своей он будет рад!

МАРИИ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

Интеллигенты мы, закон у нас: гуляй!
Утесам посвяти свой каждый час, — гуляй!
Подруги обнови в неделю раз, — гуляй!

Как любо вам гурьбой вести свои дела!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

Невсажда всякий нам ис нравится, претит!
Что может быть тощней, чем мусульманок вид?
На что нам Тукезбан? Что нам Фатыма сунит?
Ведь Соня так резва! Ведь Анна так мила!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

Иные, не найдя благих примет у нас,
Хотят пороки вскрыть, которых нет у нас!
С моралью лезут к нам, но есть ответ у нас:
Образованье нам давно судьба дала!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

Им вовсе дела нет, что нас кутеж увлек,
Что от своей семьи любой из нас далек!
Нет, в ресторане мы находим уголок
Уютней и милей домашнего угла!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

Интеллигенты мы! Кто лжет, что это бред?
По-туркски говорить нам не пристало, нет!
По-туркски говорить — забыть приличий след!
И эта вера в нас живет, всегда жила!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

С газетой тюркской ум становится ясней,
Но в руки ис возьму, не посижу я с ней:
На языке родном, поверьте, с юных дней
Привычка говорить мне только в стыд была!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

Всегда с народом быть пускай ислам велит,
Но с темными душа ис знаться нам велит,
И в клубах пребывать по целым дням велит,
А ночь придет — у нас утехи без числа!
Ай, браво, браво нам! Ай, честь нам и хвала!

БОЖЕСТВО ВЫ МОЕ!..

Деньги, вы свет моих глаз иль естество вы мое?
Совесть, достоинство, кровь, — не хвастовство вы мое!
Роскошь, величье, почет, власть, торжество вы мое!
Мекка, Медина, коран, с богом родство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Годы и годы провел я в добывании вас:
Пусть я совсем изнемог — вас я немало притас!
С вами навеки душа в смертный останется час:
Сила, и радость, и жизнь, — все существо вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

О вы, жестокие! Вам жизнью пожертвовал я:
Миг наслажденья от вас мне — как венец бытия!
Слышиу наследников торг, близится гибель моя!
В чей же карман вам попасть? О волшебство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Деньги, уж вам не лежать в прочных моих сундуках:
Тратить вас в тысяче мест каждый начнет вертопрах!
Вас в ресторанах сожрут, в клубах и в прочих местах!
Будут вас грызть, говоря, что паутовство вы мое,
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Ах, наступила, наступил час вашей муки большой:
Чужа несчастье, моей вы завладели душой!
Грудь моя вами полна, мозг мой для вас не чужой:
Словно красавица, — страсть и колдовство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Если бы мог, никогда я не оставил бы вас!
Смерть, не считаясь ни с чем, вас удаляет от глаз!
Знайте ж, я буду шептать даже в последний мой час:
Деньги, вы свет моих глаз иль естество вы мое?
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Все, что выдумал кяфир, может ли признать ислам?
Мы вовек не подойдем к их расписанным дворцам!
Ожидать отправки в рай на земле осталось нам:

Встречи с гуриями там мусульманин ждет теперь!
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

ИАЦИИ

Показала рвенье всем, вышла ты вперед теперь.
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

Очень много всяких дел ты совершила тут и там:
Нас на секты разделив, укрепила ты ислам!
Счета нет твоим делам, счета нет твоим словам!

Видишь, не один народ сзади нас идет теперь.
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

Потихоньку от чужих разбудила ты своих,
Возвеличила скорей, окружила славой их;
Каждый имя заслужил, высших степеней достиг!
Ты прекрасна в торжестве! Кто тебя забьет теперь?
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

После этого смешон тот, кто действовать спешит.
У законов наших дней новый склад и новый вид:
Любит школу род людской и науки свято чтит!
Он ослям и лошадям поезд предпочтет теперь!
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

Посмотри: аэроплан, чтоб летать, изобрели!
По земле автомобиль быстро мчится, весь в пыли!
И об этом и о том толковать в салон пошли!
Заблудились! Боже мой! Кто их разберет теперь?
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

Целый мир куда-то ввысь вздумали они поднять!
Ну, а мы в загробный мир вознеслись мечтой опять!
Нашу жизнь — всего пять дней! — мы не вправе сокращать!
Раб таких земных затей в рай не попадет теперь!
Ляг, накройся, отдохни ото всех забот теперь!

ЖАЛОБА

Зенбур-ага! Стал говорить ты невпопад, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам.

Ты верным человеком слыл — и вдруг такой неверный тон!
Зачем какой-то человек твой в чалме изображен?
Кто на руках его повис? И что собой являет он?

Ты забываешь всякий стыд, когда молчат, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

И что за звенья цепи там? И что за люди в звеньях тех?
С кого ты их нарисовал? Над кем и чем, скажи, твой смех?
Ислама образ осмеять — ужель ты думаешь не грех?

Ты отдаляешься от нас, твой злобен взгляд, сдается нам!

И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

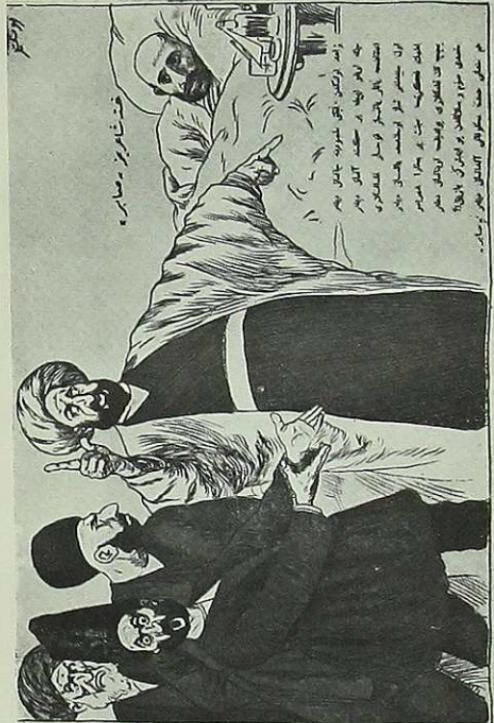
Стараясь тайны приоткрыть, ты действуешь наверняка:
Ты добиваешься того, чтоб стала наша жизнь горька.

Ты очень дерзок! Берегись! Возмездье същет смельчака!
Тебя не трогают, а ты — наглей стократ, сдается нам,

Ты на обычай напал, на наш уклад, сдается нам!

Допустим, что рисунок твой от спички пробудил народ,
Допустим, ненависть твоя теперь в сердцах у всех живет,
И все же нас разоблачать, скажи, какой тебе расчет?

Зря, зря затеял с нами ты такой разлад, сдается нам!
Ты на обычай напал, на наш уклад, сдается нам!



Сперва кого-то ты задел — и поученьем ты назвал,
И говорила, что нам служить примером будет твой журнал,
Потом запутал нас в дела — и это шуткой объяснял,
Теперь дерешься ты всерьез, бьешь всех подряд, сдается
нам,
Ты на обычай напал, на наш уклад, сдается нам!

Подумаешь, связали мы сынов ислама по рукам!
Так что же? Разве это грех? Мы лишили слезы за ислам!
Спасали веру мы свою, а дьявола — ко всем чертам!
Ты, обвиняя нас во всем, сам виноват, с你自己说
Ты на обычай напал, на наш уклад, с你自己说

Не станет нас, а кто ж тогда к исламу обратит свой взгляд?
Всего дней пять пройдет — и вот увишет этот пышный сад!
И новшества войдут в ислам, и все, что свято, загрязнят.
Не понимая нас, бредешь ты наугад, с你自己说
И даже веру задевать порой ты рад, с你自己说

Ты ожил, ты повеселел, глаза горят, с你自己说
Бездельник с книгою тебе и друг и брат, с你自己说
Любые сплетники к тебе гурьбой спешат, с你自己说
Послушай, прекрати свой срам,
Исправь свою ошибку сам!
Не то анафемой тебя
Придется опозорить нам!

АРДЕБИЛЬ

Жизнь сгубила я под твоим проклятым кровом, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Я с далеких дней считал, что, если исключить Иран,
Мест подобных не найти, хоть обойдешь сто тысяч стран!
Нет красавиц, что смогли бы затмить Фатыму и Тукезбан!
Но в России я пришел ко взглядам новым, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Родина! Я принимал всегда за гурй жен твоих,
Раэм ты казалась мне, чья сень прияла жен земных!
А теперь я поражен, волшебницу увидав иных:
Я навеки увлечен их нежным зовом, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Я в Баку — и не в Баку: тут райский вижу я цветник!
Вышел к Набережной я — и берег сказочный возник:
Всюду белые «мадам», один другого краше лих!
Ах, какой товар! Я стал на все готовым, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Сто таких, как я, купцов лишь Соне сердце отдают!
Сто таких, как я, гаджи глушат за рюмкой рюмку тут!
Сто таких, как я, святых поклонов пред творцом не блюют!
Стали мы свободны тут, мгновенья ловим, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Их не пять и не пятьсот! Куда ни глянь, товар — мадам;
Дом — мадам, диван — мадам, балкон — мадам, базар —
мадам,
Цирк — мадам, отель — мадам, пассаж — мадам, бульвар —
мадам!

Я безумным стал теперь, а был здоровым, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Уезжая из тебя, я мыслью тешился иной:
Я нажиться тут хотел, разобратить любой ценой!
Честь не позволяла мне, чтоб пропадал очаг родной,
Я забыл и дом и вкус к делам торговым, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Чем я больше вижу их, тем больше к ним влечет меня.
Но усадьбы нет как нет, хотя без страсти нет и дня!
В теле, страсти вопреки, все меньше нужного огня!
Телу старому помочь нельзя и словом, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

Я питал к чужбине страх, пока я был в родном kraю,
Ужас угнетал меня, терзал неопытность мою,
Но сейчас я потрясен, и сам себя не узнаю!
Боже, боже, стал совсем я бесстолковым, Ардебиль!
Я не муж, коль помяну хорошим словом Ардебиль!

НЕ НАЙДЕШЬ!

Достоинство нации — где оно? Нет, не найдешь!
Порядки, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Ах, мало, что всякий любитель свобод пробужден,
Смотрите: и склочник — ученый урод — пробужден!
Бесстыдных газетчиков мерзостный сброд пробужден,
Под кличкой поэта злодей-рифмоплет пробужден,
Иными словами, источник невзгод пробужден!
Я думал: к чертям, что для мысли народ пробужден!
Но прах мне на голову: купчик — и тот пробужден!
Суются во все! Справедливости свет? — Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

У нации этой был старый прекрасный завет:
Когда покидала душа мусульманина свет,
То прежде, чем будет омыт он и в саван одет,
Лежал он в тиши, уважаем, ничем не задет,
За чтением корана над ним мы встречали рассвет.
Глава отзвучала — мы рубль получаем в ответ:
И нам —уваженье, и мертвый, как надо, отпет!
О, где ты теперь, уваженье? Хоть след? — Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Совсем изменились характеры наших купцов,
Как будто и вправду проверили каждый наш зов.
Уж нет приношений, стоим у остывших котлов:
Ни доли — молле! Ну, хотя бы какой-нибудь плов!
Хотя бы кусочек халвы! Но и тот не готов!

Хоть много уловок мы знаем, но — жалок улов!
Ах, ах, всемогущий, где благо минувших деньков?
Иль мы согрешили? И счастья тех лет не найдешь?
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Когда собирался в святые места богомол,
К творящим молитву всегда за советом он шел.
Он думал о боже, а мы — чтобы сундук был тяжел!
Узрев, изреченьем его мы спасали от зол,
Мол, нужно, чтоб деньги лишь чистые он приобрел
Для этой дороги, — то было полезно для молла!
Как жаль, что чалма не в почете и посох отцев!
У всех — единене! Кто верой согрет — не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

О, если бы в будущем новых не ведать нам бед!
Боюсь, что и эта надежда сведется на нет!
Проснется народ — и увидят глаза его свет!
И он разберется, где вправду молитва, где бред,
Где предан забвению торжественно данный обет, —
Наложит на взятки, на все подношенья — запрет!
Не почесть, а ненависть — нам и навстречу и вслед!
И скажут: молла, где роскошный обед? Не найдешь!
Долма? И терек? И фирни? И шербет? — Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

СЛАДКИЙ РАЗГОВОР

— Что нового, эй, мешади?

— Да ничего...

— Не может быть!

— Гаджи-Ахмед газету нес...

— Посмел такую дрянь купить?

Ты видел сам?

— Нет, мой сосед с другим соседом говорил...

— Аллах, об этаком грехе, скажи, возможно ли забыть?

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

А что же нового еще?

— Гаджи-Джафара сын, Вели,

Учиться сына отдаст...

— Беднягу в школу повели?

— Да, повели...

— Ты видел сам?

— Я слышал где-то разговор...

— Аллах, такому ты всю жизнь терпеть лишишь повели!

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

А что еще?

— Ах, да! Кафар... чуть не забыл о нем совсем!

— Какой Кафар?

— Отец Мирзы...

— Ах, знаю! Говори, — я нем!

— Кафар беседовал вчера с одним сомнительным лицом!

— Но от кого же ты слыхал?

— От мужа тетки Хансенем!

— Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

Постой, а больше ничего?

— Послушай, наш сосед Керим...

— Ага, тот самый...

— Да, да, да!

— Давай о нем поговорим!

— С «Моллою-Насреддином» он вчера до полночи сидел!

— Весь край глумами кишил, лишь для меня он стал незрим!

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

— А я слыхал: свой дом и двор кому-то продаёт Самед,
Чтоб брата своего послать учиться в университет.

— Да, это верно! Только знать обязан ты еще и то,
Что волосы он удлинил и жить не может без «шиблет»!

Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!

Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

— Еще рассказывали мне, что ваш Кебле-Ашур всегда
Бывает с теми, кто твердит о новой школе без стыда!

— Да, люди правду говорят!

— Как жаль: несчастный так богат!

— Он состоянием сбит с пути! Он бога позабыл, да, да!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

— А это правда, что Бадал...

— Да, да! И это не обман!

Моллю словами он задал и, говорили мне, коран!

— Да, он от веры отошел, пророка он забыл совсем!

— А как неверный растолстел! Поверь, не хуже, чем кабан!
Раз так, и этому беда! Проклятье! Грех его велик!
Он отрицает веру! Он — злодей! Безбожник! Еретик!

— А этот негодяй Джеби! Он враг религии вдвойне!
Не хочет почитать меня и сеет сплетни обо мне!

— Да, это верно! И за то я обругал его жену!

— Исполнив долг, ты поддержал мое достоинство вполне!
О, я за все, за все воздам ему, и детям, и жене!

При всем народе, при родне
Я буду жечь его в огнел
Я буду проклинать его
И днем, и в полночье, и во сне!

Скажу народу: он — злодей! Проклятье! Грех его велик!
Вы все должны его проклясть! Ведь он... безбожник!
Еретик!

НИЩЕТА

Не хнычь, не рыйдай и уйди от дверей, нищета!
Не вой, как сова, замолчи ты скорей, нищета!

Хоть мы с благотворною целью пришли в этот дом,
Хоть множество блюд отразилось во взоре твоем,
Хоть право твое мы вкусить этих благ признаем,
Но есть ли где право азотов мудрей, нищета?
Не хнычь, не рыйдай и уйди от дверей, нищета!

У нас, у богатых, всегда на уме — кутежи!
В наш дом вместе с беком идут агалар и гаджи.
Ну, кто здесь не толст, не богат и не чист — укажи!
И важного вида и крепкой души тут мужи!
Не пляться ж на пир и глаза посильней завяжи!
У кухни моей не топчись, не зверей, нищета!
Не хнычь, не рыйдай и уйди от дверей, нищета!

Беда ли, скажи, что гоню я тебя за порог,
Что голод жену и детишек твоих подстерег,
Что в руку твою не монета летит — ветерок?
А ну, не шуми ты! Уймись, присмирай, нищета!
Не хнычь, не рыйдай и уйди от дверей, нищета!

Зачем богачу, чтобы щедрость свою показать,
Тебя угощать, о ничтожная голь, а не знать?
Ох, должен аллах за нахальство тебя наказать!
Отстань и пойми ты: не стать нам добрей, нищета!
Не хнычь, не рыйдай и уйди от дверей, нищета!

Пойми наконец: раз всегда ты в беде, ты — бедняк!
Твой рот непривычен к дворянской еде: ты — бедняк!
И нашего счастья не сыщешь нигде ты, бедняк!
Коль нечего есть, ляг в могилу быстрой, нищета!
Не хнычь, не рыдай и уйди от дверей, нищета!

Вовеки не станет близка к богачам нищета!
Хоть плачь, хоть не плачь, ты, бедняк, богачу — не чета!
У нас никогда не считалась людьми беднота!
Чем к равенству звать, ты сперва раздобреяй, нищета!
Не хнычь! Не рыдай! И уйди от дверей, нищета!

НЕ НАДОЕЛО ЛИ ТЕБЕ?

Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет.
Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

Пока вся нация спала в невежестве своем,
Ты убаюкивал ее — с достоинством, с умом.
Круг почитателей твоих был шире с каждым днем.
Народ нышал, но шло добро к тебе просторный дом,
Народ худел, но ты ходил с безмерным животом.
Гнушил ты: «Взятки — страшный грех!» — и брал, забыв запрет!

«Добро сирот — огонь» — глотал и не пытал вовсед.

Всегда порог своей мясной ты называл святым,
Одежду правды надевал, неправой одержим.
Ты сомневаться запрещал поклонникам своим!
Пытались правду говорить, но худо было им.
Ты, выпучив глаза, бранил, ты превращал их в дым!
Нет, не поймешь ты сам себя, хотя поймет весь свет,
И слово верное мое чернишь ты, как навет!

Народную лакая кровь, порочный, был ты свят.
Чуть наземь кто уронит грош — уж ты зацарапать рад!
Ты пел: «Земные блага — тлен!» — и грабил всех подряд.
«Все — суета!» — а сам прослыл строителем палат!
Он крепко-накрепко тобой, клубок наживы, скат!
Гнушил ты: «Взятки — страшный грех!» — и брал, забыв запрет!

Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет!

«Не проклиной!» — таков завет, но ты всегда, всегда
Находишь повод, чтоб проклясть, не ведая стыда!
А если золото сверкнет — стряслася ль вдруг беда?
Найдется ли в твоей душе такая ерунда,
Что тех унизят, чья душа возвышена, горда?
 Нет, не поймешь ты сам себя, хотя поймет весь свет!
 Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

В овечьей шкуре старый волк, запомни: быть беде!
Твоя душа посвящена лишь низменной еде!
Теперь доверия к себе не вызовешь нигде!
Поникли замыслы твои, как воры на суде!
В тетрадь записаны они! Конец твоей звезде!
 Уж всякий верить стал тебе, в тебе лишь веры нет!
 Не надоело ли тебе, скажи, за столько лет?

ИАС, БЕЗДЕЛЬНИКОВ, — ОРДА!

Нас, бездельников, — орда! Пустозвонство — наш завет!

Сплетничать и проклинаять любим мы в часы бесед.
Нам от чтенья пая нет, от писанья — доли нет!

 При невежестве таком судим мы о том, о сем,
 И всечасно мусульман мы проклятьям предаем.

Придираемся к словам и копаемся в делах,
Лишь приметим светлый луч — налетим и втопчем в прах!
Знаем, где хвостом вильнуть, где — нагнать зубами
 страх!

 Тем, кто бросит хлеба нам, возвращаем хвалу кругом,
 И всечасно мусульман мы проклятьям предаем.

В этом — опыт есть у нас, поседела борода,
Вера предков, ислам — наша собственность, да, да!
Борода у нас — пучком! Нам побираться? Никогда!
 Бородой трясем — и лжи отблеск правды придаем,
 И всечасно мусульман мы проклятьям предаем.

Ходим каждый день в мечеть, совершаю там намаз:
Набожными притворясь, бьем поклоны сотни раз.
Молимся и между тем с малчиков не сводим глаз.
 Мы скрываем этот грех в благочестии своем,
 И всечасно мусульман мы проклятьям предаем.

Есть ли повод или нет — спор отменный заведем!
Вздор, заведомый навет — все призванье наше в том!

Ведь любую сплетню вмig про любого мы сплетем,
Даже если б в этот мир рухнул веры нашей дом!
Строим райские дворцы мы намазом и постом,
И всесасно мусульман мы проклятьям предаем.

Мы мечтой о райских днях пьяны, словно от вина,
И всегда спешим проклясть просвещенных имена:
Честь, наука — нам враги, нам свобода не нужна!
Небылицы эти жжем мы невежества огнем,
И всесасно мусульман мы проклятьям предаем.

Обходя свою страну, мы встречаем всякий люд,
Но примерных мусульман лишь в себе мы видим тут!
Вот и гурни во сне и гыламаны к нам идут!

Мы считаем эти сны нашим главным бытием,
И всесасно мусульман мы проклятьям предаем.

НЕ ПУЩУ!

В школу? Сына? Ерунда!
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Хоть над книгами сидит мой сынок по целым дням,
Хоть несчастный мальчуган так и рвется в школу сам,
Но, по-моему, гляр тянет нас к таким делам!
Для реанигии — беда!
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

305

Он еще совсем дитя — трудно ль обмануть таких?
Всей бесплодности наук он не понял, юн и тих!
Он еще хороших слов не отдалит от пустых!
Губит юные годы!
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Мне ни капельки не жаль, что от слез он похудел!
Старший брат его — кош! Вот пример хороших дел!
Пусть умрет, — не допущу, чтоб мой сын картуз надел!
Дать его гяурам? Да?
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Слушайте! Ведь сын-то мой! Что ж печетесь вы о нем?
Это кто ж назначил вас надо мной опекуном?
Нет, мы веру задавать вслед за вами не начнем!

Нет, не стоит и труда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Предоставьте сына мне — он во всем пойдет в меня,
И беспечно проживет, ремесло мое ценя!

Мие алим вчера сказал: — Будь подальше от огня!

Отдавать его туда?

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Убирайтесь к черту! Вон! Сколько длится ваш обман?
Вот уже пять лет, как вы оскверняете коран!
На глаза стал похож мой любимый мальчуган!

Ясно! Сгиньте ж без следа!

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Нет, безбожникам не взять пламя сердца моего!
Пусть в могилу сын идет, но не в школу путь его!
Что о школе говорить? Бредни! — больше ничего!

Лучше — вечная нужда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Хватит сыну и того, что имеет он сейчас!
Лучше смерть его, чем смех видеть мне еще хоть раз!
Если сын мой не сожмет разных мыслей, слов и фраз,
Упадет его звезда...

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пущу!

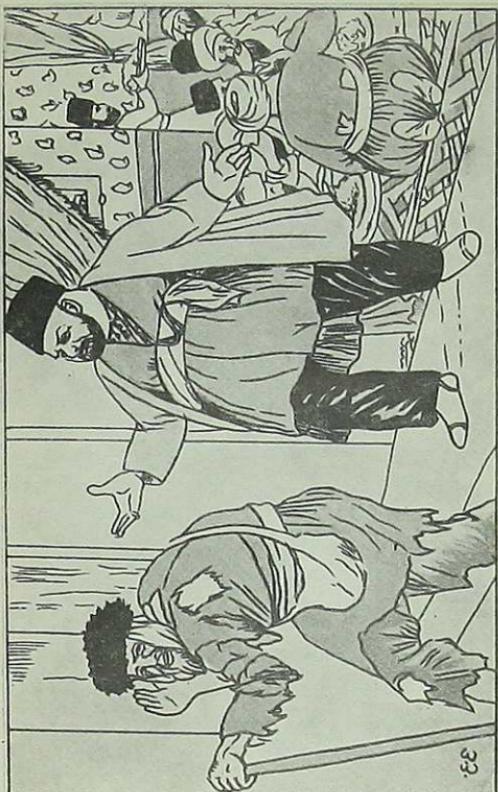


Иллюстрация к сатирическому стихотворению из журнала «Молад-Насралла». Художник А.З. Азиз-заде

Согласиться? Нет, вовек не войду в неверный стан,
Чтобы сына погубил ваш бессмысленный обман!
О предатели, враги настоящих мусульман!
Ждите божьего суда!

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пушу!
Это же для нас беда!
Отвяжитесь! Не пушу!

ПРИМІРНЬ!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись! Покраснел перед семьей? Вновь и снова — примирись!

Стал ты пленником забот — покорись навеки им!
Не старайся, не трудись, волю дай слезам своим!
Против бога не пойдешь — преклонись перед благим!
Мусульманином ты будь, а не кем-нибудь другим!
Хочешь благ? Они придут! Помни слово: примирись!
Ты попад в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Жизнь твоя тебе горька? С горем дружбу ты сведи!
Брось надежды, будь ленив, пустоту храни в груди!
Перед волею судьбы голову склонив, ходи!
На взлестившего в простор ты без зависти гляди:
Он, неверный, не постиг смысла зова; примирись!
Ты попал в беду, бедняк! Что ж такого? Помирись!

Угнетатель гнет тебя — думай: это злобный рок.
Повелитель бьет тебя — думай: так велел пророк.
За бессилье — не к себе, отнеси к другим упрек:
Верь, что близкий иль чужой на нужду тебя обрек!
Не отверги ни того, ни другого — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примиши!

Станет слишком тяжело — плачь, хоть нам противно, плачь!
Средств иных и не ищи — только непрерывно плачь!
Ты от мира откажись — жалобно, призываю плачь!
Мыслам завяжи глаза — долго, нензывно плачь!
Плюнь на гордость и на честь! Честь слепого —
Ты погоди, брат, сиди, а я примирись!

Вздумал сделать что-нибудь — сделай, как велит ислам!
Зло помещика сноси, уподобившись ослям!
Сей, коси, а толстый бек с хлебом спрявится и сам!
О правах своих не знай, спи, доверься небесам!
Спи, не мучься, не вставай против злого, — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

На гляров не гляди, совершай без них свой путь!
Выбирай полегче труд, о канонах не забудь!
Добывай детям хлеб, услаждай молитвой грудь!
Чтоб души не омрачать, ты чернорабочим будь!
Деньги беск забрал твой? Ты без крова? Примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Понимаись!

Если же сила в теле есть и крепка твоя рука,
Без стыда лицо твое, зло не сходит с языка,—
С болью, горем и нуждой ты кончай наверняка!
Есть на свете ремесло, славное во все века:
Бей — бери! Громи — бери! Режь без слова! Возгордись!
Ни седого не щади, ни грудного! Возгордись!
Обнял злого — возгордись!
Смял родного — возгордись!
Что там совесть? Что там честь?
Вновь и снова — возгордись!

Ах, старое время, благие дела!
Из каждого дома мне доля была:
Плов, масло, и сахар, и чай, и... хвала!
Что делать? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Теперь вообще мы попали в беду:
И трех приношений не видим в году!
Мы рады терпеть и такую нужду,
Но что же? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Проводят собрания у нас без числа,
На нескольких фразах кончают дела,
А слава ахунда куда-то ушла!
Что делать? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

ПОЧЕМУ Я НЕ СОЧУВСТВУЮ ШКОЛЕ?

Сочувствовать школе? Ну что за народ?
Доход не растет, не растет, не растет!

В глазах твоих ужас, газетчик, возник:
Ты ей посвятил и перо и языки!

Я ж верное слово скажу напрямик:
Не вижу я пользы от этих забот —
Доход не растет, не растет, не растет!

Насыщается в школе: «Свобода! Права!»
И станут щенить в год из года права!
Ахунду ж противны народа права!

Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
Доход не растет, не растет, не растет!

Мне пользы от школы совсем не видать —
Проклясть мы такую должны благодать!
И всем это ясно! О чем рассуждать?

Не вижу я пользы от этих забот —
Доход не растет, не растет, не растет!

Начнут эти дети учиться сейчас,
Получат бесчисленных знаний запас,
А после, конечно, возьмутся за нас!
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
Доход не растет, не растет, не растет!

Но если бы школьное дело тишком
Доверили в руки мои целиком?
О, я дорожил бы подобным куском!
Теперь же — что толку от этих забот?
Доход не растет, не растет, не растет!

ПОСТОРОНИСЬ!

Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!
На скакках обогнав других, упрям, идет!
Во весь опор, наперекор врагам, идет!
Всем странам показав пример, и впрямь идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Посторонись! Эй, не зевай! Эй, будь умней!
Ловить, валить, давить, скакать, загнать коней!
Гореть в поту, скликать сынов страны своей!
О нация, иу кто тебе служил честной?
Крича о равенстве, любви, к друзьям идет...
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Уж сколько тягостных веков, живя в нужде,
Свою честью дорожа всегда, везде,
При солнце рвением горя и при звезде,
А пять последних лет — ну сплошь в борьбе, в труде, —
Всех удивляет на земле, а сам идет...
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Как? Я ошибся? Докажи! Какой позор!
Цыц! Я уместно говорю, не суйся в спор!
Кто? Я пристрастен? Я-то? Я? Ну, что за вздор!
К чему улыбочка твоя, лукавый взор?
Подумай, смех к таким большим делам идет?
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

А ну-ка со вниманьем сам на мир взгляни!
Кто счастлив, кроме мусульман, в такие дни?

Иран ли, Турцию возьмем — цветут они!
Мечтой Марокко и Китай соедини —

Восторг из глубины души к глазам идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Вот арнауты поднялись — их не узнать!
А вот в Кавзине собралась для споров знать!
Вот мусульманам остров Крит мешает спать!
А вот сектанты в Бухаре шумят опять!
Ты посмотри, разброд по тем краям идет?
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Российских правоверных вот дела встают, —
Заботы истых мусульман, живущих тут!
Вот воскресенья, лавки их, — торговый люд!
Вот случай в Думе, совесть их, их честный тур!
Почет заслуженный и к ним и к нам идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Вот просвещенные твердят: Кавказ, Кавказ...
Их страсть к жеманницам на ум пришла как раз!
Вот их расходы на ислам — пойми: на нас!
Вот просвещения плоды, — великий час!
Ведь польза, нация, твоим сыном идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Так почему ж мы не должны при этом всем
Быть счастливы и быть горды своим трудом?
Вот — наше рвение! Вот — лицо! Вот — стыд на нем!
Где недостатки? Укажи — в огонь швырнем!
Пойми, да разве нам в доход наш срам идет?
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

И нашу смелость восхвалить не премину!
Ведь мы без смелости давно пошли б ко дну!
Теперь мы боремся за жизнь для всех одни!
За дружбу, за одну судьбу, одну страну!
Пусть против нас поход и тут и там идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

Послушай, где же среди нас раздор, вражда?
Друг к другу ненависть — позор! Согласен? Да?

Вот единенье, дружба, мир — без них беда!
Собранье? Вот оно! Меджлис? Смотри сюда!
Нет ни проклятий, ни вражды! О, никогда!
Нет браны, сплетен, клеветы! Душа горда!

Ты лжешь, что речь про нашу страсть к деньгам идет!
Эй, парень, прочь!.. Раздавит конь!.. Ислам идет!

МЫ И ДРУГИЕ

Эпоха с нами говорит, а мы — молчок:
Под грохот пушек мы поспим еще часок!
Уж для других людей пустяк — аэроплан,
А мы глядим: автомобилы! — и наутек.

Зарыты в землю мы давно людьми кибы
И за полетом тех, других, следим из мглы.

БУКЕТ ЦВЕТОВ

Иранец говорит: я правде рад всегда.
Османец: мой народ свободе брат всегда.
А проповедник что? — Пусть оба пропадут,
Лишь был бы я один сын и богат всегда!

Барышник, он всегда купить-продать готов:
Посредник торгашу подмогу дать готов.
А вот молла — поспать, вскочить, свершить намаз,
Перехитрить, надуть, обворовать готов!

Журналы вышли в свет — чтоб их читал народ,
Чтоб из статей себе примеры брали народ.
Что ж мыслит тот, кто нос ученый свой задраил?
— Они нужны, чтоб их лишь черный знал народ!

Не думай, что в мечеть свершать намаз спешит, —
Нет, проповедник мой не с тем как раз спешит:
Он продал седжаду, что своровал вчера,
И вот он за другой туда сейчас спешит!

ПРИШЛА ПОРА!

Слуги верные мои! Не спать — вставать пришла пора!
Пробытайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Собирайтесь тайно в круг, совет держите меж собой!
Пусть Энджан и Решт свой мрак забросят в уголок любой!
Конституцию чернить должны вы все наперебой!
О владычество моем пускай напомнят ваш разбой!
Затевайте мятежи, вам наступать пришла пора!
Пробытайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Пусть послания мои в урочный час не сгинут зря,
Пусть решения мои — моло я вас! — не сгинут зря,
Пусть веления мои —наказ, приказ — не сгинут зря!
И обеты пусть мои — в который раз! — не сгинут зря!
Мемдели Кязима честь вам поддержать пришла пора!
Пробытайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Агали, что в Одессе я плел за интрижкою роман:
Помни вотчину свою, тянула я нити в Тегеран!
Сохрани меня аллах, — не забывал я весь Иран!
Ах, в душе всегда хранил я Решт, Казвин, Керман,
Энджан!

Я наладил все дела, вам — продолжать пришла пора!
Пробытайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Не считайте, что теперь в Иране нет моих людей:
Тысячи их прибегут, как только крикну: — Слуги! Эй!
Я приказы что ни день им посыпаю все лютей, —
До могилы мне стоять на страже тьмы, штыков, плетей!
Помощь мне в моих трудах вам оказать пришла пора!
Пробытайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Видите, какой разброд? В каком огне Иран сейчас?
Растерялся весь меджлис, безумный страх его затряс.
Что корабль до мачт в крови, — уже ничей ни видит глаз!
Конституцию никто от издыхания не спас!

Не зевайте ж! Нам Иран к рукам прибрать пришла пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

То клянется человек, то вдруг в отставку подаст, —
Разве же не понятно вам, какой полезный это ход?
Из Наджафа мучтенид не зря ведь вам посланья шлет!
Шлет их честная рука, — клеветникам зажмите рот!

Нужно действовать, друзья! Открыто встать пришла
пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

* * *

Нет, нет, отшельнику нельзя! Нет, мой портрет не для него:
Себялюбивые глаза до тьмы низводят правды свет!
Пускай на скромный мой портрет взирает светлый человек,
Который, истину любя, во всем находит правды свет!

* * *

Когда бы объявил аллах, что за безделье он
Из рая гурй выгнал вон с гылманами зараз,
Отшельник, правду мне скажи, ни слова не скрывай,
Ты расстелил бы коврик свой, чтоб совершить намаз?

* * *

— Кто просвещенный? — я спросил и услыхал в ответ:
— Тот, кто религию отверг и святости лишен.
Я про отшельника спросил и услыхал в ответ:
— Всего лишенный, лишь карман большой имеет он!

Теперь к иранским беднякам беда вовек не подойдет:
Ведь эта партия отдать всю кровь готова за народ!

Нам редкостная прыть ее к делам народных масс видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Горсть шустрых беков, сытых молл и тучных, медленных
каэзин

Вошла в меджлис — и узнаем мы про заем — вообрази!
И в новой славе встал Иран, а старая — лежит в грязи!
Благослови ты их, аллах! А прочих — громом порази!

Страна — как райский уголок нам в сей блаженный час
видна!

Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Хотя разрушен и сметен землетрясеньем был Тавриз,
Хотя Восточный с ним Иран себе от горя пальцы грыз,

Увы, услышав дальний гул, не дрогнул лишь один меджлис:
В нем склонность денежки считать и совершать намаз

видна!

Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

УДАЧА

Да, брат! Иранский жив народ! Всем страсть его
сейчас видна!
Горячка новых обществ нам уже не в первый раз
видна!
Куда ни глянь — сверкает мысль! Она в сиянья глаз
видна!
И что ни шаг — прогресс, расцвет! Весна и без
прикрас видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Ах, боятся скорбные сердца живей при чтении газет,
От этих радостных вестей исчез былого горя след,
И так светло у всех в груди, что из-под век струится
свет!
Волна событий со страниц сквозь темень общин фраз
видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

И если обратим свой взор мы на иранские дела,
Особенно, друзья мои, на тегеранские дела,
На помыслы ученых душ, на бекско-ханские дела,
На то, как сотни партий в день рожают дворянские дела, —
То вместо распри и измен нам жизнь как напоказ
видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

У них есть партия одна. Она умеренной слывет.
Как всем отраден взгляд ее, ее стремление вперед!

Нет газетчиков! Простор, о собратья, только нам!
Скоро пост — и весь доход, без изъятия, только нам!
На минбаре и хвала и проклятия только нам!
Насладимся наконец мы вполнел! Ай, джан, ай, джан!
Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!

АЙ, ДЖАН, АЙ, ДЖАН!

Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!
Наконец-то заживем в тишине, ай, джан, ай, джан!

От злодеев мы укрыть волосочка не могли,
Из-за подых нам пришлось быть посмешищем земли.
Браво! Сами унялись! С чем явились — с тем ушли!
Как привольно стало вдруг нам в стране, ай, джан,
ай, джан!
Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!

Ветер, спой: Молла-Гавам, нету дряни, — мы живем!
Чтоб узнал Молла-Садам в Ленкорани: мы живем!
И послал невеждам весть: — Гибель браны! Мы живем!
Пой в мечети и пляши! Враг — в огне! Ай, джан,
ай, джан!
Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!

О великом торжестве ты в Кавкае объяви:
Нет журналов и газет! Всех к молитве призови!
Есть один теперь закон: как надумал — так живи!
Мы свободны наяву и во сне, ай, джан, ай, джан!
Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!

Ты молле гаджи Баба, что в Кубе, скажи: хвала!
Нет газет! Холера их без пощады унесла!
Эй, мюриды, все сюда! Чья душа не весела?
Кто от радости такой в стороне? Ай, джан, ай, джан!
Все газеты до одной не в цене, ай, джан, ай, джан!

* * *

Я — зеркало моей эпохи: я поэт.
И не один во мне, я знаю, отражен.
Так, «Некто» поглядел недавно на меня —
И в зеркале себя увидел сразу он!

* * *

Сказал везири шах: — Я плачу потому,
Что в зеркале урод мне виден раз в году.
Везир ему в ответ: — Представь, как плачу я,
Когда ты у меня всечасно на виду!

* * *

Мое несчастье только в том, что ни одна болезнь
Не держится во мне хотя б с рассвета до темна:
Пошло такое их число походом на меня,
Что и минуты устоять не может ни одна!

* * *

Детским почерком письмо ты подложно написал,
Сколько всяческих угроз разбросал ты по письму!
Но бабайками пугать можно разве что ребят,
А тебя узнал Сабир, — мифы не страшны ему!

ИГЛА

Пой, восторгом окрылен, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Наконец-то в мире вздох услышан твой,
Ясный месяц блещет вновь над головой:
Шах твой вспомнил о тебе в тоске живой!
Так сияй, как небосклон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Тень владыки на себе ты восхвали:
Уйму всяких благ несет он издали!
Слушай, едет в гости к вам сам... Мемдели!
Мичись встречать во весь разгон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Как тебе печаль и скорбь не растоптать?
Вскликни, счастье обретя: — О благодать!
И до страшного суда ты можешь спать!
Да приснится сладкий сон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

ПРИЗНАНИЕ АБДУЛ-ГАМИДА

Не думай, что строгать, рубить и резать я люблю
С тех пор, как плотничье постичь решил я ремесло:
Ах, боже мой, еще в те дни, как я султаном был,
Я резал, бил, ломал, рубил — да так, что трон трясло!

СОН

О «Плут», о приятель порочных людей!
«Будь сон твой к добру!» — пожелай поскорей.

Мне снилось, хочу я тебе рассказать,
Как будто в Баку я вернулся опять.

На дальней окраине где-то живу,
Гуляю по улицам, как наяву.

С тех пор, как подлунная наша стоит,
Имели они ужасающий вид!

Теперь же, о радость, нарядны они,
Повсюду фонарные блещут огни.

Бывало, идешь — никого на пути!
Теперь же почти невозможно пройти.

Особенно людно у входов в дома.
(Причину узнать любопытно весьма!)

Тут всякие лица — повершишь, не счасть!
И важного рода и с именем есть.

Стучатся к любому, беседы ведут,
С иными поближе знакомятся тут.

Берут заверенья, дают им деньжат,
Прощаясь, чувствительно благодарят.

Одним — сократить обищанье дают,
Другим — без конца обещанья дают.

Мне очень хотелось понять как-нибудь
Той купли-продажи загадочной суты!

Но слишком я был удивлен, потрясен,—
Увы, я проснулся... О вещий мой сон!

Мой «Плут», — ты догадлив и мудр, — объясни:
Те улицы, лица — что значат они?

Мудрец, растолкуй ты как следует мне,
Откуда подобное чудо во сне?

Низедар

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Твой сон, «Низедар», интересен и нов
И я объяснить его тут же готов.
То гласные снились, — сомненья гони!
И улицы так разубрали — они!
Сбирают они голоса по ночам.
Не глуп — в остальном разберешься ты сам!

— Приметы нет, — Гаджи в ответ молвил тут, —
Отдам, а женщины начнут пересуд:
Во что тогда они квашию завернут?
Отдать я рад, Халиуллах, в честь тебя,
Но пусть в дому лежат, аллах, в честь тебя!

ГУРБАН-БАЙРАМ

У толстопузого байрам — ай, байрам!
У бревновшего баран — ай, баран!
А миллионщик потерял... счет пирам!
У них обряд, Халиуллах, в честь тебя!
А бедняки вопят, аллах, в честь тебя!

Соседи вышли, как всегда, на порог.
У них и нация одна и пророк.
Но бог на разную судьбу их обрек:
Один богат, Халиуллах, в честь тебя,
Другой — во тьме заплат, аллах, в честь тебя!

Сын одного идет гулять — разодет!
На нем лишь галстук удивит целый свет!
Отца в неистовство привел пустощет,
Глаза блестят, Халиуллах, в честь тебя!
А бедный без деньжат, аллах, в честь тебя!

Смотри, смотри, Гаджи-Пир к нам идет,
Не даст и кости никому живоглот!
Сосед-бедняга палец свой лишь сосет!
Гаджи пузат, Халиуллах, в честь тебя!
Распухнет он стократ, аллах, в честь тебя!

— Гаджи, — сказал я, — хоть одно загадай:
Куда по смерти попадет скупердай?
Бараны шкуры школярам ты отдан:
Согрей ребят (Халиуллах, в честь тебя!),
Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя!

* * *

О фея свободы! С тех пор, как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу тобою лишь биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда!

МОЯ ДУША

О сокол стремлений, душа моя, вдаль,
Как дума моя, воспари, унесись!
Лети, поднимайся в бескрайнюю высь,
А в теле моем обитает печаль!

В обители этой ты будешь пытать,
Поверь, ты для муки останешься в ней:
Не сможешь избыть ты печали моей —
И, нежная, станешь сама горевать.

Покинь это тело! Ведь это не я!
Гебе не под силу разлука со мной?
Но ты — это я, только облик иной,
Но я — это ты! Ты навеки мой!

Уйдешь ты — уйду я с тобой заодно!
Мы пленики в немощном теле, увы.
Враги! Мой смерти не радуйтесь вы:
Покуда есть мир, мне пропасть не дано!

Мы счастья, душа, на земле не нашли!
Скорее же в мир неизведанный тот,
Где сын человека забвенье найдет,
Лишь в землю опустится горстью земли!

Когда я уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя заря!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

ОТШЕЛЬНИКУ

Закрыв глаза, открай в молитвах рот,
Не принимая смысла их в расчет!

Ты с любопытством не гляди на мир,
Где яркий свет над истиной встает!

Тот не постигнет тайнства любви,
Кто лицемерные поклоны бьет.

В плену молитв не отрицай любви:
Кто любит, к божеству все ближе тот.

Меджнуном Гейса зря не называй,
Пока лицо Лейли не промелькнет!

О, не сиди, мужчина, в уголке,
В нем ожидая истины восход!

Стремишься к милой? — Покажу, иди!
Глаза открыты? — Вот, родная, вот!

Ты видишь совершенство? Восхвалить
Оно умение мастера зовет!

Но где тебе иметь правдивый глаз,
Чтоб видеть блеск ее земных красот?

Чтоб с воплями по селам ты бродил,
Моленья не свершив ни разу в год!

Чтоб ты в проклятьях подражал певцу,
С его стихами уходя вперед!

ОТШЕЛЬНИКУ

Закрыв глаза, открай в молитвах рот,
Не принимая смысла их в расчет!

Ты с любопытством не гляди на мир,
Где яркий свет над истиной встает!

Тот не постигнет тайства любви,
Кто лицемерные поклоны бьет.

В плену молитв не отрицай любви:
Кто любит, к божеству все ближе тот.

Меджнуном Гейса эря не называй,
Пока лицо Лейли не промелькнет!

О, не сиди, мужчина, в уголке,
В нем ожидая истины восход!

Стремишься к милой? — Покажу, иди!
Глаза открыты? — Вот, родная, вот!

Ты видишь совершенство? Восхвалить
Оно уменье мастера зовет!

Но где тебе иметь правдивый глаз,
Чтоб видеть блеск ее земных красот?

Чтоб с воплями по селам ты бродил,
Моленья не свершив ни разу в год!

Чтоб ты в проклятьях подражал певцу,
С его стихами уходя вперед!

* * *

Земля на краткий срок жилищем нам была.
 Пусть ни один вопрос не разрешен земной,
 Но с каждым годом был все шире стан врагов,—
 Затем, что жили мы лишь правою одной!

ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МЕМДЕЛИ В ЕВРОПЕ

Мемдели

Сжалься надо мной, мадмазель!
 В сердце страшный зной, мадмазель!
 Я еще в Одессе мечтал
 О тебе одной, мадмазель!
 Нетерпенье шаха пойми:
 Скрыть тревоги след я хочу!
 Жить с тобой без бед я хочу!

Барышня

Убирайся вон, Мемдели!
 Весь в крови твой трон, Мемдели!
 Не могу я видеть тебя,
 Слышиа бедных стон, Мемдели!
 Потопил Иран ты в крови!
 Я грозы тех лет не хочу!
 Жить с дубиной? Нет, не хочу!

Мемдели

Я грознее туч был для них!
 Как судьба, могуч был для них!
 Окруженный славой, богат,
 Я, как божий луч, был для них!
 Не забыл Иран обо мне!
 Видеть славы свет я хочу!
 Жить с тобой без бед я хочу!

Б а р ы ш н я

Ты — забытый всеми подлец,
Твой давно растоптан венец!
Современный деспот Немруд,
Где твоим злодействам конец?
Я с тобой, презренный стократ,
Изумлять весь свет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

М е м д е л и

О, не думай ты, что Иран
Превратился весь в чуждый стан!
Кликуны — волки-слуги сейчас
Отвояют мне Тегеран!
Растерзать народ-баранту,
Дать на все ответ я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

Б а р ы ш н я

Ты, пожалуй, прав, Мемдели,
Но часы иные пришли!
Не погибла честь! Берегись
Ты синов иранской земли!
Не свершишь ты подых затей!
Буйствуя, пустощет, — не хочу!
Слушать мерзкий бред не хочу!
Ты судьбой отпет, — не хочу!
Гнить за низким вслед не хочу!
И отстань ты раз навсегда!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

ОТСТАВКА АЗРАИЛА

Азраил сказал творцу: «О творец земли, внемли!
Некий врач в подлунной есть, с ним пришел конец
земли.

Лишь по знаку моему отойдет один больной —
Тысячу здоровых он сводит с вечной тишиной.

Если этот врач вот так будет действовать и впредь,
Из твоих рабов никто не сумеет уцелеть.

Разреши мне, о творец, злой души лишить его,
А не то — погубят он всех людей, до одного!

Если этой просьбы ты не приемлешь в вышине,
То, благой, не откажи ниспослать отставку мне.

Ты любую должность дай — я без слова полечу,
Но, премудрый, повели Азранлом быть врачу!»

ОТЧЕГО ПОГИБ ИРАН?

Коль плачет муж, из глаз и честь его течет!
Иран, и ты в слезах — как муж бесчестный тот!

Когда трусливый шах бежал, оставил трон,
А следом унеслись и тысячи господ,

И вдруг во всей красе у власти стал меджлис,—
Мы думали: Иран самим собой встает!

Мы думали: вручен избранникам Иран,
И нам отраден был достоинства приход.

Казалось: наконец дела пошли на лад,
И не один недуг залечится, пройдет.

Но посмотри: пока мы верили в расцвет,
Каким событиям настал у нас черед!

Все проходимцы вдруг взялись руководить,—
И первый встречный — вождь, и к цели вас ведет!

И вот уже меджлис в кофейню превращен —
Возвышенный итог их рвенья и хлопот!

Течет рекою чай, дымится жирный плов,
Потом — кальян в зубах, а там — и сон придет!

Голубчики мои, ведь это же меджлис!
Кто ж к правде здесь призвал? Кто требовал свобод?

Какой вопрос большой меджлисом обсужден?
Каким решеньем здесь обрадован народ?

Нет, нет, почтенный, нет, не заблуждайся, друг,
Что дело у таких по совести идет!

Да, правда, в некий миг Иран познал добро:
Свободы дивный луч украсил небосвод!

К народу перешли народные дела,
И мнилось, что вопрос мы разрешим вот-вот!

Ну, а теперь, скажи, возможность эта есть?
Свои дела Иран в порядок приведет?

А знаешь, ведь любой из главарей страны
Хотел придать делам достойный оборот!

Но вся беда лишь в том, что у обретших власть,
Бог знает почему, слеза потоком бьет!

Сперва всплакнула один, а вслед за ним и все!
Слепцы же громкий смех пустили тотчас в ход!

И дело, как мертвец, теперь в кругу лежит,
Лежит — и уж никто к нему не подойдет!

Да, то, что всех влекло, забыто, отшло,—
Все — в лапах личных дел и мелочных забот!

Арену увидав свободной от людей,
Единственную цель признал делец: доход!

И каждый захотел в сановники попасть;
Кто титул раздобыл, тот знатным и слывет.

Любым путем они втираются в меджлис,
Чтоб «просвещенным» стать, снискать себе почет.

О, сколько, сколько их, чей титул слишком нов:
Тот беком стал, а тот по-хански речь ведет.

Арену заняли мужи — счастливцы, знать,
Все те, что сам взлетел и свой возвысил род.

О деле помолчи! Ведь я уже сказал,
Что дело, как мертвец, лишь погребенья ждет.

И «Эй, ханехараб!» — никто не крикнул им:
Страну с землей сравнял круговорот!

Вас к титулам влечет властительница страсть,
Но честный человек не титулом живет!

И ты хоть Самом будь, хоть Нариманом стань,
Но титулу не быть основой дел, работ!

От человека ждут лишь дел и только дел,
И в мире славен тот, кто жизнь нам отдает!

Скажи теперь, какой преграды больше нет,
Мешающей итти стране твоей вперед?

Лишь кузница одна, где титулы куют,
Сжигая все дела, греметь не устает!

Ты ль спросишь, отчего погиб, исчез Иран,—
Когда ты понял суть вопроса исход?

ПОСТЫДИСЬ!

Не тверди ты без конца, что ты знатен и богат,
Слышишь, эй!
Что имеешь в сундуках не один миллион деньжат,—
Стыд имей!
Что, почетом окружен, ты благочестив и свят,—
Стой, не смей!
Что, гаджи и мешади, ты от громкой славы пьян,
Всюду зван.
Что еще ты кербалай, что у ног твоих кальян,
А в руках твоих коран!

Ладно: ты благочестив, набожен и чист во всем,
Стал святым!
Дом до крыши ты набил удивительным добром,
Дорогим!
На меху пальто твое, роскошь, красота кругом!
Как же! Чтим!
Комнаты! Балкон! А двор! Твой просторный, светлый двор
Тешит взор!
Жирный плов и фисинджан — все, что сердцу надо, есть!
И шербет — услада есть!

Но в соседстве — снег, буран, жертвы снегопада есть,
Стон людей!
Плач голодных и нагих, пир для злого взгляда есть!
Не лютей!
Ты ж повсюду шарият прославляешь с давних пор —
О позор!
Помощь бедным — это ж часть твоего уклада есть,
Мусульман отрада есть!

Будь же совестлив, святой!
Голову свою открай
И, проветрив, не тверди
О религии пустой!

* * *

Ты — закадычный друг купцов, Новруз!
Ты — богачам веселый зов, Новруз!
О праздник нации моей, зачем
Ты стал страданьем бедняков, Новруз?

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

Задить шербетом глотки молл с далеких дней ты рад,
Твой энатный пир — всегда для тех, кто энатен и богат,
Веселый, всех ты веселишь, но почему лишь бедняки
Смущению опускают взгляд в кругу своих ребят, Новруз?

ПЕРЕВОДЧИКУ ШЕКСПИРА

Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав
С душой Отелло о себе, заклокотала, как гроза,
И, плонув молнией, она вскричала: — Что за перевод!
А ты зажмурился: видать, плевок попал тебе в глаза!

* * *

Болезней тяжких сонм расширил сердце мне, —
Я верна, что помочь должна мне в горе печень.
Но злобная судьба с надеждой не в ладу:
Коварная, моя разбухла вскоре печень!

НОВРУЗ

Хвала аллаху, вот опять счастливый день у нас:
Пришел Новруз — и старше мы на целый год как раз!
Хоть нам среди древнейших стран и мало лет как раз,
Два новых года вместе с тем в одном году у нас:

Ты с детства отмечал Новруз и Магеррам, старик.
С одним — прекрасно, а с другим — печально нам,
старик!

Мы издавна в одном году два года признаем:
В одном — всего одна луна, одиннадцать — в другом.
Одиннадцать прискорбных лун в слезах мы топим дом,
Луна веселья — и кишиши мы, чмокая, жуем.

Нам этот праздник почитать велит ислам, старик.
От Зороастра перешел он к нашим дням, старик.

Новруз — и мы поем, орем, и каждый разодет,
Сойдемся душ по пятьдесят — и по гостям чуть свет!
Мы, в дом любой влетев гурьбой и прошумев привет,
Пьем чай с конфетами, едим — нам вовсе дела нет,
Что вся хозяйская казна равна грошам, старик.
Обычай — влезть под праздник в долг, ты знаешь
сам, старик.

Когда арабы нашу рать разбили в оны дни,
От нашей древней веры прах оставили они.
И мы обычаем не чтим, что чтили искони,
Лишь этот благодатный день помыне нам сродни.
Ведь это очень нужно нам, так нужно нам, старик.
И разве мало зла чинил нам твой байрам, старик?

Но в этом празднике у нас и недостаток есть!

* * *

Я жажду смерти, а она
Все убегает от меня!
Ах, даже смерти злой каприз
Переносить обязан я!

* * *

Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь:
Предстать пред судией всевышним я готов.
Иду не без даров, нет, руки не пусты:
Иду, неся в руках дары моих грехов!

РАЗГОВОР ДВЕНАДЦАТИ

Адвокат

Я, называя зло добром, грехами многими оброс.

Врач

Мое лечение принесло родне больных немало слез.

Купец

Я всех искусств был во лжи, я даже в правду ложь привнес.

Розехан

Брав деньги с ближних, вызывал в них горе до корней волос.

Дервиш

Я всюду открывал базар: сбывал я бредни, гол и бос.

София

Доверчивых я с толку сбил, крича об истине всерьез.

Молла

В день издавая по фитве, немало сеял я угроз.

Наука

Я разуверилась, слегла — и смял цветы мои мороз.

Невежество

Я пировало — и мои надежды всякий превознес.

Поэт

Я только сказки сочинял про соловья в объятьях роз.

Невежда

Когда всей мудрости испил, я к темноте совсем прирос.

Редактор

Чтоб не зиял газетный лист, я скучный удлинял вопрос.

МАЛЕНЬКАЯ СЦЕНКА

Когда весть о свободе дошла до иранского крестьянина, тот, пав среди пашни на колени, воскликнул:

Наконец-то свет всем народам дан,
И свободу вдруг получил Иран!
Власть плетей теперь сметена совсем,
И сметен ее старшина совсем.
Не горит свеча векового зла —
И моя страна снова в рай пришла!
Не минет теперь наша знать беды,
Беднякам теперь не узнать беды!
И никем, батрак, ты не будешь бит,
Не потерпишь зря никаких обид!
Нет, богач на нас не поднимет рук,
Не познаем мы нестерпимых мук!

Но не успел крестьянин до конца излить свою радость, как появился вездесущий наемник иранских властителей — фарраш. На глазах у изумленной семьи скрутив беднягу веревкой, фарраш погнал его ко двору помещика.

Весь красный от гнева, помещик выскочил на порог с криком:

Целый месяц вот, как поля пусты, —
Где же, где, скажи, пропадаешь ты?
Урожай собрал — и к себе домой?
А помещик — что ж, выходи с сумой?
Оббрал баштан — и к себе опять!
Ну, а мне, скажи, ты обязан дать?
Где пшеница? А? Где ячмень, отвешь?!

Про фасоль-горох пусть расспросит плеть!
Наказать тебя мы должны сейчас,
Чтобы всех крестьян проучить как раз!

Дрожа всем телом, крестьянин поклонился помещику в пояс и робко попытался оправдаться:

Видит сам аллах, как несчастен я:
На моих плечах вся моя семья!
Я рашу своих малышей-ребят,
Просят есть они — целый день волят.
В довершение всей, господин, беды
Этим летом я не имел воды.
Весь мой труд сгорел, под землей исчез,
Доходил мой стон до семи небес!
Все мы голодаю — ты же знаешь сам,
Даже черствый хлеб был бы в радость нам.

Услышав это, помещик окончательно рассвирепел. С глазами, чуть не вышедшим из орбит, и с пеной у рта он приказал:

— Эй, приготовьте розги! Разведите костер!.. Накалите железные прутья!

Четыре палача только того и ждали. Налетев на поникшего пахаря, они связали ему еще и ноги, ударом кулака повалили на землю и приступили к выполнению приказа.

Помещик
Эй, давай сильней, за ячмень пригрей!

Крестьянин
Чем такая боль, лучше б смерть скорей!

Помещик
Бейте! Только что я вина вкусил!

Крестьянин
Я умру... умру... я совсем без сил...

Помещик
Бейте! Масла мне не принес, злодей!

Крестьянин
Бескоровный я... пощади... не бей...

Помещик

Это все — меджлис! Непокорный дух!

Крестьянин

Вы сожрали все! Стая жадных мух!

Помещик

От свободы их это все идет!

Крестьянин

Нет, замучил нас беспредельный гнет!

Помещик

Конституция!.. Растирайте впрах!..

Крестьянин

Помоги скорей!.. помоги, аллах!..
Будь же проклят ваш ненавистный род!

УКРАШЕНИЕ МАТЕРЕЙ

Я украшением зову не жемчуг и не лал,
Не вижу я теперь, чтоб жизнь нам камень украла.

Так что ж вас, женщины, влечет к бездушным тем камням?
Будь самым крупным камень тот — для гордых душ он мал!

Твоим бы украшением я, о истинная мать,
Не мертвый камень, а дитя здоровое назвал!

Коль хочешь имя сохранить великое свое,
Мать, воспитай, взелей дитя — начало всех начал!

Лишь жемчуг знаний украсить достоин нашу жизнь,—
Еще ни разу смерти дух его не побеждал!

* * *

Стих — драгоценное зерно, оно — жемчужина певца.
Его, бездумно применив, я унижать не стану, нет!
Сатири из приятных слов со смыслом истинным сложу:
Любитель, насладись, узнав, как вкусен этот мой шербет!

ГАЗЕЛИ

НИ К ЧЕМУ

Поклоннику твоих кудрей тугие сети ни к чему.
Твоим коралловым губам прикрасы эти ни к чему.

Тому, кто видел бровь твою, кибла желанья моего,
Уже не нужен и мехран, и все мечети ни к чему.

Скорее косы распусти, зачем безумцам вместе быть?
Свободу в таких людей держать в запрете ни к чему!

Ты так спокойно почивать в изгибах кос ее не смей,
Затем, что всем влюбленным спать при лунном свете
ни к чему.

Я пьян от радости, что мне ее кораллами дана;
О кравчий, склады лучших вин, — мне все на свете
ни к чему!

С тобой в разлуке я хотел, чтоб сердце кровью истекло,—
Но плакать, милая, тебе, как плачут дети, ни к чему!

Красавица, Сабир испил от губ коралловых твоих:
В горячке сердца помышлять мне о шербете ни к чему!

КОГДА, КАК СЕРДЦЕ, КУДРИ МНЕ...

Когда, как сердце, кудри мне не хочет твой расстроить
взгляд,

Замучь меня, чтоб я ослеп, чтоб не дышал, бедой обят!

Хочу, чтоб в теле у меня страданья были без конца,
И умереть от мук любви, да, умереть я буду рад!

Моя пери, не позволяй врагу бывать в твоем дому,
Чтоб злобный дух не превратил обитель Сулаймана в ад!

На щеки жаркие твои, как эмзи, локоны легли:
Не волшебство ли, что в огне живые эмзи не горят?

Мне говорят, что задалась ты целью умертвить меня,—
О боже, сделай, чтобы все случилось так, как говорят!

Любовь, любовь — моя болезнь! Ты слышишь, врач, оставь
меня!

Придумай, чтобы от нее все средства были невпопад!

В мечтах о встрече, мой Сабир, переноси разлуки боль:
Терпеньем плениники любви каких невзгод не победят?

У ТЕБЯ

Ах, тысячи из-за кудрей в плену замлеши у тебя!
Да неужели столько душ в прекрасном теле у тебя?

В Лейли один влюблен был Гейс, в тебя же — тысячи
Лейли,

И все ж кого-то ищешь ты, кровь не в огне ли у тебя?

Ты слово молвила одно — и вырвал сердце я свое!
Возлюбленная, что ж еще? Слова ль сгорели у тебя?

Когда придет Гурбан-байрам, ты жертвенной овцы не режь:
Страдалец неотступный твой не на костре ли у тебя?

Ты видишь, бедный соловей, как молча гибнет мотылек —
И стоны огласили сад, исчезли трели у тебя.

Любую хворь умеешь ты, о врач, так чудно исцелять, —
Лишь от любовной никаких не видно зелий у тебя!

Всесчастных горестей поток грозится смыть тебя, Сабир,
Но ты не жди: глаза для слез ведь уцелели у тебя!

ТЫ У ЦАРИЦЫ КРАСОТЫ...

Ты у царицы красоты, о милая, венец златой,
Благословенья твоего ждут чаровницы чередой.

Как свод небесный — бровь твоя, как полночь — локоны
твои,
И на седьмое небо ты взошла своею красотой.

Вот кудри черные твои прикрыли милое лицо:
Арабы вышли из пустынь, не пропускают в храм святой!

Лишь тот паломник стал гаджи, кто черный камень
человека:
Дай родинку поцеловать твою, о месяц молодой!

Стрелой косого взгляда ты произношь метко грудь мою, —
Кто наделил тебя, скажи, такой охотничьей чертой?

Так у порога твоего и день и ночь поет Сабир:
Пути иного не нашел! О, не гони его, постой!

НЕ РАСПОЗНАЛ

О сердце, как бы тайи твоих чужой глазок не распознал!
В кудрях пери ты спрячся так, чтоб гребешок не распознал!

Ты хочешь родинки зерно, пичужка глупая, добыть, —
Ах, поскорее улети, чтоб стебелек не распознал!

Пусть ножки, милая, твои — за них я жизнь готов
отдать! —
Потише ходят, чтоб сосед — спаси пророк! — не распознал.

Чтоб ревность не сожгла меня, не открывай своей красы,
Не покажи лица свече, чтоб мотылек не распознал!

Я счастлив, сердце, лишь на миг с возлюбленной наедине:
Утиши биение, чтобы враг не подстерег, не распознал!

Холодный ветер, не коснись ее кудрей, чтоб никогда
Я сердцем страждущим своим, как ты жесток, —
не распознал!

Каабу капищем сочтя, вазы любовь мою хулит,
Но как проведал он о ней, Сабир в свой срок не распознал!

РОСИНКАМИ ИЗ ГЛАЗ...

Росинками из глаз моих жилье твое омою я,
Ресницами сотру я пыль с порога твоего жилья.

Когда в бокале увидал я отражение твое,
Стал виноградных лоз рабом я до скончанья бытия.

Я думал, что легко любить, но опозорился теперь:
Чего бояться мне, когда позор мой видят все края?

С тех пор, как шею я обвил петлей из кос твоих тугих,
Я — чародей: пленился мной могла б Зохахова змея.

Когда б надеялся еще я на свидание с тобой,
Я все б стихии утопил в потоках слез, краса моя!

Не трогай гребнем ты волос: больного сердца не тревожь,—
Ведь зубья гребня твоего для сердца, словно острия!

Сабир, избранница твоя оставила на прахе след.
Хоть ты не ангел, поклонись ты праху, счастья не тая.

О ВИНОЧЕРПИЙ, НЕ ПУСКАЙ...

О виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок,
Чтоб он в мечеть не превратил наш погребок в короткий
срок!

Красавица, своих волос не связывай ты в узелки:
Пойми, что зерна четок нам напомнит каждый узелок!

Ни колдовством, ни волшебством в любви безумцу
не помочь, —
Лишь слово «мнайый» повторяй, забудь слова «ты мне
далек»!

Когда не вижу я тебя, твоих расстроенных кудрей,
Поведай горе гребешку и мне пришли твой гребешок!

Какую сладость я познал, к бокалу горькому склоняясь!
Должно быть, краешек его и ты пригубила разок!

Когда возлюбленных сердца сгорают в пламени любви,
То в целом мире им сродни — свеча и бедный мотылек!

Увидел родинки зерно на дорогом лице Сабир —
И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна его увлек!

КОГДА ЛЮБИМАЯ УЙДЕТ...

Когда любимая уйдет, с тоской во взоре мне стоять.
Проходят годы, но с мечтой всю жизнь в позоре мне стоять.

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом море мне стоять.

Укоры волнами идут, но чели упорства моего
Стонет на прежнем: так всегда при злом укоре мне стоять!

Каких ударов не обрушишь на грудь Бистуна молоток,—
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне
стоять!

Родная, если жизнь равна цене веленья твоего,
То жизнь я с радостью отдаю: на уговоре мне стоять.

Беда ли, если некий час меня предаст небытию,—
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне стоять.

Как в слове «этена» с боков элифы стражами стоят,
Сабиром, окруженным злом, в земном просторе мне стоять.

БАСНИ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВРАЧ И БОЛЬНОЙ

Однажды к врачу обратился больной:
«Ах, доктор, не знаю, что, милый, со мной!
С утра нестерпимо болит мой живот!
Ой, ой, умираю! Спасите!» А тот
Прислушался к пульсу и молвил: «Ответь
Без всяких утаек, что съел ты за снедь?»
Страдаец ответил: «Свидетель господь:
Я съел... подгоревшего... хлеба... ломоть...
А больше, клянусь, я... не ел... ничего!»
Тут пристально доктор взглянула на него
И, капель в пипетку набравши глазных,
В глаза ему ванте вознамерился их.
«Жив-бот!... — мой бедняга воскликнула стена, —
Вы, доктор, не поняли, видно, мен-ня!»
Но доктор сказал: «Эх, чудак человек!
Когда бы не слабое зренье, повес
Того ты не ел бы, что вредно для нас.
Давай-ка приступим к лечению глаз!»

СТАРЫЙ СЛОВНИК

Шли по дороге юноши гурьбой
И вдруг ограду видят пред собой,

За нею — сад, в саду столетний лед
Стучит лопатой, немощен и сед.

Дрожащими руками старина
Какие-то сажает семена.

Смеясь, юнцы спросили: — А, старик!
В чем смысл твоих усилий, а, старик?

Сказал: — Я рою землю, чтоб она
Мне яблони взрастила семена.

Они опять: — А много ли проку в том?
Сегодня ты живешь, а как потом?

Когда созреет то, что сеешь ты?
Пока взойдет, уйти успеешь ты!

Оставь свой труд напрасный, отдохни:
Плодов не вкусишь ты ни в кои дни!

Старик в ответ: — Сажали и до нас,
И труд отцов мы хвалим всякий раз.

И вот мы тоже труд свой отдаем
Для тех, кто завтра вспомнит нас добром.

МУРАВЕЙ

Видели раз, как малый муравей
Большую муху по камням тащил.

Сказали: как для ноши для такой
Хватает слабых муравьиных сил?

Ответили: тут не в размерах суть.
Основа силы — труд, стремление, пыл.

О сын мой! Будь подобен муравью:
В усердье он великое свершил!

Ты не считай в заслугу легкий труд:
Кто мало сделал — мало заслужил!

Нет, славен тот, кто, все преодолев,
В большое дело жизнь свою вложил.

Сметает горы мужество людей —
Хочу, чтоб мужем ты на свете жил!

Чтоб для народа шел ты впереди,
В сознанье долга высшего служил.

Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.

Умри, чтоб имя — это ли не честь? —
Родной народ в сказаньях оживил!

ОДЕЯЛО МОЛЛА-НАСРЕДДИНА

Уж полночь. И сон золотой не одни
Увидел в постели Молла-Насреддин.

Вот так и смотрел бы до самого дня!
Вдруг слышит — на улице крики, возня.

Прикрывши себя одялом, Молла
На улицу выбежал: что за дела?

Какие-то люди — взгляните на них! —
Ну так вот и лезут одни на других!

Он двинулся к свалке, пытаясь узнать
Причину той драки, узнать и разнять.

Но вор в это время подкрался к Молле,
Сташил одеяло — и скрылся во мгле!

Молла удрученный вернулся домой
И молча поник пред своею женой.

И просит жена: — Расскажи что-нибудь
Об уличной драке! Узнал ли ты суть?

— Мое одеяло рассорило их:
Как только убрали — раздор и утих,

ИСКЕНДЕР И НИЩИЙ

Под солнцем, у дороги, на камнях
Сидел один бездомный, нищ и наг.

Премного на него наслено мух,
Томилось тело, и томился дух.

Дорогой той, суров и величав,
Шел Искендер. Беднагу увидав,

Он скажалися: — О пленник нищеты!
Скажи, нужду какую терпишь ты?

Я, царь царей, склонен к твоим словам:
Проси — и я чего захочешь дам!

— Мой шах, — промолвил нищий, — этим днем
Тебя прошу я только об одном:

Чтоб возвратить покой душе моей,
Вели ты мухам улететь скорей!

— Эх, человек! Могу ль прогнать я их?
Они же не из подданных моих!

Проси о чем-нибудь таком сейчас,
Что сразу разрешил бы мой приказ.

— Мой шах! Когда так немощен ты сам,
Не говори: «чего захочешь — дам».

Ведь мухи — что в глазах людей они? —
Сословий всех людских слабей они!

И если ты, о шах, настолько слаб, —
То что с тебя возьму я, жалкий раб?

БОЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНИН

Один крестьянин тяжко занемог —
И дни и ночи только: ох да ох!

Поговорить с больным зашел сосед,
Исполнить долг пред ним зашел сосед.

Спросил: — Чего, сосед, ты хочешь есть?
К чему, мол, у больного склонность есть?

Тот отвечал: — Мне плохо. А в беде
Я не могу и думать о еде.

— А сливы? Ты бы не поел их? Слив!
Янтарно-желтых, вкусных, спелых слив!

Тот простонал: — Ах, как поел бы я!
Я б от души благодарил тебя!

Сосед сказал: — Теперь не лето — да?
Вот перетерпим зиму, а тогда...

— Страшусь конца недели этой ждать, —
Сказал больной, — ну где мне лета ждать?

Ох, скрутит смерть до той поры меня,
Сгинет и прах до радостного дня... —

Мы так привыкли к случаям таким,
Мы сами часто схожи с тем больным.

Увидев наши нужды, богачи
К спасенью подбирают нам ключи.

— Поможем! — обещают. — Наш народ
При нас, мол, никогда не пропадет!

Один, другой вступает в умный спор,
Вдруг денежный начать предложат сбор.

Но лишь на деньги прозвучит намек, —
Тут каждый благодетель — наутек!

Не время, мол, сейчас, как на беду;
Начнем уж лучше в будущем году!

БУЙВОЛИЦА

Некто имел буйволицу. Удай
Он продавал, разбавляя водой.

Выпали как-то большие дожди.
В горе хозяин: доходов не жди!

Все наводненьем объято село —
Ох, буйволицу водой унесло!

Плачет хозяин: — Конец мне, конец! ..
Сын же сказал: — Успокойся, отец!

Столько смешал с молоком ты воды,
Что наконец дождался и беды:

Эта вода разлилася в краю —
И унесла буйволицу твою!

В горе своем ты судьбу не кляни —
Сам ты накликал несчастные дни!

Когда в народе лживым прослышеши,
Тогда и правду все сочтут за ложь.

Не лги вовеки! Ведь родной народ
Лгунов и за сынов не признает!

И не для них любовь его, хвала.
У лживого и дом сгорит дотла!

ЛЖИВЫЙ ЧОБАН

Один чобан на помощь звал в горах:
— Ой, волки! Ой! Скорее на яйлаг! —

Сельчане в горы с палками спешат,
Чтоб уберечь овечек и ягнят.

Увида, как бегут они, скользя
Над пропастью, чобан сказал: — Друзья!

Все стадо цело да и сам я цел:
Я лишь над вами пошутить хотел. —

Ушли сельчане. А чобан опять
Однажды в полдень стал с горы кричать:

— Спасите! Волки!.. — и опять сельчан,
Потехи ради, обманул чобан.

Но вот и впрямь, оскалив хищно пасть,
Решили волки на овец напасть.

И сколько ни кричал, ни звал чобан,
Все думали, что снова ждет обман!

Никто ему не захотел помочь,
И люди молча уходили прочь.

А волки разодрали всех овец...
Итак, мой сын! Вот повести конец:

МОЛЛА-НАСРЕДДИН И ВОР

Шапку схватив у Моллы на ходу,
Вор убежал и укрылся в саду.

Что же Молла? Огорчен, омрачен,
Мчится не в сад, а на кладбище он.

Видя Моллу у печальных ворот,
Люди спросили, чего же он ждет?

— Шапку украл нечестивец мою —
Вот я без шапки теперь и стою.

— Что же ты медлишь? — ему говорят, —
Ведь убежал он, бессовестный, в сад!

Если ты в сад побежишь поскорей,
Выйдешь оттуда ты с шапкой своей.

Молвил: — Не знаю, найду ли в саду —
Здесь же его непременно найду!

ПАУК И ШЕЛКОПРЯД

В листве заметив шелкопряда вдруг,
Каким-то важным, гордым стал паук.

И говорит: — Ну до чего ж ты, брат,
Медантелец! Как вяло ткешь ты, брат!

Вот на меня взгляни: я ловок, спор —
В кратчайший срок я тку большой узор!

Достаточно лишь взгляда одного,
Чтоб оценил мое ты мастерство!

Тот выслушал и усмехнулся: — Что ж?
Ты многоя всяких занавесок ткешь,

Но от твоих изделий проку нет
И, может статься, есть немалый вред!

А я, хотя и не могу, как ты,
Другим служить примером быстроты,

Да только все сработанное мной
Высокой измеряется ценой;

И девушки — в плодах моих трудов,
И каждый мною обладать готов.

Являть образец мы должны для ребят,
Они же на нас неотступно глядят,

Не сводят с дурного и с доброго глаз,
Всему обучаются дети у нас.

Будь честен — и в детях возвысится честь,
Будь чист, чтобы в них чистоту перенести!

ТОРГОВЕЦ И ЕГО СЫН

Лавочонка на диво была у купца,
Он сына держал при себе — молодца.

Но куплю-продажу вел странную он:
Любой покупатель им был ущемлен.

В чужие карманы он, правда, не лез,
Но в лавке царили обсчет и обвес.

Наследник, повадку отца перенял,
Был так же со всеми утклив и лукав.

Однажды отец, не сказав ничего,
Ушел и оставил сыника одного.

Чудесная мысль осенила сыника:
«Невредно бы кассу почистить слегка!»

Он — в кассу рукой, а глазами — в порог.
И видит: отец возвратился не в срок!

Тот барсом метнулся к птенцу своему —
Весь мир покачнулся и рухнул во тьму!

Тут в лавку вошел покупатель-старик
И молвил: — Напрасен твой гнев, хоть велик!

Твое это семя плоды принесло,
Твон в нем уловки, твое ремесло.

НАХОДКА

Мальчишка второпях вбегает в дом
И матери кричит, дыша с трудом:

— Ах, мама, вот! Скорее получи!
Мы счастливы теперь! Мы богачи!

А мать в ответ: — Но как же вышло, сын,
Что мы разбогатели в миг один?

Скажи скорее, что в твоей руке?
— Богатство наше в этом кошельке!

На улице какой-то старичок
Вдруг уронил вот этот кошелек.

Тут потихоньку я его схватил
И побежал домой, что было сил! ..

Уразумев поступок сына, мать
Не стала гнева своего скрывать:

— Откуда кровь такая у тебя?
Да есть ли честь людская у тебя?

Невинный мальчик, что ты совершил?
Свою ты совесть этим омрачил!

Ты истину отверг из-за чего?
Как ты посмел пойти на воровство?

Не верю я, что мы с чужим добром
Возвысимся, богато заживем!

Нет, нет, мой сын! Несчастны будем мы,
В глаза глядеть не сможем людям мы!

Окажешься преступником — и что ж?
Достоинство свое продашь за гроши!

В деньгах немало блага есть, мой сын,
Но нам всего дороже честь, мой сын!

Их запах, вкус родят восторг в сердцах,
И тонки стебли их, ну просто — ах!

Сосна, услышав их, вступила в спор:
— Друзья мои, к чему весь этот вздор?

Подумайте, как голы вы зимой —
И спорить вы не станете со мной!

Я зелена весь век, я всякий час
Ношу наряд, похожий на атлас.

Я так нужна тому, кто строит дом,
Я дверью быть могу, бревном, крыльцом,

Я в стужу согреваю людям печь,
Я всех подезней — сколько ни перечь!

СПОР

Однажды яблоня, сосна и дуб
Поспорили среди зеленых куп.

Дуб начал восхвалять свой мощный стан,
Кичиться, что он ростом великан:

— Гордиться могут мной и сад и лес:
Я достаю макушкой до небес!

И так огромна тень моих ветвей,
Что даже горы могут скрыться в ней!

Толкают ветры, бури в грудь меня,
Но где им, немощным, согнуть меня!

Упрусь ногою, напрягусь плечом,
Пусть молния — и та мне нипочем!

А яблоня ответила ему:
— Твоя чванливость, сударь, ни к чему!

Ты хоть и наделен величиной,
Но как равняться толстяку со мной!

Ведь жалуди твои — ты извини! —
Пригодны в пищу только для свиньи.

Я ж пред людьми стою во всей красе:
И цвет мой и плоды признали все!

Рывком схватив его и быстро съев,
Лисичка вновь сказала нараспев:

— Когда бы в мире не было глупцов,
Переморил бы голод всех льстецов!

ВОРОНА И ЛИСИЦА

С кусочком сыру в клюве, сделав круг,
Ворона села на высокий сук.

Лиса, увидев это издали,
Вороне поклонилась до земли

И, с важностью на корточки присев,
Заговорила сладко, нараспев:

— О госпожа, хвала тебе, хвала!
Ты так стройна, поверь мне, так мила!

С собой украсив этот скромный луг,
Ты столько счастья принесла мне вдруг!

Твой дивный лик дарит мне благодать,—
Позволь тебя царицей птиц назвать!

Твой шелковый наряд — как напоказ!
Твой стан — подальше от недобрых глаз!

Ах, чувствую, как тонок голос твой!
Ах, услади мой слух — скорее спой!

Восторг ворону бросил просто в жар,
Во весь свой рот она вскричала: — Карапп!

От крика чуть не обомлел весь мир,
Но — тотчас выскользнула из клюва сыр!

К ДЕТЬЯМ

Дитя рождается у отца в дому,
Расти — в объятьях матери ему.

Отец идет работать каждый день,
Какой бы ни был труд — ему не лень.

Без отдыха, всегда неутомим,
Он ищет счастья малышам своим.

Всегда в поту, почти голодный сам,
Он добывает хлеб своим птенцам.

Всю ласку детям посвящает мать:
Дитя не спит — и мать не станет спать.

Бедняжка гонит сон от глаз рукой,
Чтоб дать ребенку своему покой.

Его оберегая, то и знай
Она качает ляльку: баю-бай!

Ах, сколько в детстве горя и забот
Родителям любой из нас несет!

Мы, ныне заменяя их в пути,
Должны путем завещанным итти.

Спросив у них согласья каждый раз,
Получим мы полезный их наказ.

«Наш рай лежит у материнских ног», —
Священные слова мудрец изрек,

Должны мы истины рабами быть,
Должны послушными сынами быть!

Дитя, которое не чтит отца
И матери не служит без конца, —

И для себя пребудет век пустым,
И не проявит верности другим.

О дети! Детства золотые дни —
Основа жизни будущей они.

Кто с радостью за свой берется труд,
Чьи знанья каждый день и час растут, —

Тот получает счастье от труда,
Спокойна совесть у того всегда.

А тот, кто знает только лень и сон,
Кто играми одними увлечен,

Кто подружился с темнотою, — тот
Всю жизнь свою страдальцем проживет.

Мон родные! В жизни два пути,
Но лишь одним вам надобно итти.

Одной минуты не теряйте зря,
Живите, жаждой знания горя.

Работайте, не покладая рук:
Достоинство исходит от наук.

Должны вы счастье новых лет добывать,
Должны вы честь и славы свет добывать.

Народная надежда в вас живет,
Об этом вечно говорит народ.

К речам его склоните жадный слух,
Не будь никто к его призыва姆 глух.

Спасите жизнь народа своего,
Залогом счастья будьте для него!

РВЕНЬЕ И ЛЕНЬ

Рвенье жизнью наполняет грудь,
Лень к могиле направляет путь.

Рвенье встретит радость через край,
Ленъ к беде приводит то и знай.

Рвенье украшает сметку, ум,
Лень — причина хвори, мрачных дум.

Рвенье укрепляет гордость в нас,
Лень стыдом сжигает всякий раз.

Рвенье — целый мир перед тобой!
Лень — пустырь забытый, неживой!

Рвенье — человека торжество,
Лень — удел ничтожнейший его!

МАЛЬЧИК И ЛЕД

В школу мальчуган идет.
Вот он храбро стал на лед.

Но шаги сулят беду:
Он лежит ничком на льду!

Встал, и что же сделал он?
Так вскричал он, раздражен:

— Ах ты, лед! Какой ты злой!
Человека — с ног долой!

Вот постой! Придет весна —
И тебе задаст она!

Станешь ты водою, лед:
Речка в речку утечет!

ДНИ ВЕСНЫ

Мчитесь, мчитесь, дни весны —
Хороши, теплы, ясны!

Снег, растай в горах скорей,
Растопись в садах скорей!

Зашуми, ручей, рекой!
Вызрей, колос, вот такой!

Сад, цвети высок, ветвист,
Стань с косынку каждый лист!

ПАХАРЬ

Весь мир в чудесных солнечных лучах,
У пахаря сегодня гордый шаг.

Дав плугу силу, лошади, быки
Идут, скользят и вновь идут, крепки.

Взрыхляет землю пахарь, весь в поту,
Потом бросает зерна в землю ту.

И чем работа жарче и трудней,
Тем больше у него охоты к ней.

Он знает: лишь в труде спокойна грудь,
В старанья, в мужестве — к веселью путь.

Пусть ныне трудно, но зато зимой
И сам он и семья найдут покой.

Он с поля добрый урожай сберет,
Прокормит и семью и свой народ.

Шлет скрипучее перо
Нам о чудной сказке весть.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Эй, сынок, довольно спать,
Школа — наша благодать.
Книга — первый друг тебе,
А второй твой друг — тетрадь!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Ты учителя цени,
Все слова его храни.
Пусть продлятся на года
Твоего ученья дни!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Поучись, экзамен сдай,
Удиви родимый край.
Чти науку, мой сынок,
Ради знаний жизнЬ отдай!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Сад ты мой, моя весна,
Хватит, хватит спать, сынок!
В школу, умник мой, пора:
Оставляй кровать, сынок!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Утро встало уж давно,
В доме больше не темно,
Солнышко глядит в окно —
Светит мальчику оно!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Бойся, милый, долго спать,
Долгий сон — дурная кладь,
Много спать ведет нам лень,
Труд велит — быстрей вставать!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Слушай, слушай мой наказ:
Без науки — как без глаз!
Не ленись, учись, родной:
Темнота — беда для нас!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

В школе слава есть и честь,
В мудрой школе радость есть.

КАКОЕ ДЕЛО МНЕ?

Пусть мрет как хочет мой народ, — какое дело мне?
К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Потише, спящих не буди, пускай еще поспят!
Когда б никто из них не встал, я был бы очень рад!
А если встанет кто-нибудь, — в постель его, назад!
О, лишь бы мне здоровым быть — весь мир да рухнет в ад!
Пусть мрет как хочет мой народ, — какое дело мне?
К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Что из истории земли примеры приводить?
Зачем о прошлых временах сегодня говорить?
Мне с хлебом голубцы неси — вот это наша прыть!
Зачем в грядущее глядеть — мы там не будем жить!
Пусть мрет как хочет мой народ, — какое дело мне?
К врагам за помощью идет — какое дело мне?

Я сыну б родины желал оставаться не у дел.
В грязи по-горло прозябать — презренного удел!
Вдова пусть нищенкой пойдет — терпеть сй бог велел.
Моя же слава пусть растет, не зная, где предел.
Пусть мрет как хочет мой народ, — какое дело мне?
К врагам за помощью идет — какое дело мне?

В какую ни войди страну — несет она прогресс!
Хоть в чем-нибудь страна всегда иметь должна прогресс!
Когда в ночи приснится нам расцвет, весна, прогресс,
Тогда мы с вами обретем и в мире сна прогресс!
Пусть мрет как хочет мой народ, — какое дело мне?
К врагам за помощью идет — какое дело мне?

ПРИМЕЧАНИЯ

Большинство сатир Сабира было опубликовано в 1906—1911 годах в азербайджанском сатирическом еженедельном журнале «Молла-Насреддин» (Тифлис). Почти никаких рукописей поэта после его смерти не сохранилось. Первый сборник стихотворений Сабира был подготовлен к печати другим поэтом Аббас Синатом (1874—1918) и выпущен в Баку в 1912 году под названием «Хон-Хон-намз»; через два года книга вышла под тем же названием вторым, дополненным изданием, легшим в основу всех последующих изданий. После победы социалистической революции в Азербайджане было выпущено четыре издания стихотворений Сабира на родном языке — в 1923, 1929, 1934 и 1948 годах.

Последнее издание (составитель — Г. Самед-заде) является наиболее полным; оно снабжено подробными комментариями.

На русском языке сатиры Сабира в переводах П. Антокольского, Б. Серебрякова, М. Светлова, П. Панченко и др. печатались в различных сборниках и в периодической печати. В 1945 году был выпущен первый на русском языке сборник стихотворений Сабира под названием «Избранное» в переводе поэта Павла Панченко (Баку, изд. «Азернефть»). В 1946 году небольшой сборник басен и стихотворений Сабира для детей в переводе того же поэта был выпущен под названием «Подарок школьникам» в Баку Детюниздатом; второе — дополненное издание вышло в 1949 году.

Настоящее издание охватывает, за исключением некоторых стихотворений, все, что было опубликовано в указанных выше сборниках, а также содержит ряд новых переводов произведений Сабира; в целом оно является наиболее полным на русском языке и включает почти все поэтическое наследие Сабира.

Заглавия стихотворений даны нами условно, так как большинство их не было озаглавлено автором. Датировка стихотворений производилась нами, за исключением других источников, по журнальным публикациям, а также в отдельных случаях по изданию 1948 года. Точную датировку некоторых стихотворений Сабира нам не удалось установить, и мы вынуждены были датировать их приблизительно и часть из них, где датировка была невозможна, выделить в особую группу.

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1905

К согражданам мусульманам и ариянам. Написано Сабиром в связи с арияно-мусульманскими столкновениями, спровоцированными в 1905 году царским правительством на Кав-

казе. Вместе с кратким письмом поэта опубликовано в газете «Хаят» («Жизнь»), 1905, № 21, издававшейся в Баку. Это было первым стихотворением Сабира, посвященным большому общественно-политическому вопросу.

1906

Горемычный. Первая сатирика Сабира. Напечатана в журнале «Молла-Насреддин», 1906, № 28 в конце фельетона «Почему я бросил ученье?». В этом фельетоне, написанном редактором журнала — Джалилом Мамед-Кум-заде, рассказывается о том, как мальчик, до тридцати лет гонявший петухов по улице, наконец обратился к отцу с просьбой отдать его в школу. Отец, очень любивший сына, не мог ему отказать, но решил посоветоваться со своим соседом — моллой, который занимался между прочим, и позней. На вопрос, можно ли отдать мальчика в школу, молла изнайд раскрыл свою тетрадь стихов и прочитал стихотворение. Далее следут текст сатиры.

Фельетон был подписан псевдонимом «Хоп-Хоп», ставшим впоследствии популярным псевдонимом Сабира. Джив — бес.

Но врачи в тревожный час пусть никто не позовет,
Чтоб не оскорбить твой род.

До революции врачи-азербайджанцы насчитывались единицами, а приглашение к болезному врачу не мусульманами — «гяура» считалось у религиозных фанатиков грехом.

Не грусти. «Молла-Насреддин», 1906, № 9, без подписи, с иллюстрацией: на фоне сатиры стоит покуренный в дыму крестьянин с палкой в руках; на него печально смотрят Молла-Насреддин. Пародия на газель знаменитого поэта Хафиза (XIV в.), начинаяющуюся следующим двустишием:

Еще вернется твой Юсуф под сень Канана, не грусти!
И скорбный дом твой обретет вид гюлистана, не грусти!

Юсуф из Канана — Иосиф Прекрасный из библейского предания. Друг Молла — сокращенное от Молла-дан, дядя Молла. Так обычно обращался Сабир в своих сатирах к Молла-Насреддину.

Я не пойму. Сатирика, опубликованная в журнале «Молла-Насреддин», 1906, № 11, заключает продолжение фельетона «Почему я бросил ученье?». Мальчик рассказывает, что ему удалось поступить в школу и что он занимался очень усердно. Однажды он услыхал, как отец жалуется на него матери. Далее следует текст сатиры. Рустам — известный герой «Шах-намы» Фердоуси (X—XI в.). Ишл — удаец, богатырь, джигит.

Жалоба старика. «Молла-Насреддин», 1906, № 12.

Бакинским рабочим. «Молла-Насреддин», 1906, № 14, без подписи. В сатире отражено нарастание революционного движе-

ния в Закавказье. Сопровождена иллюстрацией художника Роттера: на воротах фабрики висит огромный замок. Рабочие бегут мимо, а за ними скакут с поднятными плетями в руках конные жандармы. Под иллюстрацией приведено первое двустишие сатиры с указанием в скобках — «Баку». Аба — верхняя одежда, преимущественно у духовенства. Чоха — верхняя мужская одежда.

Не медали! «Молла-Насреддин», 1906, № 16, в виде примечания от редакции к корреспонденции «Принципы прогресса». В корреспонденции указывалось, что среди кавказских мусульман наблюдается два «отрадных» явления: в Кююдамире за подписью 44 мусульман подано властям коллективное прошение об открытии там еще одного кабака, так как имеющихся четырех нехватает, а в Тифлисе за подписью 60 мусульман подано заявление с просьбой вернуть в их район, на Сумбатовскую улицу, публичные дома, перевезенные на окраину города. Намаз — религиозный обряд.

С пн. «Молла-Насреддин», 1906, № 19, вместо передовицы без заглавия и подписи.

Изучение наук. «Молла-Насреддин», 1906, № 20, вместо передовицы. Лалаги (Болтун), Мозалан (Овад), Сыртын (Бесстыжий), Гызырмалы (Лихорадочный), Хоп-Хоп (Удол) — псевдонимы активных сотрудников журнала «Молла-Насреддин».

Отцовский наказ. «Молла-Насреддин», 1906, № 21, за подписью «Ярамаз» (Негордый). Университет, социализм, демократ — исковерканные в устах невежественного советчика слова; университет, социализм, демократ.

Я вздохнула, чтоб пить блаженство от кальяна твоего. «Молла-Насреддин», 1906, № 22.

На первой странице номера была помещена иллюстрация художника Шемраги: в тени ветвистого дерева сидит на корне молла в огромной чалме и курит кальян; перед ним, почтительно склонив голову, стоит босой крестьянин. Иллюстрацию сопровождает следующий текст:

«Господин ахун! Сегодня под забором скончался бездомный иранец. Но можем найти моллу, чтобы предать покойного земле. Ради аллаха, примите на себя этот труд».

Ответ:

«Понните другого моллу. Я не приходский молла».

Под иллюстрацией были приведены первые два двустишия сатиры, которая напечатана на следующей странице за подписью «Хоп-Хоп».

Сатира представляет собой пародию на любовную газель Физулы (XVI век):

Я вздохну от счастья видеть прелести стана твоего,
Плачу кровью: роза рта мие так желанна твоего.

Ахун — молла, духовное лицо. Бозбаш, кюфта, фисинджан, плов — восточные блюда.

Ответ «Гоп-Гопу» на газеты «Хаят». «Молла-Насреддин», 1906, № 23, за подпись «Хоп-Хоп». Отклик на фельетон и сатиру в бакинской газете «Хаят» («Жизнь») от 25 августа 1906 г., № 190. В разделе «Юмор» под заглавием «Ответ дедушке Молла-Насреддину, вернее Хоп-Хопу» за подпись «Гоп-Гоп» газета поместила фельетон, являющийся ответом на сатирическую «Горемычную» и «Я не пойму» и фельетон Джалаха Мамед-Кули-заде «Почему я бросил ученье?». Автор фельетона в газете «Хаят» в комористической форме упрекает «Молла-Насреддина» за то, что он задевает на своих страницах высокопоставленных лиц из правительства и кружей из среды духовенства; далее он рассказывает о том, как началось его собственное обучение: отец взял его к Молла-Самеду, который принес какую-то книгу и начал гадать по ней. Открытия страницу, Молла-Самед, запинался и пыхтя, прочитал с трудом стихотворение, помещенное тут же вслед за фельетоном, призывающее к просвещению:

Ты в школу мальчик отдан, пускай растет сыночек твой,
Там сердце мягкое, как воск, приобретет сыночек твой.

Журнал «Молла-Насреддин» ответил на это выступление газеты «Хаят» фельетоном и сатирой Сабира. В конце своего ответа автор фельетона писал:

«Молла-Самед должен был ради личной выгоды читать именно такие стихи, чтобы получить с тебя мазду за учение и употребить ее в карман. Будь Молла-Самед подлинно бескорыстным моллой, он должен был бы прочитать не те стихи, а вот эти: когда я убежал с урока, мой отец взял меня за руку и повел, на урок, а я громко плакал, обливаясь слезами; по дороге мы встретили вдруг старика с седой бородой, в высокой папахе и ширстяном кушаке; возможно, что это был ангел, но кто бы он ни был, да благословят аллах память его отца! Увидав меня плачущим, он взглянул мне слезы полой своей длинной одежды и, спросив о причине моего горя, обратился к моему отцу со следующими стихами».

Далее напечатано стихотворение и подписано «Хоп-Хоп». *Фар-раш* — инший полицейский чин в Иране, жандарм.

БАКИНСКИМ ПЕХЛЕВАНАМ. «Молла-Насреддин», 1906, № 28. Сатира на известных своим варварством и дикостью бакинских «кочах», головорезов и наемных убийц, верно служивших мианерым-нефтепромышленникам и нападавших из-за угла на классово-сознательных рабочих. Пехлеваны — богатыри.

Советы старой колдуны. «Молла-Насреддин», 1906, № 31, за подпись «Хоп-Хоп». Каймак — густые сливки.

Детям. «Молла-Насреддин», 1906, № 32, за подпись «Хоп-Хоп». Направлено против мешанского воспитания, коверкающего детей.

Исповедь Гаджи-Мирза-Гасана имама-джумаи, изгнанного революционерами. «Молла-Насреддин», 1906, № 34, под заглавием «Стихи». В издании 1914 года этой сатиры было дано другое заглавие, перешедшее во все последующие издания и сохраненное в нашем сборнике.

Гаджи-Мирза-Гасан — видное духовное лицо в Тавризе. В самом начале революции в Иране Гаджи-Мирза-Гасан примкнул к революционному движению, но вскоре отошел от него и, перенеся на сторону реакции, стал прокламывать революционеров, объявляя их праграми религии, вероотступниками. По требованию революционного народа был изгнан из Тавризы.

Журнал «Молла-Насреддин» отозвался на это событие едкой сатирией Сабира и карикатурой на тавризского мракобеса, помещенной в № 17 от 28 апреля 1907 года: Гаджи-Мирза-Гасан изображен в огромной чалме, сидящим на лошади; его провожают тавризские граждане, угрожая ему палками. Под карикатурой подпись: «Пожалование Гаджи-Мирза-Гасанаг из Тавризы».

Мирза Джавад — один из тавризских муджадидов (революционеров), прославившийся своими резкими выступлениями против духовенства. Мирза Гусейн — один из активных членов тавризского энджумена (демократического самоупразднения). *Рис салари* — высший сорт риса для плова.

Слово. Журнал «Фазоват» («Благо»), 1906, № 5 (Баку), за подпись «А. Сабир Таш-заде».

Горе аптекаря. «Молла-Насреддин», 1906, № 39, под заглавием «Долгое море» (арабское название формы стиха). Аман — выражение мольбы, ужаса, призыва. *Парфюмерные лавочки* — снабжали покупателей всевозможными восточными пряностями, острыми специями, ароматическими снадобьями и др. На Востоке эти парфюмерные лавочки заменили аптеки.

1907

Не буду кукарекать. «Молла-Насреддин», 1907, № 1.

Свобода. «Молла-Насреддин», 1907, № 3. Сатирический фельетон, озаглавленный «Амшары» (буквально — «земляя»; так обычно называли в Закавказье азербайджанцев из Ирана, производивших в Баку и др. промышленные центры Закавказья в поисках работы), принадлежащий перу редактора Дж. Мамед-Кули-заде.

Сообщение о присланной в редакцию журнала из Баку жалобе тридцати амшаров, которых не пустили мечеть на панихиду по умершем шахе (имеется в виду Мухаффериддин-шах, который умер 25 декабря 1906 г., оставил престол своему сыну — Мамедали), автор фельетона подчеркивает призываемое положение праисского рабочего, его бесприданье, покорность судьбе.

«Прежде, — писал автор, — если амшары не пускали на траурные собрания или на другие сборища, они присыпывались на корточки у порога и в подном молчанине спускали головы или говорили со вздохом:

— Боже, слава твоему престолу!

Тогда мне казалось, что амшары просто опьяны. А теперь амшары пишут жалобу Молла-Насреддину, когда их не пускают на траурное собрание».

Вслед затем автор фельетона призывал амшари, «беспринятых детьей священной земли разоренного Ирана», к единению, просвещению и борьбе за свои человеческие права. В заключение своего фельетона автор писал:

«Я боясь, что вы понадеетесь на свободу Ирана и опять заснете, но нет, не особенно полагайтесь на иранскую свободу. Лучше послушайте, что говорит на это счет наш Хоп-Хоп».

Далее напечатана сатира Сабира. В ней осыпаны надежды несознательной части иранских трудящихся, которые рассчитывали, что смертью шаха им без всякой борьбы будут предоставлены гражданские свободы.

Призвание женщины. «Молла-Насреддин», 1907, № 3, под заглавием «Долгое море».

Весь мир отдам тебе. Печатается по собранию избранных сочинений Сабира издания 1929 года, где датировано 21 января 1907 года. В издании 1948 года помещено в числе сатир, не имеющих даты.

Наставление сыну. «Молла-Насреддин», 1907, № 6, под заглавием «Долгое море», за подписью «Хоп-Хоп». Разоблачает методы воспитания в буржуазном обществе.

Горе скриаги. Напечатано в бакинской газете «Иршад» («Путеводитель»), 1907, № 30, за подписью «Мирата».

Человек. «Молла-Насреддин», 1907, № 9. Пародия на стихотворение, опубликованное в № 1 журнала «Физозат» («Благо») от 1 ноября 1906 года и подписанное псевдонимом «Безумный поэт». В этом стихотворении автор говорит об ангеле, который с неба обращается к людям с возмущенной речью, упрекая их в кровопролитиях и насильствах. Сохраняя размер, рифмы и даже отдельные выражения стихотворения, Сабир направил острие своей сатиры против невежества, эксплуатации и угнетения.

Расплата. «Молла-Насреддин», 1907, № 13, за подписью «Опора реальности», вместо передовицы.

В мире фанатиков, против которых направлена сатира, считалось грехом брить бороду и оставлять волосы на голове.

После четвертой строфы в русском переводе опущена неполная строфа:

Нам несет белу, берегись.
Воронья налет не пускать.
Крик зловещий тот не пускать.

Нам не удалось ни найти выпавших в журнальном тексте строк, ни выяснить причину неполноты этой строфы.

Плач. «Молла-Насреддин», 1907, № 14, за подписью «Фазиль» (Совершенный), вместо передовицы.

В последнем двустшии автор бичует богачей за их презрительное отношение к азербайджанке, которой-то сама привидение предназначило в удел прозябание в нищете и невежестве, в то время как женщины легкого поведения должны жить в лете и роскоши. Палас — ковровая ткань без порса.

Курица. «Молла-Насреддин», 1907, № 15, за подписью «Скачущий по реке».

Зимой 1906 года в Карабахе и Зангезурском уезде разразился страшный голод, вызванный недородом и закрытием путей сообщения в связи с армяно-мусульманскими столкновениями. На этой почве начались волнения среди крестьян. Царское правительство послало в села войска для усмирения голодных крестьян. Эти события широко освещались в журнале «Молла-Насреддин». Упоминание в сатире «зангиэзурца» является отражением этих событий.

Пародия на любовно-лирическое стихотворение турецкого поэта Риджанд-заде Махмуд-Эхрема,

Как скверно мис, аллах! «Молла-Насреддин», 1907, № 12, за подписью «Паук», вместо передовицы.

Направлено против правоверных фанатиков, реакционеров, сторонников старых духовных мордов (школ).

Права, свобода, Порт-Артур, Минакуря, размах! — Намек на русско-японскую войну 1904 года и развернувшееся в России революционное движение.

О ненавистный прошлый год и позапрошлый год! В устах фанатика-реакционера так характеризуются 1905 и 1906 гг. — годы первой революции.

Мы — благочестивые, «Молла-Насреддин», 1907, № 17, за подписью «Голосщий», вместо передовицы. Ах, прибавляем жен сия! мы к нашим четырем... По широту правоверному разрешлось иметь не более четырех жен, с которыми брак заключался письменный и при непременном участии духовного лица (кабиний брак), но так называемых жен сия (временные жены), брак с которыми заключался упрощенным способом, правоверный мог иметь неограниченное число.

Не вышло ли так, как я сказала? «Молла-Насреддин», 1907, № 19, без подписи, вместо передовицы.

Энджумен — орган демократического самоуправления в Иране. Атабек — титул главы шахского правительства в Иране. Мирза Алексер-хана, убитого в 1907 году иранским революционером Гасаном агой. Дума — имеется в виду Российская государственная дума.

Рабочему. «Молла-Насреддин», 1907, № 21, вместо передовицы.

Поэтическая мелодия. Напечатано в бакинской газете «Таза хяйт» («Новая жизнь»), 1907, № 47, за подписью «Али Сабир Тайр-заде Ширвани».

К стихотворению дано автором следующее примечание: «Мы будем весьма благодарны нашим поэтам из Шушы, Баку, Арадбила, взявшим общий с нами псевдоним. Но для различия мы вынуждены будем стараться по мере наших сил и в дозволенных стихотворных

размером пределах вмещать в одну стихотворную строку наряду с изящным именем «Аан» также и наш псевдоним «Сабир». А. С. Тарз-заде».

Это предупреждение было вызвано тем обстоятельством, что с псевдонимом «Сабир» (Терпеликий) выступал в то время в бакинской печати целый ряд поэтов из разных частей Азербайджана как Северного (Россия), так и Южного (Иран). Полное имя нашего поэта — Али-Акбер, или сокращенное Алембер; однако поэт упоминает в своем примечании и приходит в настоящем своем стихотворении лишь первую половину своего имени — «Аан».

В этом стихотворении, носящем программный характер, Сабир излагает свое понимание назначения поэта.

Деньги. «Молла-Насреддин», 1907, № 24.

Не раз при молитве от Мекки я вор отвращаю... — Правоверные при молитве (намаз) становятся лицом востоку (к Мекке).

Умер? «Молла-Насреддин», 1907, № 25.

Сатира на фанатичное общество, дремавшее в средневековом застое. В конце сатиры автор обращается к «дядюшке Молле», разумея Молла-Насреддина. Такие обращения весьма часты в сатирических письмах Сабира, помещенных в журнале «Молла-Насреддин».

Аристократическая мелодия. Напечатано в бакинском сатирическом журнале «Бахлул» (имя известного на Востоке мудреца), 1907, № 5. Связано с подъемом рабочего революционного движения и разоблачает буржуазию, смотревшую на рабочих, как на низшую расу. Обращение к «рабочему» заменено в переводе словом «бедняк». Чарухи — обувь из сырой лошадиной кожи (подобие ланит).

Сыну. «Молла-Насреддин», 1907, № 26 под заглавием «Лейлан-Меджнун». без подписи. Пародия на отрывок из поэмы Физули (XVII век) «Лейлан и Меджнун», в котором отец излюбленного Меджнуна упрекает сына за его безумную любовь к Лейлан.

Экинчи (Пахарь). «Молла-Насреддин», 1907, № 27. Сатира направлена против помещиков, беков, владевших лучшими участками земли и сдававших их крестьянам в аренду на кабальных условиях.

Вспомни. «Молла-Насреддин», 1907, № 31. Пародия на лирическое стихотворение Риджан-заде Махмуд-Экрема «Вспомни», в котором воспеваются весна, любовь, природа.

Боюсь. «Молла-Насреддин», 1907, № 23, вместо передовицы, без подписи.

Не могу. «Молла-Насреддин», 1907, № 6, без подписи.

Песня моллы. «Бахлул», 1907, № 6, без подписи. Бозбаш — восточное блюдо из баранины. Бахлул-ага — обращение к журналу.

К Молла-Насреддину. «Молла-Насреддин», 1907, № 35, без подписи. Вызвало ряд подражаний в бакинских газетах.

Сорок попугаев — название волшебной сказки. Гейманы и турчи — обещанные шарлатом за праведную жизнь юноши и девушки в раю. Минбар — трибуна в мечети. Мунгид — высшее духовное лицо, толкующее каноны религии. Сеид — потомок пророка.

Надежды не сбылись. «Молла-Насреддин», 1907, № 37 под заглавием «Один ответ на два ответа», вместо передовицы, без подписи.

Отклик на стихотворение Мамед-заде, опубликованное в бакинской газете «Таза халыт» («Новая жизнь») и начинаящееся словами: «По-моему случилось или по-моему»?

Сабир высмеивает определенные круги иранских революционеров, которые были упраны первыми успехами революционного движения и починали на лаврах. Сабир признается в бледности, к продолжению борьбы с реакцией. По своему содержанию перекликается с другой сатирикой Сабира — «Не вышло ли так, как я сказала?» Под национальным правительством подразумевается народное, выборное правительство. Абульгасан-хан — этим именем Сабир обзывают шахских сановников.

Невозможное. «Молла-Насреддин», 1907, № 40, под заглавием «Вопрос — ответ», без подписи.

Подражание. «Молла-Насреддин», 1907, № 42, под заглавием «Подражание уважаемому мастеру Экрем-беку (№ 29 покойного Физуята)». Стихотворение турецкого поэта Махмуд-Экрем-бека Риджан-заде было напечатано в журнале «Физуят» под заглавием «Лепесток весны» и посвящено воспеванию весны и любви. В сатире под «ужином» имеется в виду разговение (ифтар) после дневного поста. См. примечание к сатирическому «Месец Рамазан».

Боже, слава тебе. «Молла-Насреддин», 1907, № 47, без заглавия и подписи.

О, за кровь, что покрыла Баку, знаменитый Баку,
И рекою течет в океан, боже, слава тебе!

Автор имел в виду безнаказанный разгул бакинских головорезов «кочии». Этим же «кочи» посвящена сатира Сабира «Бакинским пехлеванам».

Письмо. «Молла-Насреддин», 1907, № 48.

1908

На что тебе, аллах! «Молла-Насреддин», 1908, № 1, без подписи. Под долгополыми мусульманами автор подразумевает фанатиков, одевавшихся в длиннополые одежды, под людьми в спортуках — людей просвещенных.

¹ Последний, 32-й номер журнала «Физуят» вышел 1 ноября 1907 года.

Вопросы и ответы. «Молла-Насреддин», 1908, № 2.

Сабир высмеивает религиозную вражду между последователями двух основных сект ислама — шиитами и суннитами. Фанатик-шиит, хладнокровно отвечающий на все вопросы молодого собеседника, приходит в беспутство, как только вопрос касается дружбы между шиитами и суннитами.

Фисинджан. «Молла-Насреддин», 1908, № 4, без подписи. *Фисинджан* — изысканное восточное блюдо. *Айран* — жидкость, остающаяся после сбивания масла.

Я не поверю. «Молла-Насреддин», 1908, № 5, без подписи. По шаршату мусульманин обязан за день пять раз совершать намаз (молитву).

Нам что? «Молла-Насреддин», 1908, № 8, без подписи.

Автор говорит в этой сатире о тех же голодающих из Зангезура, что и в сатире «Курица».

Зангезурский уезд расположен на высоких горах. Зима там бывает суровая, и в бытое время этот район в зимние месяцы был отрезан от всего мира. *Молда* — сокращение «молда-да» — ладья молла. Эдес — обращение к журналу «Молла-Насреддин». *Залха* — женское имя, в данном случае синоним азербайджанской крестьянки.

Дитя. «Молла-Насреддин», 1908, № 10, без подписи. Пародия на стихотворение азербайджанского поэта Мухаммеда Хади, в котором автор передает свои чувства мысли, вызванные видом идущего в школу христианского мальчика.

Ай, хвала, хвала тебе! «Молла-Насреддин», 1908, № 11, без подписи. Выкрашенная хной борода, серебряное кольцо на пальце, аба на плечах и башмаки с загнутыми кверху носками без задников среди фанатиков были признаком благочестия.

Спи в невежестве. «Молла-Насреддин», 1908, № 13. В № 10 от 9 марта 1908 года было напечатано за подпись «Газыдымралы» («Лихорадочный») стихотворение-пародия на «Вспомни» Ризкан-заде Махмуд-Экрема и Сабира. Автор стихотворения поэт молла-наследник Габиб Зейналов посвятил его «нашему поэту Хоп-Хопу», на что Сабир отозвался своей сатирой «Спи в невежестве».

Мирза Ганбар — молла, фанатик.

Женисъ. «Молла-Насреддин», 1908, № 14, под заглавием «Совет», без подписи.

Ответ на сатиру Мешади-Сижимкули («Молла-Насреддин», 1908, № 12), который спрашивал у Молла-Насреддина совета: жениться ему, шестидесятому старичку, или нет? Мешади-Сижимкули — псевдоним поэта Али Назми Мамед-заде (1882—1945), одного из активнейших сотрудников «Молла-Насреддина» и учеников и последователей Сабира. *Сафдар* — упоминается в стихотворении Мешади-Сижимкули как сват, хлопочущий о женитьбе.

Такая сладостная жизнь. «Молла-Насреддин», 1908, № 15, под заглавием «Подражание доктору Абдулла Джеведет-беку», без подписи.

Стихотворение турецкого поэта Абдулла Джеведет-бека, которое пародировал Сабир в этой своей сатире, начиналось следующими строками:

Ах, справа — милой грустный взгляд, а слева — всей
вселенной ход.

Такая горестная жизнь пускай исчезнет, пропадет!
Духонным взором вижу я, как гибнет родина, народ.

Такая горестная жизнь пускай исчезнет, пропадет!

Ширван. «Молла-Насреддин», 1908, № 15, без подписи.

Истина. «Молла-Насреддин», 1908, без подписи.

Спасите! «Молла-Насреддин», 1908, № 16, под заглавием «Ай, харый!» (восклицание, призывающее на помощь), без подписи.

Ширван — древнее название одного из районов Азербайджана с главным городом Шемахой, родиной Сабира. Гянджа — второй после Баку центр Азербайджана. Ныне переименован в Кировабад. Нух — один из крупных городов Азербайджана.

Терпи. «Молла-Насреддин», 1908, № 28, за подпись «Бойну-буруг» (Человек с согнутой шеей).

Сетования. «Молла-Насреддин», 1908, № 30, вместо перевопничи за подпись «Бойну-буруг».

Дочь гляура. «Молла-Насреддин», 1908, № 30, за подпись «Годжа-ами» (Старый дядя).

Османец, не верь! «Молла-Насреддин», 1908, № 31, за подпись «Годжи ираны» (Старый иранец).

Посвящена революционному движению в Турции и Иране, приведшему в Турции к низложению и заточению в крепости Салоники турецкого султана Абдула-Гамида, а в Иране к изгнанию Мамед-али-шаха.

Ссылаясь на опыт революции в Иране, где силами реакции были отобраны свободы, завоеванные в борьбе, автор предостерегает османцев от либерального отношения к реакционным элементам.

Мирза Алексбер, шах Фазуллах, *Мир-Хашим*, *Гаджи-Мирза-Гасан* — иранские реакционеры. Из них Мир-Хашим был повешен в Тавризе победившими революционерами (см. примечание к сатире «Изгнание Мир-Хашима»).

Иран — мой. «Молла-Насреддин», 1908, № 32, за подпись «Иран гурду» (Иранский волк). *Мендели* — исковерканное имя шаха Мемдели (Мамедали), в переводе означает «я сумасшедший». Конституцию хотя мой отец вам даровал... — Отец Мамедали-шаха —

Музаффериддин-шах (умер 26 декабря 1907 г.) подписал под давлением народа конституцию, но она была аннулирована новым шахом. *А таирзи* неужели были слепы в те годы... — По старой традиции наследник иранского престола обычно назначался правителем азербайджанской провинции (Южного Азербайджана) с резиденцией в городе Тавризе (Тебризе); Мамедали-шах до восшествия на престол находился в Тавризе, где вел разгульный образ жизни.

Не пускай, — идет! «Молла-Насреддин», 1903, № 33, со следующим сообщением:

«Из Баку. Дядя Молла! Здесь один молла заключил брак между тринадцатилетней девочкой и шестидесятилетним стариком. Теперь народ клятвует его, говорят: ви, ахунд, зачем ты выдал маленьку девочку за старика? А тот отвечает: он был моим попутчиком в паломничестве в Мекку, хороший он человек... Просыпаю тебе для помещения в журнале стихотворение от имени этой девочки-сиротки».

Заметка подписана «Демдемеки». Под нею помещена эта сатира, озаглавленная «Бакиниан» и подписанныя «Девочка-сиротка».

Хандосту — обращение к тете, жене дяди.

Он — дядя. «Молла-Насреддин», 1908, № 34, за подписью «Тукебан джиджи» (Тетушка Тукебан).

A xl «Молла Насреддин», 1908, № 36, за подписью «Молла — Джигишишангулу» (Молла — раб кармана).

Наставление. «Молла-Насреддин», № 38, за подписью «Бойну-буругу».

Месяц Рамазан. «Молла-Насреддин», 1908, № 39, без заглавия, за подписью «Гаригулуг» (Раб брюха).

Посвящена Рамазану, месяцу поста, во время которого фанатики от утренней зари до вечерней ничего не ели, зато вечером наедались до отвала. Этот месяц был одним из наиболее прибыльных для духовенства, так как по вечерам, после ужина, устраивались в мечетях собрания с проповедью и молады собирали с молящихся пожертвования в свою пользу.

Плов, чихиртма, фирни, терек, долма, пити, фисинджан — восточные блюда.

Я — поэт. «Молла-Насреддин», 1908, № 41, под заглавием «О чем писать», за подписью «Абу-Наср Шибани».

В заключительных двух строфах Сабир говорит о буржуазных литераторах, которые боятся писать и «десятую долю правды».

Саттар-хану. «Молла-Насреддин», 1908, № 42, под заглавием «Хану», за подписью «Меджизуб» (Зачарованый). По условиям тогдашней цензуры упоминание имени руководителя тавризской революции Саттар-хана было невозможно, поэтому в журнале, как и в дореволюционных собраниях, это стихотворение печаталось с мно-готием вместо имени Саттар.

Тавризская революция, возглавленная Саттар-ханом, направлена-

на против Мамедали-шаха и его покровителя — русского царизма, схватила почти весь Южный Азербайджан и привела в конце концов к свержению и изгнанию шаха из Ирана. *Зоххак* — имя древнего иранского шаха-деспота, змеепоклонника («Шах-наме», Фердоуси). *Иранца дол* и *торка дол*... — Саттар-хан был, как и большинство его сподвижников-революционеров, азербайджанцем (в стихотворении он назван торком) и одновременно иранским гражданином.

Изгнание Мир-Хамиша. «Молла-Насреддин», 1908, № 42, без заглавия, за подписью «Советники». Мир-Хамиш — реакционный глава духовенства в Тавризе, злейший враг революции. Был изгнан революционным народом Тавризы, а вследствие повешен.

Вождь свободы — к этим словам имеется примечание-сноска от редакции журнала: «указание на Саттар-хана» (вождя революционного Тавризы).

Но нет, не выполнил ее ты закон!
И вот ты проклят, Мир-Хамиш, посрамлен!

В этих строках заключен намек на библейское предание о том, что ангел отказался поклониться Адаму, за что был проклят богом.

Ты скречь Каабу замышлял в тишине —
И вышел, словно Эбрехе, на слоне,
Но, видя ваши козни, Бог ввышине
С камнями в клювах птиц пустил по стране...

К третьей строке этой строфы имеется примечание-сноска от редакции журнала: «Намек на тавризских горожан».

В этой строфе имеется в виду предание о том, как между ледом Мухаммеда (пророка) Абду-Муттубом, правителем Мекки, и арабским полководцем Эбрехе возникли распри, и Эбрехе, заняв Мекку, угнал Баранту и верблюдов жителей Мекки, а также захватил священный храм в Мекке Каабу. После такого поражения Абду-Муттуб обратился к Эбрехе с просьбой вернуть населению угнанной скот. Об освобождении Каабы он николько не заботился, говоря, что это — божий храм, и, если аллаху угодно, пусть сам и защищает свое добро. Тогда, по воле аллаха, из армии Эбрехе и его слонов исподтиши легендарные птицы, неся в клювах камни, взятые из приступа, и побили этими камнями всю армию Эбрехе.

Нет подобного мне! «Молла-Насреддин», 1908, № 45, под заглавием «Подобно мне», за подписью «Эльгадик».

Я стал мешади, а потом перешел в гаджи... т. е. после посещения гробницы имама в Мешхеде (Иран) и получения титула мешади, поехал в более далекое паломничество — в Мекку (Аравий), и удостоился звания гаджи.

Фахрат-киши. «Молла-Насреддин», 1908, № 50, под заглавием «Киши» (мужчина), за подписью «Абу-Наср Шибани».

Вызов проповеднику. «Молла-Насреддин», 1908, № 52. В этом номере журнала был напечатан фельветон редактора под заглавием «Правда». Фельветон был направлен против высшего мусульманского

манского духовенства в Иране, которое выступало против революции, обзываая иранских муджахидов (борцов за свободу) врагами религии и аллаха. Разоблачая лицемерие и продажность духовенства, автор заканчивал свой фельетон обычными в таких случаях словами: «Послушайте теперь, что говорит наш поэт». Вслед за фельетоном была помещена без заглавия сатирика Сабира.

1909

Шах-нама. «Молла-Насреддин», 1909, № 1, за подпись: «Написал Эйнуддовле, переложил на стихи Абу-Наср Шибани». Автор передает узом стихотворение историю наступления шахского генерала Эйнуддова на революционный Тавриз, центр Южного Азербайджана. Армия Эйнуддова, которую поддерживало царское правительство, была наголову разбита тавризскими революционерами (муджахиды и фидай) во главе с Саттар-ханом. *Рустам* — герой поэмы «Рустам и Зораб» из «Шах-намы» Фердоуси; в подражание «Шах-намы» и написана эта сатирика.

О типы. «Молла-Насреддин», 1909, № 8. Одним из главных методов борьбы реакционного духовенства против передовых людей того времени было предание анафемы, обявление еретиком и т. д., что имело огромное значение в тогдашнем фанатичном обществе. Поэтому Сабир в ряде стихотворений бичует духовенство, проклинающее передовых людей. *Галесман* — восточный певец с тушью и тростником пером. Здесь — олицетворение старины.

Виной дубина. «Молла-Насреддин», 1909, № 9, вместо передовицы, без заглавия, за подпись «Абу-Наср Шибани». Под дубиной подразумевается иранский шах Мамедали. *Меджлис* — иранский парламент. *Зачем коран испелен?* — Мамедали-шах, еще находившийся тогда на троне, приказал открыть огонь по демонстрации школьников, направлявшихся к шахскому дворцу с кораном в руках.

Будущее — наше! «Молла-Насреддин», 1909, № 11, за подпись «Абу-Наср Шибани».

Сатирика посвящена политическим событиям в Иране.

Что делать мне, аллах? «Молла-Насреддин», 1909, № 16, вместо передовицы, за подпись «Абу-Наср Шибани». *Сунниты, Кшииты* — см. примечание к стихотворению «Вопросы и ответы». *Кызылбаши* — мусульманские племена, принадлежавшие к секте шиитов.

Жалоба женщины. «Молла-Насреддин», 1909, № 17, без заглавия, за подпись «Абу-Наср Шибани» и с указанием — «продолжение следует». Однако продолжения не было.

В общем «Молла-Насреддин» было защищать женщину от септейского гнета. Неоднократно и горячо выступал журнал против женского беспривилегий, против чадры, против многоженства, неравных браков и т. д.

Эта сатирика, как и помещенная выше сатирика «Советы старой колдуны», является исключением. Сабир выступает в них как бы в за-

щиту мужчин, страдающих от невежества и отсталости жен. Хандаджи — так обычно называли старших сестер.

Мне не повезло. «Молла-Насреддин», 1909, № 18, за подпись «Абу-Наср Шибани». Отказ на турецкую революцию, в результате которой султан Абдул-Гамид был низложен и заключен в Салоникскую крепость.

В это время иранский шах Мамедали при поддержке царского правительства вел отчаянную борьбу против революционного движения в Иране.

Мне юлдузские дворцы хиргость не вернет — ой, жаль! — Низложенный султан Абдул-Гамид, вначале содержавшийся во дворце Юлдуз в Стамбуле, затем ремонтируя дворца и, перебравшись рабочим, пытался бежать, но был задержан, а затем сослан в Салоники. *Камиль-паша* — реакционный абдул-гамидовский министр, подстекавший султана на нарушение конституции.

Взявшись подожгать тебе, я нарушил свой обет! — имеется в виду Мамедали-шах, который неоднократно давал под давлением масс торжественные обещания о соблюдении конституции и беззастенчиво их нарушал.

Без жим, мой сын! «Молла-Насреддин», 1909, № 20, вместо передовицы, за подпись «Абу-Наср Шибани». Направлена против передовицы, за подпись «Абу-Наср Шибани». Направлена против карикатуры на Мамедали-шаха, помещенной в № 27 от 7 июля 1908 года. Мамедали-шах был изображен в этой карикатуре в виде уличного продавца с «табаком» (круглым деревянным подносом) на голове; под карикатурой подпись: «Кому тейбари, кому сладко тейбари? (Из области политики)». Под «тейбари» следует понимать Тегран (Тегран), столицу Ирана. В своей сатирике Сабир бичует Мамедали-шаха, продававшего страну царским и английским империалистам. *Моллади* — обычное у Сабира обращение к Молла-Насреддину. Кубок Джемшида — легендарный кубок древнеиранского шаха Джемшида, воспетый еще Фердоуси. *Губад* — шах древнего Ирана.

Ад мой так не любил вод соленых морских! — Намек на историю завоевания Каспийского моря русским царизмом, который, захватив Закавказье, решил завладеть и Каспийским морем. С этой целью царское правительство обратилось с предложением в Тегран. Тогдашний правитель Ирана Фатати-шах пронес ее ставшую впоследствии исторической фразой: «Соленая вода, кому она нужна? Отдай, пусть вымьт на могилу своего отца». *Сабазар, Месм (Месмай)* — города в Иране. *Каджар* — шахская династия, основанная в конце XVIII века Ага-Мухаммед-шахом из племени Каджар. К этой династии принадлежал и низложенный Мамедали-шах.

Тебе во благо. «Молла-Насреддин», 1909, № 23, без заглавия, за подпись «Абу-Наср Шибани».

И привозным тобой со всех сторон — хвала гостям твоим! — Указание на призыв шаха к европейским империалистам, главным

образом к русскому царю, о помощи против революционного движения в Иране. Умми-Хатан — имя матери Мамедали-шаха, известной своей развращенностью.

Бунтуют иранцы. «Молла-Насреддин», 1909, № 29, без заглавия, за подпись «Абу-Наср Шибани». Супехдар — один из сторонников шаха. Во время нарастания революционного движения перешел в лагерь противников шаха и командовал наступавшими на Тегеран революционными войсками. Вождь баатиаров — глава племени баатиаров сараар Асад, сторонник революционеров. Ефрис-хан — один из видных деятелей иранской революции.

Подражание нашим поэтам. «Молла-Насреддин», 1909, № 30, без заглавия, за подпись «Абу-Наср Шибани».

Выкладывай сюда. «Молла-Насреддин», 1909, № 34, за подпись «Мастали-шах». Эзил-султан (тень султана) — дядя Мамедали-шаха, крупный феодал. В период революции находился в Европе. После утверждения конституции вернулся в Иран, но был задержан в Реште восставшим народом.

Подражание Физули. «Молла-Насреддин», 1909, № 37, вместо передовицы, за подпись «Сирота Мадали».

Имя свергнутого иранского шаха-деспота Мамедали всячески на речи искалось в журнале, то «Мендеан» (я сумасшедший), то «Мадали» (человек с брюхом, обжора). Сатира посвящена бесству шаха из Ирана в Одессу.

Пародия на газель Физули:

Имей я разум, разве б я не охладел к страстиам тогда?
Имей я волю, разве я не присмирил бы сам тогда?

В том же номере помещена карикатура на Мамедали-шаха, которого увозят в своей повозке русский эмишник (царизм). Под карикатурой двустишие из сатиры:

Смекни я, что из рук моих уйдет когда-нибудь Иран,
Да разве б не смешал его я с пеплом пополам тогда?

Фазлуллах и Шапшал — реакционные советники шаха. Шапшал — ставленник русского царизма при иранском дворе. Асад и Супехдар — иранские военачальники (сердара), перешедшие на сторону революционного народа. Султан — имеется в виду турецкий султан Абдул-Гамид, изгнанный народом и заточенный вначале в Юлдузском дворце, а затем в крепости в Салониках. Гати-заде — видный иранский революционер. Менджиль — лачина местность в Иране.

Скажи, зачем?.. «Молла-Насреддин», 1909, № 38, без заглавия, за подпись «Обашданчи» (Полуночник). Ваиз — проповедник, духовное лицо.

Будем невеждами. «Молла-Насреддин», 1909, № 41, без заглавия, за подпись «Гюлеен» (Смехач).

Человек с мешкой — человек большой. «Молла-Насреддин», 1909, № 43, без заглавия, за подпись «Гюлеен».

Не даю. «Молла-Насреддин», 1909, № 48, за подпись «Агар гюлеен» (Плачущий смехач). Ханкиши — по всей вероятности, конкретное лицо.

Лучше пропадом пропасть. «Молла-Насреддин», 1909, № 49, за подпись «Агар гюлеен».

Нет, не напишу! «Молла-Насреддин», 1909, № 51, за подпись «Яреконюл» (Колеблющийся). Гаджи Кязим, Гаджи Бадал — нарицательные имена фанатиков. Фахри — нарицательное имя азербайджанской женщины. Кубин — брачный акт (см. примечание к сатире «Мы благочестивые»).

1910

Праведник. «Молла-Насреддин», 1910, № 1, на первой странице под заглавием «Газель», за подпись «Агар гюлеен». Заключена в рамку, вверху которой нарисован краснобородый фанатик с четками в руке, против него — гурия с пальмовой ветвью, а под ним уголок ада с его хозяином-сатаной. Эта же сатира приведена в № 20 журнала от 29 мая 1911 года в карикатуре, изображающей больного Сабира и угрожающих ему фанатиков.

Кто может усомниться в нас? «Молла-Насреддин», 1910, № 2, без заглавия, за подпись «Агар гюлеен».

Письмо другу. Впервые опубликовано на родном языке по находящейся у сына поэта рукописи в издании 1948 года. В рукописи имеется дата «7 мухаррама 1328», что соответствует 20 января 1910 года, и подпись «А. Сабир Танр-заде Ширвани». Сабир — терпеливый. О каком друге идет речь в стихотворении — установить нам не удалось.

Мэр интеллигентов. Напечатано в бакинском юмористическом журнале «Зенбур» («Вода»), 1910, № 3, за подпись «Джингез-бек» (Бек с глазами дракона). Сатира направлена против буржуазно-дворянских интеллигентов, которые, получив образование в царских школах, относились к своему народу с презрением.

Божество вы мое. «Зенбур», 1910, № 4, за подпись «Джингез-бек».

Нации. «Зенбур», 1910, № 5, за подпись «Годжа-бек» (Старик-бек).

Жалоба. «Зенбур», 1910, № 6, за подпись «Годжа-бек».

Ардебиль. «Молла-Насреддин», 1910, № 10, вместо передовицы, без заглавия. Под сатирической подписью «Каблан-Физбулах», а под вицей, без заглавия. Под сатирической подписью «Агадиль» — город в Южном Азербайджане (Иран). Фатима и Тукезбан — женские

имена. В сатире раскрыта психология восточного купца, зервые выехавшего за пределы своей страны и попавшего в крупный промышленный и культурный центр.

Не найдешь. «Энбур», 1910, № 7. Халва — жирное мучное блюдо, которое приготовлялось во время поминок по усопшим. Долма, тереки, фарши — лакомые восточные блюда. Шербет — сладкий ароматный напиток.

Сладкий разговор. «Молла-Насреддин», 1910, № 11, вместо передовицы, под заглавием «Вопросы — ответы, или беседа». Вместо подписи семь точек, заключенных в скобки.

Нищета. «Энбур», 1910, № 8, за подписью «Старик-бек». Хоть мы с благотворной целью пришли в этот дом... — Автор имеет в виду благотворительный обед (хсан), который, по обычаям, должен был устраиваться для неимущих. Адат — обычай. Азлар — господин, дворянин.

Не надоело ли тебе? «Молла-Насреддин», 1910, № 13, без заглавия. Вместо подписи семь точек, заключенных в скобки.

Нас, бедственников, — орда. «Молла-Насреддин», 1910, № 14, вместо передовицы, за семью точками вместо подписи.

Строим райские двери мы намазом и постом... — Речь идет об обещанных шарифами дверях в раю, которых правоверный добивается постом и молитвой. Гурии и гыламы — обещанные шарифом за праведную жизнь девушки и юноши в раю.

Не пушу. «Молла-Насреддин», 1910, № 15, под заглавием «Не отдам в школу, отстанте», вместо передовицы. Подпись — точки в скобках.

Бот уже пять лет, как вы оскорвяете коран! — Очевидно, автор имел в виду журнал «Молла-Насреддин», который издавался пятый год. Азлик — ученик; здесь — духовное лицо, богослов.

Примирий! «Молла-Насреддин», 1910, № 17, вместо передовицы. Подпись — точки в скобках. Пародия на стихотворение азербайджанского поэта Сейд-Азима Ширвани (1835—1885), учителя Сабира:

Ты попал в беду любви, с долей новой примирись!
От разлуки дни темны, — что ж такого? Примирий!

Почему я не сочувствую школе? «Молла-Насреддин», 1910, № 19, вместо передовицы. Подпись — точки в скобках. Ахунд — духовное лицо, молла.

Посторонись. «Молла-Насреддин», 1910, № 21, под заглавием «Беги, раздвинь кони», вместо передовицы. Подпись — точки в скобках.

Сабир высмеивает националистов, панисламистов и пантюркистов, то и дело кричавших о высоком призвании «мусульманских наций» и пророчивших им чуть ли не господство над всем миром.

Упоминая о Турции, Иране, Марокко и других колониальных и полуколониальных мусульманских странах, Сабир показывал всю беспочвенность их национальной спеси и великоледвных иллюзий.

Вот воскресенья, лавки их, — гордый люд! — Сабир намекает на решение Государственной думы, по которому мусульмане обязывались праздновать наряду с христианами воскресенье, а не пятницу.

Мы и другие. Бакинская газета «Хагигат» («Истина»), 1910, № 134, без подписи, под заглавием «Вич».

Под «другими» подразумеваются цивилизованные народы. Люди кильд — духовенство, фанатики.

Букет цветов. «Молла-Насреддин», 1910, № 26. Подпись — точки в скобках. Седжала — подстилка для совершения намаза, молитвенный коврик.

Пришла пора. «Молла-Насреддин», 1910, № 26, без заглавия, вместо передовицы. Подпись — точки в скобках. Энджан, Реиш, Казвин, Керман — провинции в Иране. Наджх — резиденция главных мусульманских духовных лиц, мултандов. Там же находится высшая духовная школа. Сатира разоблачает тайные прописи низложенного и изгнанного из Ирана Мамедами, которого продолжали поддерживать реакционные иранские круги и готовили его возвращение на престол.

Нет, нет, отшельнику нельзя! «Хагигат», 1910, № 153, за подписью «С».

Когда бы объявила аллах... «Хагигат», 1910, № 157, за подписью «А. Сабир».

Кто просвещенный?.. «Хагигат», 1910, № 158, за подписью «А. Сабир».

Удача. «Энбур», 1910, № 21, за подписью «Годжа-бек». Сатира направлена против усилившейся в Иране реакции.

Ай, джан, ай, джан! «Молла-Насреддин», 1910, № 30. В издании 1948 года ошибочно помещена в числе сатир, не имеющих даты.

Отклик на репресии царской цензуры против азербайджанской печати. Ай, джан, ай, лжан — выражение востора. Каракай — азербайджанское название г. Владикавказа. Минбар — трибуна для проповедника-моллы в мечети.

Я — зеркало моей эпохи. Бакинская газета «Гюней» («Солнце»), 1910, № 19, за подписью «А. Сабир». Является ответом на грубый плакат, направленный против Сабира и напечатанный в № 162 бакинской газеты «Седа» («Голос») от 25 августа 1910 года. А. Сабир неоднократно выступал против редактора этой газеты Гашим-бека Везирова, часто писавшего в своей газете под псевдонимом «Бирсис» (Нектар). В частности, Сабир в одном из своих четырех рецензий критике подверг перевод «Отеллов», сделанный Везировым.

Сказал везиру шах... «Гюнеш», 1910, № 36, без подписи. В прежних изданиях печаталось в искаженной редакции: вместо шаха и везира фигурировали муж и жена.

Мое несчастье... «Гюнеш», 1910, № 40, за подпись «А. С.». Написано по поводу болезни поэта, которая в конце концов привела его к преждевременной смерти.

Детским почерком... «Гюнеш», 1910, № 58, за подпись «А. С.». Яркая иллюстрация к тому, в каких условиях пресловутая, угроз и притеснений приходилось работать поэту.

Игла. «Гюнеш», 1910, № 60.

В этой газете еженедельно (по пятницам) печаталась страница юмора под заглавием «Паландуз». В этом разделе Сабир печатал свои сатиры за подпись «Низедар» (Копъеносец). *Паландуз* — ремесленник, выделывающий грубы, набитые соломой холщевые седла (паланы) для выночных животных и грузчиков.

Признание Абдул-Гамида. Низложенный восставшим народом турецкий султан Абдул-Гамид занимался в заточении плотничеством.

Сон и Толкование сна. «Гюнеш», 1910, № 67, за подпись «Низедар» (Копъеносец). «Плут» (Хейвара) — псевдоним редактора страниц юмора в газете «Гюнеш» и «Ени хагигат» («Новая истина»), издававшихся в Баку.

Гурбан-байрам. «Гюнеш», 1910, № 81. Гурбан-байрам — праздник жертвоприношения, связан с библейским преданием об Авраамом, который хотел принести своего сына в жертву богу. В день этого праздника состоятельные мусульманерезали жертвенных баранов, мясо которых должно было поступать в пользу ниенмуши. Однако богатые устраивали в этот день обильное угощение для духовенства и знати. *Халилулах* — одно из имен библейского пророка Авраама. *Бараны шкуры школярам ты отдай!* — В печати был поднят вопрос о том, чтобы шкуры жертвенных баранов сдавались в пользу школ, но даже против этой ничтожной меры возражали фанатики.

О фея свободы! «Гюнеш», 1910, № 92, за подпись «А. С.»

Моя душа. Печатается по изданию 1929 года, где датировано 16 декабря 1910 года. В издании 1948 года помещено в числе недатированных стихотворений.

От шельнику. «Гюнеш», 1910, № 99, за подпись «А. С.». Гейс — имя героя поэмы Физули «Лейли и Меджнун», обезумевшего от любви к Лейли и прозванного «одержимым» (Меджнун).

1911

«Земля на краткий срок...» «Гюнеш», 1911, № 13, за подпись «А. С.».

Любовные похождения Мемдели в Европе. «Молла-Насреддин», 1911, № 4, вместо передовицы, без подписи.

После изгнания из Ирана Мамедали некоторое время жил в Одессе, а затем уехал в Европу. Толстая шея — на Востоке символ глуботы и тупости.

Отставка Азраила. «Молла-Насреддин», 1911, № 6, без подписи. Азраил — ангел смерти.

Отчего погиб Иран? Печатается по изданию 1929 года, где датировано 9 февраля 1911 года. В издании 1948 года помещено в числе недатированных сатирических стихов. Меджлис — иранский парламент. «Эй, ханхарбад!» — несчастный, жалкий человек, буквально — человек, у которого разрушился дом. Сам и Нариман — леды Рустама, героя «Шахнамы» Фердоуси.

Постыдись. «Молла-Насреддин», 1911, № 7, вместо передовицы. Подпись — точки в скобках. Галжи, мешади, кербалай — почетные титулы фанатиков, посетивших в качестве паломников священные места — Мекку, Мешад, Кербала.

«Ты — закалый друг купцов...» «Молла-Насреддин», 1911, № 10. Вместо подписи — многоточие. Новруз — праздник весеннего равноденствия, оставшийся у азербайджанцев со времен огнепоклонства.

Праздничный подарок. «Молла-Насреддин», 1911, № 10. Вместо подписи — многоточие.

Переводчику Шекспира. «Молла-Насреддин», 1911, № 10, без подписи.

См. примечание к четверостишию «Я — зеркало моей эпохи».

«Болезней тяжких сонм...» Носит автобиографический характер; написано в последние недели жизни поэта и впервые опубликовано в предисловии Аббас Сихата к первому изданию «Хоп-Хоп-намы».

Новруз. Напечатано в издании 1914 года со следующим примечанием:

«Это стихотворение было начато покойным во время болезни, в последние дни жизни, и осталось незаконченным». В издании 1948 года помещено в числе недатированных стихотворений. Мы датируем его условно концом 1911 года, года смерти поэта. Масэррам (Муххаррам) — мусульманский траурный месяц, связанный с гибелью в борьбе за власть мусульманских «сиятьх» (имамов), близких потомков Мухаммеда. Мы издали в одном году два года признания — мусульманин года, начинающийся с месяца масэррама, и солнечный — с месяцем марта.

«Я жажду смерти...» Написанное в последние дни жизни поэта, эти строчки покзывают, до какого отчаяния был доведен Сабир продолжительной и мучительной болезнью. Впервые опубликовано в предисловии Аббас Сихата к первому изданию «Хоп-Хоп-намы».

«Дорогу дайте мне...» Написано в последние дни жизни поэта на персидском языке. Впервые опубликовано в предисловии Аббас Сихата к первому изданию «Хоп-Хоп-нама».

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Разговор двенадцати. Под заглавием «Маленький фельтон» напечатано во всех изданиях без указания даты. *Розехан* — полу духовное лицо, рассказывающее о мучениях «святых» (имамов) и заставляющее своих слушателей плакать. *Дервиш* — странствующий монах, рассказчик религиозных преданий. *Софи* — фанатик, всецело преданный религии, святона, ханжа. *Фитва* — приговор, приказ, решение духовного лица.

Маленькая сценка. Под этим заглавием напечатано во всех изданиях без указания даты. В издании 1914 года имеется следующее примечание: «Точный перевод из газеты «Насими шимал» («Серый ветер»).

Украшение матерей. Под этим заглавием напечатано во всех изданиях без указания даты.

«Стих — драгоценное зерно...» Впервые опубликовано в предисловии Аббас Сихата к первому изданию «Хоп-Хоп-нама».

ГАЗЕЛИ

Большинство газелей помещено в изданиях сочинений поэта на родном языке без указания даты.

Ник чему. *Киблы* — здесь — святыни. *Мехраб* — ниша в мечети, вроде алтаря. *Шербет* — сладкий ароматный напиток.

«Когда, как сердце, кудри мне...» *Сулейман* — библейский пророк Соломон Мудрый.

У тебя. *Гурбан-байрам* — см. примечание к сатире «Гурбан-байрам».

«Ты у царицы красоты...» И на седьмое небо ты взошла свою красотой. — Намек на предание о том, как Мухаммед еще при жизни был вознесен на небо. *Арабы* *взошли из пустыни*, не пропускают в храм *согляд*? — То есть черные кудри (черные арабы) закрыли лицо (святой храм). Лишь тот паломник стал *гаджи*, кто черный камень *человол*. — Обычно паломники в Мекке прикладывались к «священному» черному камню (метеориту) в мусульманском храме и получают звание *гаджи*.

Не распознал Кааба — храм в Мекке, в котором хранится черный камень. *Ваиз* — проповедник, духовное лицо.

«Росинками из глаз...» *Зоххакова змея* — змея Зоххака, древнего иранского шаха-деспота, змееопоклонника («Шах-нама» Фердоуси). Хоть ты не антл, поклонясь ты праху... — намек на библейское предание, согласно которому бог, создав Адама из праха, повелел ангелам поклониться ему.

«О виночерпий, не пускай...» И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна *ею увлек*! — Намек на одно из библейских преданий об Адаме, согласно которому он был изгнан из рая за ослушание бога, запретившего ему прикасаться к пшеничному зерну.

Когда любимая уйдет... Бакинская газета «Газа хаят» («Новая жизнь»), 1907, № 98, за подпись «Али Сабир Таир-заде Ширван». В примечании автор указывает, что содержание заключительного двустишия позаимствовано им из стихотворения азербайджанского поэта Хагана Ширвани (XII век). *Бистун* — легендарная скала в Иране, на которой камнеет Фарход вискал изображение своей возлюбленной Ширин (из поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин»). *Эзэн* — по-арабски «покорность». По арабской транскрипции в начале и в конце этого слова главные буквы — элифы (начальная буква арабского алфавита, ср. с греческой алфой), а середина в отдельности составляет корень другого слова, означающего «ненависть».

БАСНИ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Помещаемый в настоящем сборнике цикл басен и стихов для детей был написан Сабиром в годы пребывания поэта в Баку (1910—1911), где он работал учителем. Часть из них была опубликована при жизни поэта в различных органах печати в Баку, а другая — после смерти поэта.

В некоторых из басен Сабир использовал народные сюжеты. Таковы: «Врач и больной», «Лживый чобан», «Молла-Насреддин и вор», «Оделяло Молла-Насреддина» и др.

Басни Сабира датированы нами по последнему изданию сочинений Сабира на родном языке (1948 г.).

Врач и больной. «Хагигат», 1910, № 138, за подпись «А. Сабир».

Старый садовник. «Хагигат», 1910, № 140, за подпись «А. Сабир».

Муравей. «Хагигат», 1910, № 142, за подпись «А. Сабир».

Оделяло Молла-Насреддина, «Гюнеш», 1910, № 75, за подпись «А. С.».

Искендер и нищий. «Гюнеш», 1910, № 96, за подпись «А. С.» Искендер — Александр Македонский.

Больной крестьянин. «Гюнеш», 1910, № 97, за подписью
«А. С.».

Буйволица. Журнал «Мектеб» («Школа»), 1913, № 1.

Лживый чобан. «Мектеб», 1913, № 11, за подписью
«А. Сабир», под шапкой: «Одно из стихотворений покойного А. Сабира для детей». В этом номере журнала, отмечавшего вторую годовщину со дня смерти поэта, помещены также биография Сабира и несколько стихотворений, посвященных памяти поэта, а также переведана его сатира «Не пущу». Чобан — пастух. Яйлаг — летнее пастбище в горах.

Молла-Насреддин и вор. «Мектеб», 1913, № 14, за подписью «А. Сабир».

Паук и шелкопряд. «Мектеб», 1913, № 16, за подписью
«А. Сабир».

Торговец и его сын. «Мектеб», 1913, № 22, за подписью
«А. Сабир».

Находка, Спор, Ворона и Лисица. Эти басни Сабира не датированы ни в одном из изданий на родном языке. Басня «Ворона и лисица» написана под очевидным влиянием великого русского баснописца И. А. Крылова.

К детям. Бакинская газета «Седа», 1910, № 37, за подписью «Учитель Балаханской школы А. Сабир Ташр-заде». Балаханы — один из рабочих районов г. Баку, где и был учителем Сабир.

Рвенье и лень. Как это, так и все последующие стихи для детей не датированы ни в одном издании произведений Сабира на родном языке. Очевидно, все они написаны в 1910—11 годах, когда Сабир жил в Баку.

СТИХОТВОРЕННИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ САБИРУ

Какое дело мне? Принадлежность этой сатиры Сабиру споря. Она была помещена в журнале «Молла-Насреддин», 1906, № 4 от 28 апреля вслед за передовицей «За что вы меня бьете?» В этой передовице Молла-Насреддин в сатирической форме говорил о своих целях, не совпадающих с целями прочих молл, фанатического духовенства.

— И я моллы и вы моллы, — писал Молла-Насреддин в конце передовой, — но маленькая разница между нами в том, что я, по крайней мере, печатаю всякие сказки и небылицы, рисую на плотной бумаге разные там картинки и раздаю мусульманам, чтобы ребята, глядя на картинки, смеялись, а слуги пользовались бумагой для разжигания костра, а вы, моллы, говорите: к черту и ребята и слуг. Вы, моллы, говорите...

Далее было напечатано стихотворение «Какое дело мне?»

После смерти Сабира Аббас Сихат, составлявший первый сборник его стихов, включил в сборник и это стихотворение, которое перепечатывалось затем во всех последующих изданиях.

В 1929 году редактор журнала «Молла-Насреддин» Дж. Мамед-Кули-заде выступил со своими воспоминаниями о Сабире, в которых отрицал принадлежность этого стихотворения перу Сабира, однако он не назвал действительного автора стихотворения.¹

Можно предполагать, что автором этой сатиры и является сам Дж. Мамед-Кули-заде, перу которого принадлежит ряд сатирических стихотворений в журнале «Молла-Насреддин», особенно в первых номерах его за 1906 год. Мы сочли возможным включить эту сатирическую в настоящий сборник, как приписываемую перу Сабира.

¹ См. Сборник «К 10-летию библиотеки имени Сабира в Баку», 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

Аз. Шариф, Сабир	5
----------------------------	---

САТИРЫ, ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1905

К согражданам мусульманам и армянам	33
---	----

1906

Горемычный	35
Не грусти	37
Я не пойму	38
Жалоба старика	41
Бакинским рабочим	43
Не медли!	45
Спи	47
Изучение наук	49
Отцовский наказ	51
Я вздохнула	53
Ответ Гоп-Гопу	55
Бакинским пехлеванам	57
Советы старой колдуньи	59
Детям	62
Исповедь	64
Слово	66
Горе аптекаря	67

1907

Не буду кукарекать	69
Слобода	70
Призвание женщины	72
Весь мир отдам тебе!	74
Наставление сыну	76
Горе скряги	78
Человек	80
Расплата	81
Плач	83

Курица	85
Как скверно мне, аллах!	86
Мы — благочестивые	88
Не вышло я так, как я сказал?	90
рабочему	92
Поэтическая мелодия	94
Деньги	96
Умер?!	98
Аристократическая мелодия	99
Сыну	101
Экинчи (пахар)	104
Вспомни	106
Боюсь	108
Не могу	110
Песня моллы	111
К Молла-Насреддину	113
Надежда не сбываешь	116
Невозможное	118
Подражание	119
Боже, слава тебе!	122
Письмо	124

1908

На что тебе, аллах?	126
Вопросы и ответы	128
Фисинджан	129
Я не поверю	130
Нам что?	131
Дитя	133
Ай, хвала, хвала тебе!	135
Спи в невежестве	136
Женись	137
Такая сладостная жизнь	139
Ширан	140
Истина	141
Спасите!	142
Терпи	143
Сетования	145
Дочь глаура	147
Османец, не верь!	149
Иран — мой!	151
Не пускай, — идет!	153
Оп — дитя	154
Ах!	156
Наставление	158
Месяц Рамазан	159
Я — поэт	161
Саттар-хану	163
Изгнание Мир-Хашима	165
Нет подобного мне!	167
Фахрат-киши	169
Вызов проповеднику	170

Шах-нама	171
Отиные	175
Виной дубине	177
Будущее — наше!	179
Что делать мне, аллах?	181
Жалоба женщины	183
Мне не повезло	186
Беким, мой сын!	189
Продажа	191
Тебя во благо	193
Бунтуют иранцы	195
Подражание нашим поэтам	197
Выкладывай сюда!	198
Подражание Физули	200
Скажи, зачем?	201
Будем невеждами	202
Человек с монхой — человек большой	204
Не даю!	205
Лучше пропадом пропасть	208
Нет, не напишу!	209

Праведник	211
Кто может усомниться в нас?	212
Письмо другу	214
Марш интеллигентов	218
Божество вы мое!	220
Нации	222
Жалоба	224
Ардебиль	226
Не найдешь	228
Сладкий разговор	230
Ницца	233
Не надоели ли тебе?	235
Нас, бездельников, — орда!	237
Не пушу!	239
Примирись!	242
Почему я не сочувствую школе?	244
Посторонись!	246
Мы и другие	249
Букет цветов	250
Пришла пора!	251
«Нет, нет, отшельнику нельзя!	253
«Когда бы объявил аллах...»	254
Кто просвещенный?	255
Удача	256
Ай, дикан, ай, дикан!	258
«Я — зеркало моей эпохи...»	260
«Сказала везиру шах...»	261
«Мое несчастье...»	262

«Детским почерком...»	263
Игла	264
Признание Абдул-Гамида	265
Сон	266
Гурбан-байрам	268
«О фея свободы...»	270
Моя душа	271
Отшельнику	272

«Земля на краткий срок...»	274
Любовные похождения Мемдели в Европе	275
Оставка Азриана	277
Отчего погиб Иран?	278
Погибдиесь!	281
«Ты — злакомый друг купцов...»	283
Праздничный подарок	284
Переводчику Шекспира	285
«Болесней тяжких сонм...»	286
Новруз	287
«Я жажду смерти...»	288
«Дорогу дайте мне...»	289

Стихотворения разных лет

Разговор двенадцати	290
Маленькая сценка	292
Украшение матерей	295
«Стих — драгоценное зерно...»	296

ГАЗЕЛИ

Ни к чему...	299
Когда, как сердце, кудри мие	300
У тебя	301
Ты у царицы красоты...	302
Не распознал	303
Росинками из глаз...	304
О виночерпий, не пускай...	305
Когда любимая уйдет...	306

ВАСИЛ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Врач и больной	309
Старый садовник	310
Муравей	311
Одеяло Молла-Насреддина	312
Искендер иниций	313
Больной крестьянин	315
Буйволица	317
Лживый чобан	318
Молла-Насреддин и вор	320

Паук и шелкопряд	321
Торговец и его сын	322
Находка	324
Спор	326
Ворона и лисица	328
К детям	330
Рвенье и день	332
Мальчик и лед	333
Дни весны	334
Пахарь	335
В школу	336

Стихотворение, приписываемое Сабиру

Какое дело мне?	338
Примечания	341

Редакционная коллегия:

*И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Езолин, А. А. Прокофьев, В. М. Савинов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов*

Редактор И. Браун

Художник И. Серов. Форзац художника М. Власова

Техн. редактор Р. Сквиренская

*Л 22513. Подписано к печати 19.VI.53 г. Формат бумаги 84х108/2—5,81 бум. 4,75
—19,06 печ. л. + 11 есл. Уч.-изд. л. 12,05. Авт. л. 11,01. Тираж 10 000. Заказ № 515.
Цена 9 р.*

*Типография № 3 Управления издательства и полиграфии Исполнкома
Ленгорсовета*

O p.